Об артиллерии и немного о себе

Николай Яковлев

SHOUT
SHARE
IT

- Яковлев Николай

Яковлев Николай
Об артиллерии и немного о себе

Яковлев Николай Дмириевич

Об артиллерии и немного о себе

{1}Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

Аннотация издательства: Автор в июне 1941 г. стал начальником Главного артиллерийского управления РККА и все годы Великой Отечественной войны руководил этим важным органом, связывавшим Ставку ВГК и Генеральный штаб с наркоматами и заводами, осуществлявшим обеспечение фронтов вооружением и боеприпасами. В своей книге, рассчитанной на массового читателя, Н. Д. Яковлев дает возможность оценить всю масштабность и значимость ГАУ в решении важнейшей проблемы - обеспечении действующей армии основными средствами для ведения успешной вооруженной борьбы.

Биографическая справка: Яковлев Николай Дмитриевич (1898-1972), маршал артиллерии (1944). Член КПСС с 1923. В Советской армии с 1918. Участник Гражданской войны. Окончил артиллерийские курсы (1920), Академические курсы усовершенствования комсостава (1924). Участвовал в советско-финляндской войне. В июне 1941 генерал-лейтенант. В 1941-1945 начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) и член Военного совета артиллерии Советской Армии. Руководил обеспечением действующей армии вооружением и боеприпасами. В 1946-1948 начальник ГАУ - 1-й заместитель командующего артиллерией Вооруженных Сил СССР, с 1948 заместитель министра Вооруженных Сил СССР, с 1953 1-й заместитель командующего, в 1955-60 -главнокомандующего Войсками ПВО страны. С декабря 1960 в Группе генеральных инспекторов Министерства Обороны СССР. Депутат Верховного Совета СССР в 1946 - 50. Награжден 6 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1 степени, орденом Кутузова 1-й степени, Трудового Красного Знамени. (Великая Отечественная война. Энциклопедия. Москва. "Советская энциклопедия", 1985. Стр. 824.) \\\ Андриянов П.М.

Содержание

Глава первая. Путь в РККА

Глава вторая. Накануне

Глава третья. Вступаю в должность

Глава четвертая. Враг - у стен столицы

Глава пятая. Обстановка улучшается
Глава шестая. Ближе к войскам
Глава седьмая. Военная приемка
Глава восьмая В тесном содружестве
Глава девятая. Год решающих побед
Примечания

Глава первая. Путь в РККА

Шел январь 1917 года. По-прежнему грохотала первая мировая война, перемалывавшая на своих огненных полях сотни тысяч людей, одетых в солдатские шинели. Эту страшную убыль нужно было беспрестанно пополнять. И вот, согласно очередному царскому указу, на действительную военную службу призвали уже сравнительно молодую поросль - граждан России мужского пола рождения 1898 года. Месяц и день рождения в расчет не шли. Поэтому, хотя я и родился 18 декабря 1898 года (по старому стилю), в начале января 1917 года уже оказался рядовым 1-го взвода 13-й роты 178-го пехотного запасного полка, расквартированного в городе Старая Русса, что в Новгородской губернии.

Кстати, хочу сразу же отметить, что по действующему тогда закону сын из семьи, имевшей кроме него одних лишь только дочерей, призыву на военную службу вроде бы и не подлежал. И хотя я в полной мере подпадал под этот закон (братьев не имел, сестер было семеро), меня все-таки призвали.

Провожали меня отец, Дмитрий Яковлевич, около сорока лет проработавший в городской пожарной команде города Старая Русса, да мать, Ксения Семеновна, безмерно добрая женщина, и жизни-то не видавшая через свои кухню да корыто.

На службу я пришел без всякой специальности. Но так как успел окончить до призыва высшее начальное училище (было тогда и такое, равное, пожалуй, современной восьмилетке), то считался вполне образованным солдатом.

В роте нас быстро одели. Правда, нам, восемнадцатилетним парням, форма подчас не подходила, была велика. И тогда дюжий каптенармус тут же самолично подрезал шинели, ушивал воротники гимнастерок. Но вот с сапогами даже он ничем помочь нам не мог: у меня, например, в каждое голенище свободно входило по кулаку.

Отделенный командир полуграмотный ефрейтор Шорохов и взводный унтер-офицер Тарас показали, как на ночь складывать гимнастерки и брюки. Но... В первую же ночь мы были разбужены диким криком, за которым тут же последовала резкая команда: "Молчать!" Оказалось, что это наш унтер-офицер, дождавшись, когда все уснут, начал проверять выполнение данных указаний. И

обнаружил одного из новобранцев, который лег спать в брюках. Его-то он и огрел несколько раз своим ремнем...

Замечу, что в те времена зуботычины, которыми награждали унтеры подчиненных им солдат, были, что называется, в порядке вещей. Правда, в нашем взводе ни Тарас, ни Шорохов этим в общем-то не увлекались. А вот в соседнем, 2-м, молодые солдаты постоянно ходили то с побитыми носами, то с синяками.

Зато наш взводный унтер-офицер и отделенный с повышенной придирчивостью учили нас строю, владению винтовкой, заставляли зубрить уставы, имена и титулы членов царской фамилии и своих прямых военных начальников. И не дай бог было забыть какую-либо мелочь или не назвать после ответа самого отделенного "господином отделенным"! Тут уже пощады не жди.

Офицеры в роте бывали всего лишь по два-три часа в день, один лишь ротный командир иногда находился в канцелярии дольше. Так что главным начальником для нас фактически был фельдфебель с громкой фамилией Суворов.

В начале февраля приняли присягу на верность царю и отечеству. А вскоре Россию потрясли революционные события. Вот тогда-то мы, новобранцы, и наслышались таких названий, как эсдеки, эсеры, большевики, меньшевики...

Приняли присягу теперь уже на верность Временному правительству, покаялись в грехах (в каких, никто из нас не знал) всей ротой в церкви, причастились. И тут новая неожиданность: в апреле меня в числе других "грамотеев" направили учиться на младшего командира, унтер-офицера.

Учебная команда располагалась отдельно от полка, на так называемом Красном берегу. Дисциплина здесь была зверской, так что никаких особых событий, а тем более вольнодумства в команде в те бурные апрельско-июньские дни 1917 года не наблюдалось. Но потом и у нас - сначала с опаской, а затем все смелее заговорили о Ленине как о руководителе большевиков, главном защитнике интересов рабочих и крестьян. Большевистские лозунги, такой, как "Долой десять министров-капиталистов!", находили у курсантов команды горячий отклик, как и выступления рабочих против продолжения империалистической войны.

Словом, политически мы тоже прозревали, и уже в июне 1917 года вся наша команда вышла на демонстрацию под большевистскими лозунгами.

Расправа за это, как и следовало ожидать, пришла скоро. Уже через несколько дней на вокзале гремел наш полковой оркестр. Надрывая души родным, пришедшим проводить своих сыновей и

братьев, музыканты браво выдували марш "Прощание славянки". Учебную команду в полном составе отправляли на Западный фронт, в окопы. Так я оказался в 1-й пулеметной команде 268-го пехотного Пошехонского полка 67-й дивизии.

Наш полк занимал оборону у озера Нарочь, что на Виленщине. До немецких окопов - рукой подать, метров двести, не больше. По вечерам, в часы затишья, были даже слышны голоса из окопов противника.

В лощине у деревни Стаховцы расположились наши кухни. Утром мы получали там горячий завтрак, а после часа дня - обед. У кухонь же раздавались письма и посылки.

Кормили нас довольно скудно, даже не по норме. Хлеба, например, выдавалось всего по три четверти фунта да четверть фунта сухарей. Причем хлеб и сухари рекомендовалось съедать сразу, так как мыши, кишащие в блиндажах, не позволяли сделать и малейшего запаса еды.

Во время раздачи пищи я не раз обращал внимание на одного солдата-вольноопределяющегося. Был он высокого роста, имел интеллигентный вид. Позже я узнал, что фамилия этого солдата Белицкий, что он является членом полкового комитета то ли от партии большевиков, то ли от эсеров...

Забегая на тринадцать лет вперед, скажу, что в декабре 1930 года в 28-й артиллерийский полк, которым я временно командовал во Владикавказе, неожиданно приехал командующий войсками Северо-Кавказского военного округа Н. Д. Каширин. Его сопровождала группа командиров. Каширин, объявив учебную тревогу, вывел полк на тактические занятия в поле. Вот там-то среди сопровождавших командующего я и увидел уже поседевшего грузного командира с тремя ромбами в петлицах. И узнал в нем... того самого солдата 268-го пехотного Пошехонского полка Белицкого. Оказалось, что он проходит службу в центральном аппарате НКО, а в штаб нашего округа прибыл на стажировку. Вот ведь как сплетаются подчас жизненные пути людей!

Правда, больше мы с Белицким не встречались, и дальнейшей его судьбы я не знаю.

Но продолжу свой рассказ о службе осенью 1917 года.

Шла обычная позиционная война. Днем, как правило, было относительно спокойно, но вот с наступлением темноты немцы начинали нервничать: шарить лучами прожекторов, освещать нейтралку ракетами. То и дело с их стороны раздавались пулеметные очереди, иногда открывала беглый огонь и артиллерия.

Офицеры полка вели себя на фронте с достоинством, не

особенно-то прятались от огня, но вот от рядовых солдат были по-прежнему далеки. Да и мы не стремились к сближению с ними.

То, что позже будет описано в книгах о первой мировой войне, мне пришлось увидеть собственными глазами. Мы переживали отвратительное ожидание разрывов "чемоданов" - снарядов тяжелой вражеской артиллерии, знали, что нужно как зеницу ока хранить противогаз. В массе разрывов научились выделять негромкие хлопки химических снарядов, натягивая противогазные маски еще до тревожных оповещающих ударов в рельс. И все равно нам не была уготована судьба "потерянного поколения" Запада, ибо в то время в России все нарастали революционные события. О них мы знали и на фронте. И безраздельно связывали свои мечты о лучшей доле с лозунгами большевиков. Ведь они, такие, как "Мир хижинам, война - дворцам", "Долой войну" и другие, были простыми и близкими нашему брату солдату. Ленинские призывы доходили до сердец окопников, будоража всех - от нас, восемнадцатилетних, до бородачей с проседью. Шли бесконечные разговоры о доме, о горемычной крестьянской доле. Ждали больших событий...

В октябрьские дни 1917 года наш полк перевели в дивизионный резерв. И вот в ночь с 7 на 8 ноября (по новому стилю) нас с унтер-офицером Звягиным (мы оба к тому времени были членами полкового комитета) неожиданно вызвали к телефону. Звонили из соседней 55-й пехотной дивизии, взволнованно передали, что в Петрограде власть перешла в руки Советов во главе с В. И. Лениным. Представители 55-й дивизии порекомендовали нам немедленно изолировать наиболее реакционных офицеров и уже после этого объявить солдатам полка о переходе власти в руки Советов.

Звягин и я тут же отправились в полковой комитет. Где-то около 2 часов ночи он собрался полностью. После недолгих дебатов решили арестовать нескольких офицеров, в том числе и командира полка полковника Свистунова.

Нам, первым принесшим весть об установлении в Петрограде власти Советов, и поручили выполнить это последнее решение. Отправились в домик полкового командира, разбудили его, объявили, что он арестован. Полковник внешне отнесся к аресту спокойно, без сопротивления сдал оружие и тут же снова лег спать. А мы со Звягиным до самого утра бодрствовали с винтовками в передней, пока нас не сменили.

Впоследствии Свистунов пообещал, что будет отдавать все приказы по полку лишь с ведома полкового комитета. Мы освободили его. Но недели через две он тайно уехал на станцию Кривичи, сел там в поезд и отбыл в неизвестном направлении.

Словом, бросил полк.

Думается, что нет особой нужды показывать дальнейшее развитие событий на фронтах первой мировой войны, они и без того хорошо известны. Скажу сразу, что в конце января 1918 года я вернулся домой. Вернулся уже с румынского фронта, куда меня перевели еще в ноябре 1917 года. Отдыхал недолго, около месяца. В феврале поступил на службу в военный отдел старорусского Совета депутатов, а в июне 1918 года - в только что сформированный уездный военный комиссариат.

Я рвался на фронт, горел желанием с оружием в руках защищать Советскую власть. Но подвела моя относительная грамотность, кстати ставшая в эти годы для меня сущим наказанием, обузой. Не знаю, что за великие качества обнаруживали во мне, молодом парне, мои непосредственные начальники - разве то, что я прочел много книг и имел в общем-то хорошую эрудицию. Во всяком случае, они твердо стояли на своем: служи там, куда тебя поставила революция. И эти-то прекрасные люди со всей революционной твердостью держали меня при бумагах, один вид которых вызывал у меня прямо-таки отвращение.

И все же в мае 1919 года мне с немалым трудом удалось перевестись в полевое управление Западного фронта. Подумалось: наконец-то улыбнулось счастье! Но... Вместо направления в боевую, пехотную, часть меня - опять же из-за имеющегося образования - направили вначале в артиллерию, а в конце 1919 года на 2-е Петроградские артиллерийские командные курсы. Это-то и определило весь мой дальнейший жизненный путь.

Командный и преподавательский состав курсов был почти весь скомплектован из прежнего штаба бывшего Константиновского артиллерийского училища. Но справедливости ради следует отметить, что к обучению нас, красных курсантов, эти люди относились очень добросовестно.

Во время нахождения здесь, на артиллерийских курсах, в моей жизни произошло знаменательное событие: Московским райкомом города Петрограда 4 августа 1920 года я был принят кандидатом в члены партии большевиков.

А учеба тем временем шла своим чередом. Вскоре на полигоне под Красным Селом у нас прошли первые боевые артиллерийские стрельбы. Каждый курсант выступал на них сначала в роли наводчика, а затем и командира расчета. Правда, сделали мы тогда всего лишь по нескольку выстрелов, так как снаряды нужно было экономить.

Затем стрельбы начали повторяться все чаще. Шло

практическое оттачивание того, что мы усвоили на лекциях. Вскоре некоторым курсантам этого показалось достаточно, и они принялись бомбардировать курсовое начальство рапортами с просьбой отправить их на Западный фронт сражаться с белополяками. Естественно, что этим горячим головам отказывали. Мы, основная масса курсантов, тоже их не понимали. И зачем, думалось, портить кровь себе и другим, когда не за горами уже и выпуск?

Так оно вскоре и случилось. В сентябре 1920 года нас выпустили красными командирами. И поскольку я всегда шел в числе отличников учебы, даже закончил курсы, как сейчас принято говорить, по первому разряду, то получил право выбора фронта. Избрал тот, где, по моим расчетам, война продлится дольше всего, - Северо-Кавказский. Не скрою, что известную роль здесь сыграли произведения Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова о Кавказе. Но только вот я, романтический читатель, ставший красным командиром, упустил из виду, что темпы-то жизни - а с ними и темпы боевых действий - в XX веке намного убыстрились...

Итак, еду на Северо-Кавказский фронт. Из штаба в Ростове-на-Дону получил назначение в артиллерийский дивизион, находившийся в Новочеркасске. А уже оттуда в декабре 1920 года попал в 32-ю стрелковую дивизию, которая вела тяжелые бои в горном Дагестане против крупных контрреволюционных группировок, созданных и поднятых против Советской власти верхушкой местных буржуазно-националистических элементов во главе с имамом Гоцинским. Кроме того, этим повстанцам активно помогали меньшевики Грузии, их обучали английские и турецкие инструктора.

И вот я в должности командира огневого взвода 2-й батареи 95-го легкого артиллерийского дивизиона, имевшей на вооружении 76-мм пушки образца 1902 года, тоже принял участие в боевых действиях в горном Дагестане. Их в основном вели части 14-й и 32-й стрелковых дивизий, а также 2-я Московская бригада курсантов. Бои носили довольно ожесточенный характер, потери с обеих сторон были велики.

Командующим терско-дагестанской группой войск являлся М. К. Левандовский, а начальником (так тогда именовались комдивы) 32-й стрелковой дивизии - А. И. Тодорский. Это были опытные командиры, и под их руководством все мы приобрели неплохие фронтовые навыки. Мне, например, удалось на практике убедиться в исключительной безотказности 76-мм орудий, по праву считавшихся в то время гордостью русской артиллерии.

В марте 1921 года меня назначили адъютантом (по современным положениям начальником штаба) 32-го гаубичного артиллерийского дивизиона 32-й стрелковой дивизии. Здесь уже на вооружении состояли 122-мм гаубицы образца 1909 года. Это был прекрасный дивизион, укомплектованный в основном казаками станицы Иловлинской, некогда входившей во 2-й Донской округ. Командирами батарей были опытные артиллеристы, в прошлом фей-ерверкеры, Коржов и Вдовин. Красноармейцы-казаки тоже в свое время служили в конной казачьей артиллерии старой армии, дело свое знали отлично. Дивизионом командовал бывший штабс-капитан, большевик с дореволюционным стажем В. Ф. Кузьмин, у которого я тоже многому научился.

В конце марта наш дивизион из Баку, где он до этого дислоцировался, выступил в направлении города Порт-Петровска (ныне Махачкала). Но до места назначения мы не дошли, простояли до мая в аулах Берикей и Джемикент. Затем погрузились на суда и прибыли в Ленкорань, где и влились в 28-ю стрелковую дивизию. Расположились в селе Новоголовка, что на Мугани, где нас вскоре переформировали в 28-й сводно-тяжелый артиллерийский дивизион. В июле новый приказ: морем вернуться в Баку, а уже оттуда совершить марш в район города Геокчай. В конце августа 1921 года - очередная передислокация, на сей раз в колонию Еленендорф, в окрестности нынешнего Кировабада. В октябре попали на Кубань, в хутор Рождественский, из него - в станицу Незлобную близ Георгиевска. И наконец, в феврале 1922 года обосновались во Владикавказе (ныне город Орджоникидзе), где в то время находился штаб нашей 28-й стрелковой дивизии.

Таким образом, только за один год сменив семь раз место своей дислокации, наш дивизион окончательно "прописался" во Владикавказе. Был ли в этих перебросках какой-либо оперативный смысл - сказать трудно. Но вот практику походов, погрузок на морские суда и в железнодорожные эшелоны мы получили большую.

В 28-й стрелковой дивизии я и прослужил - с перерывом всего в полгода - до весны 1931 года. И на всю жизнь сохранил самые теплые воспоминания об этом десятилетии.

28-я дивизия была кадровым, всегда хорошо укомплектованным соединением. В его рядах я вырос и как командир-воспитатель своих подчиненных, и как опытный командир-артиллерист.

Длительное время дивизией командовал А. Д. Козицкий, бывший офицер старой армии, еще на фронтах первой мировой

войны безоговорочно принявший правоту большевистской программы. После Великой Октябрьской социалистической революции Козицкий одним из первых вступил в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Воевал в гражданскую, был награжден орденом Красного Знамени.

Полками в 28-й стрелковой дивизии в разное время командовали Хозин, Королев, Зубков, Петров и Сахаров, тоже очень хорошо подготовленные в военном отношении товарищи. Оперативное отделение штаба дивизии возглавлял А. П. Покровский, ставший впоследствии генерал-полковником.

В те далекие и довольно трудные годы, когда наша страна еще только поднималась из разрухи, вопросы сбережения артиллерийской техники и другого военного имущества постоянно находились на самом высоком уровне. Командиры и красноармейцы глубоко осознавали временные трудности Родины, поэтому проявляли самое заботливое отношение к государственному имуществу. Орудия, другая боевая техника, лошади (а в то время артиллерия была в основном на конной тяге) находились в идеальном порядке. Причем никого не приходилось заставлять своевременно почистить свою винтовку, убрать коня, обслужить после стрельбы орудие. Сознание у красноармейцев было высокое, они служили, что называется, не за страх, а за совесть.

* * *

Командиром нашего артиллерийского полка был П. Н. Офросимов, тоже бывший кадровый офицер царской армии. Прекрасно знающий свое дело, всесторонне образованный и душевный человек, Офросимов пользовался заслуженным авторитетом среди всех нас. Под стать ему был и военком полка Глейх, умело поставивший в части работу по политическому воспитанию бойцов и командиров.

В те годы (имею в виду двадцатые) часть красноармейцев приходила в армию неграмотными. Да и у остальных общеобразовательный уровень был явно не на высоте. И вот всю первую осень и зиму по два-три часа в день с ними начинали заниматься наши беззаветные труженики - учителя Плужникова и Исаев. Надо было видеть хотя бы ту же Дуняшу Плужникову, которая в грубых сапогах размера на три больше ей положенного с неизменной стопой тетрадей под мышкой в любую погоду торопилась на эти занятия. И старания Плужниковой и Исаева не пропадали даром: обычно уже к лету красноармейцы начинали читать и считать. А это в те годы было немало. Особенно для номеров артиллерийских расчетов.

Не знаю, в чем причина, но через дымку прожитых лет служба

в двадцатые годы до сих пор представляется мне какой-то безоблачной и радостной. Конечно, и тогда были свои трудности и проблемы, но...

День обычно начинался с цокота копыт по булыжнику Петровского переулка, где я жил с женой. Это красноармеец подавал мне коня. Летом - с первыми лучами солнца, зимой - в темноте выезжал я в часть: поспеть бы с утра к началу утренней уборки коней! Ну а потом... День всегда пролетал незаметно, до предела заполненный будничными трудами. А по вечерам мы, командиры, нередко засиживались с бойцами. Иногда чтобы просто поговорить с ними о жизни. Вот тут-то дистанция между командиром и красноармейцем, обычно строго соблюдавшаяся на службе, в задушевных беседах исчезала.

Жили мы, конечно, бедно: я, например, впервые приобрел штатский костюм уже в 1937 году, да и то перед зарубежной командировкой. Дома же - топчаны, покрытые дешевым ковриком, вместо стола - снарядные ящики под скатертью. Единственное украшение - две начищенные до блеска гильзы из-под трехдюймовых снарядов, в которых летом стояли цветы.

А вокруг - угар нэпа. Мы с женой, к слову, снимали комнату как раз в доме нэпмана. Но нас, командиров-коммунистов, это нисколько не угнетало: мы верили партии, верили, что этот угар со временем развеется. И именно так случилось!

Как-то мне в руки попался старый спичечный коробок. На выцветшей его этикетке - самолет с внушительным кукишем вместо мотора... Ответ Керзону! И сразу же нахлынули воспоминания...

Хотя уже отгремела гражданская война, но мы тогда прекрасно понимали, что Советская республика - это остров во враждебном океане капитализма. А РККА вверено дело защиты этой первой в мире республики рабочих и крестьян. И мы не жалели сил для повышения своего ратного мастерства, боевой готовности вверенных нам частей и подразделений.

Бойцы и командиры активно участвовали и в политической жизни страны. Помнится, в те дни в ответ на наглый ультиматум лорда Керзона повсюду прокатились митинги протеста против вмешательства в наши дела. Захватили они и Владикавказ. На состоявшийся в городе митинг вместе с рабочими вышли и части гарнизона. Вышли затем, чтобы не только выслушать гневные речи ораторов, но и продемонстрировать свою силу, показать всем, что Республика Советов имеет в нашем лице надежных защитников.

Конечно, что мог значить для этой демонстрации один какой-то дивизион здесь, во Владикавказе! Однако грохот колес

передков и орудий по мощеной площади (митинг заканчивался прохождением войск гарнизона), бравый вид артиллеристов тоже кое о чем говорили. И нас, и наблюдавших за нашим прохождением людей наполняла уверенность, что Рабоче-Крестьянская Красная Армия отстоит завоевания Октября!

А то, что РККА сможет наголову разгромить любого врага, у нас сомнений не вызывало. Действительно, ведь совсем недавно ее части доблестно закончили поход к берегам Тихого океана, отучили белополяков зариться на чужие земли. Ну, а ультиматум лорда... Если империализм и в самом деле пойдет на нас войной, то, рассуждали мы, молодые командиры, наши красноармейцы не только отгонят его от всех наших границ, но и напоят своих коней в той самой реке, у которой живет этот лорд. Мнения расходились лишь по поводу вкуса воды в реках Европы.

Последовательно занимая должности помощника командира, командира батареи, адъютанта дивизиона, начальника полковой школы, командира 3-го дивизиона и, наконец, начальника штаба 28-го артиллерийского полка, я, естественно, участвовал во всех учениях и маневрах, которые проводились войсками владикавказского гарнизона. Не минул и такого важного мероприятия, как изъятие большого количества оружия, оставшегося у населения еще от старой армии и белогвардейщины в горных районах Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Дагестана.

Выполнение этого мероприятия иной раз выливалось в нешуточные вооруженные схватки. И нам приходилось совершать многодневные переходы буквально в боевых условиях. Но все же оружие было изъято.

Следует отметить, что Северо-Кавказским военным округом в разные периоды командовали такие выдающиеся военачальники, герои гражданской войны, как К. Е. Ворошилов, И. П. Уборевич, И. П. Белов, И. Ф. Федько, Н. Д. Каширин. Поэтому нетрудно представить, какую хорошую школу прошли под их командованием части округа.

Полки нашей дивизии в то время дислоцировались от Дербента до Владикавказа. Личный состав частей имел возможность познакомиться с жизнью и бытом народов Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии. Мы видели, как горцы постепенно освобождаются от вековых предрассудков, идут на все большее сближение с нами. Местное население, несмотря на продолжавшиеся еще угрозы и даже зверские кары со стороны религиозных и националистических фанатиков, старалось по возможности помочь нам. В этой связи мне и хочется рассказать об одном весьма поучительном случае.

Осенью 1922 года начальник артиллерии дивизии приказал мне провести проверку состояния дел в артиллерийских взводах, располагавшихся в небольших укреплениях Шатос и Ведено. Оба эти укрепления находились в так называемой Черной Чечне, километрах в сорока южнее Грозного. И вот, захватив с собой красноармейца Юдочкина, я тронулся в путь. Прибыл вначале в Грозный, явился к командиру 82-го стрелкового полка, изложил ему суть полученной мной задачи. Тот, подумав, заявил, что надо ожидать "оказии", то есть отправки в том направлении обоза с продовольствием и другим имуществом, который будет сопровождать охрана в составе стрелкового взвода. Сказал, что одних он отправить нас не может, так как в горах все еще неспокойно, действуют банды.

Я уж было расстроился. Ведь ждать отправки обоза предстояло не менее двух дней. А время не терпит. Как быть?.. И вдруг меня снова вызвал к себе командир стрелкового полка. В его кабинете я увидел пожилого чеченца. Нас познакомили. Ибрагим, как звали чеченца, был проводником, не раз оказывал добрые услуги командованию 82-го полка. Вот и сейчас он вызвался проводить меня с красноармейцем в укрепления Шатос и Ведено.

Комполка охарактеризовал мне Ибрагима как честного человека, сказал, что с ним нам будет неопасно, так как Ибрагима в горах уважают. Я согласился. И уже через четверть часа мы на арбе выехали из Грозного.

К вечеру приехали в родной аул нашего проводника - Дачубарзой. Нас тепло встретила жена Ибрагима, оказавшаяся аульской активисткой. Здесь мы поужинали, переночевали. А утром во дворе Ибрагима я увидел двух подседланных для нас с Юдочкиным верховых лошадей.

Распростившись с хозяйкой, мы в сопровождении уже троих чеченцев (кроме Ибрагима нас теперь сопровождало на конях еще двое юношей) отправились сначала в укрепление Шатос. Прибыли туда довольно быстро, ведь конь - это не медлительная арба. Думали, что здесь-то Ибрагим и расстанется с нами. Но не тут-то было! Он заявил, что подождет нас и ни за что одних в Ведено не отпустит.

Через сутки мы вместе с Ибрагимом снова вернулись к нему в аул. Переночевали. Утром Ибрагим предложил отказаться от кружного пути по равнине, а по более короткой горной дороге ехать до укрепления Ведено. Мы согласились.

Этот короткий путь оказался довольно трудным. Ехали не по дороге, а по узенькой тропе, то и дело нырявшей к тому же в лесные чащобы. Юдочкин даже тихонько высказал

предположение, что нас, видимо, просто заманивают в ловушку. Я, хотя и верил уже Ибрагиму, поручиться за то, что мы можем быть избавлены от всяких неожиданностей, естественно, не мог. Поэтому промолчал.

Через час с небольшим добрались до какого-то аула. Здесь нас встретили довольно-таки недружелюбно, мы то и дело ловили на себе откровенно злобные взгляды. Особенно отличались этим старики. Однако с Ибрагимом даже они говорили почтительно, помогли достать для смены лошадей. На свежих конях мы вскоре добрались до Ведено.

У ворот укрепления тепло распрощались с Ибрагимом. Но каково же было наше удивление, когда, закончив здесь работу, мы через сутки в сопровождении нескольких красноармейцев местного гарнизона выехали из Ведено на Грозный и за воротами укрепления снова увидели Ибрагима! Примкнув к нам, он заявил, что будет сопровождать нас до выезда из гор, а уже потом отправится домой, что и выполнил.

Мы были очень признательны Ибрагиму за оказанную нам помощь. О благородстве этого чеченца, радушии его хозяйки я во всех подробностях рассказал в Грозном командиру 82-го стрелкового полка. Он, кстати, совершенно не удивился, так как хорошо знал Ибрагима - простого человека гор, душой и сердцем понимавшего цели Советской власти, ее армии, принесшей отсталой еще тогда Чечне освобождение от господства свирепых феодальных и религиозных предрассудков,

С Ибрагимом мне довелось встретиться и полгода спустя. Как-то он по своим делам приехал во Владикавказ. Я зазвал его к себе, угостил, чем был богат, а на прощание подарил ему бинокль, хранившийся у меня еще со времен гражданской войны.

В 1924 году я получил возможность окончить высшую артиллерийскую школу, ставшую впоследствии Артиллерийскими курсами усовершенствования командного состава - АКУКС. Кстати, позднее я несколько раз бывал там на учебных сборах.

Не ошибусь, если скажу, что едва ли не весь руководящий командный состав нашей артиллерии, принявший затем участие в Великой Отечественной войне, прошел в свое время учебу на АКУКСе, где получил солидную артиллерийско-стрелковую и тактическую подготовку, ибо преподавательский состав на этих курсах в середине двадцатых годов был очень квалифицированный, состоял из лучшей части генералов и старших офицеров бывшей царской армии, а затем уже из способнейших командиров-артиллеристов нашей армии, таких, как Нищенский, Михайловский, Рооп, Энгельске, Ильченко, Чернов, Муев, Кириллов-Губецкий, Холкин, Банников и другие.

Условия для учебы в высшей артиллерийской школе были хорошими. Да и слушатели относились к занятиям с большой ответственностью. Боевые артиллерийские стрельбы обычно проводились с нами на Лужском артиллерийском полигоне, имевшем прекрасную мишенную обстановку. На каждого слушателя выделялось до 100 боевых снарядов, так что практику стрельбы мы получали солидную.

Партийно-политическая работа велась повседневно и активно, ею умело руководил военный комиссар школы М. И. Соколов.

21 января 1924 года нашу страну постигло величайшее горе - умер Владимир Ильич Ленин. Весть о кончине вождя потрясла нас всех. Да, мы знали, что Владимир Ильич болен, болен серьезно. И все же никто из нас не мог поверить, это просто не укладывалось в голове, что он может умереть. И вот страшная весть об этом...

В эти дни все слушатели ходили удрученными, какими-то потерянными. Ведь понимали, что лишились великого вождя, учителя и друга, потеряли человека, всю свою жизнь посвятившего борьбе за лучшую долю трудящихся.

21 января в нашем клубе состоялся траурный митинг. Были приспущены знамена. С речами на митинге выступили комиссар М. И. Соколов и начальник школы В. В. Иванов.

В день похорон вождя мы строем вышли на площадь у Екатерининского дворца и в скорбном молчании под фабричные и паровозные гудки отдали последний долг памяти Владимира Ильича.

Да, утрата была огромной. Она ощущалась всеми. Когда объявили ленинский призыв в партию, многие из наших слушателей горячо откликнулись на него, подав заявления с просьбой принять их в ряды продолжателей дела великого вождя.

В 1924 году в нашей школе было огранизовано военно-научное общество. В его кружках горячо обсуждались вопросы, волновавшие в ту пору всех артиллеристов. И особенно нас, командирскую молодежь. Что же это были за вопросы? В первую очередь те, которые касались организации и вооружения артиллерии, способов ее боевого применения, использования опыта первой мировой и гражданской войн.

Оживлению научно-исследовательской работы способствовали два обстоятельства. Во-первых, появление в ту пору многих довольно-таки оригинальных работ по артиллерии, и прежде всего умной книги полковника старой армии Кирея, организатора артиллерийской подготовки в знаменитом брусиловском прорыве 1916 года. Зачитывались мы и

фундаментальными переводными книгами французского генерала Эрра, немецкого генерала-артиллериста Брухмюллера. Во-вторых, проведение в Москве весной 1924 года Всесоюзного артиллерийского совещания.

На это совещание съехались представители от всех артиллерийских военно-учебных заведений, а также посланцы из армейских артиллерийских частей. От нашей школы тоже была делегация, в состав которой посчастливилось попасть и мне.

В работе Всесоюзного артиллерийского совещания приняли участие М. Н. Тухачевский, начальник управления военно-учебными заведениями И. Э. Якир, другие видные военные деятели.

Заседания были продолжительными, а споры горячими. Шло обсуждение роли и места артиллерии как рода войск в системе сухопутных сил, вопросов ее дальнейшего организационного строительства, тактики в различных видах боя. Основой для обсуждения послужила работа М. Н. Тухачевского "Маневр и артиллерия", опубликованная в печати буквально перед совещанием.

Следует сказать, что в ту пору довольно остро стоял вопрос: быть батарее четырех- или двухорудийной? И вот в статье Тухачевского вроде бы основательно доказывалась целесообразность перехода к двухорудийным батареям. Многие артиллеристы с ним соглашались. Но вот мы, молодые командиры... Я, например, выступая на совещании от делегации нашей школы, горячо отстаивал четырехорудийный состав батарей. То есть такой, который уже существовал.

Кстати, в ту пору наметилась явная тенденция на разукрупнение артиллерийских батарей. Еще в 1925 году 76-мм батареи в стрелковых дивизиях по штату имели шесть орудий. Однако через год все батареи артиллерийского полка стрелковой дивизии были трехорудийного состава.

Но вернемся снова к моей службе в 28-м артполку. После учебы в высшей артиллерийской школе я опять с головой окунулся в его повседневные будни. Между прочим, забот у меня прибавилось, так как в это время я уже командовал 3-м дивизионом полка. То и дело выезжали на так называемые отрядные учения, то есть тактические занятия в поле, продолжавшиеся по трое и более суток. Причем если зимой эти учения проводились, как правило, всего один раз, то в летнее время следовали одно за другим. Особенно напряженными были август и сентябрь.

Мой дивизион обычно выходил на отрядные учения совместно со стрелковым батальоном, выделявшимся из

Владикавказской пехотной школы. Занятия в поле всегда хорошо готовились, проводились поучительно. Будущие пехотные командиры (курсанты школы) получали на них практические навыки по вопросам взаимодействия с артиллерией, ну а мы учились поддерживать огнем стрелковые подразделения при их развертывании во встречном бою, чаще всего головного отряда, выделявшегося из авангарда. Отрабатывали и подготовку атаки с ходу на поспешно укрепившегося противника, организацию артподготовки, поддержку огнем стрелкового батальона при ведении им боя в глубине вражеской обороны.

Окружные маневры проводились у нас сравнительно редко. В 1927 году, например, мой 3-й дивизион лишь единожды участвовал в них, проходивших на Кубани. Мы тогда вошли в состав усиленного 84-го стрелкового полка 28-й дивизии, действовавшей за "синюю" сторону. "Красной" стороной была 22-я стрелковая дивизия. Руководил маневрами командующий войсками Северо-Кавказского военного округа И. П. Уборевич. На них были приглашены военные атташе ряда буржуазных государств.

Ход маневров был очень напряженным. В первый день - встречный бой. Затем после полусуточного перерыва - марш и параллельное преследование для "красной" стороны. Вслед за этим - переход к обороне "синей" стороны, подготовка к наступлению и наступление "красной". И - разбор. Его проводил лично командующий войсками округа. И дал высокую оценку нашим действиям.

Зимой и летом проводились батарейные боевые стрельбы. Причем в зимнее время мы отрабатывали их на полигоне под Владикавказом, а летом - под Новочеркасском. Правда, в последующие годы начали выезжать в предгорья Кавказа. К 1 августа обычно заканчивали стрелково-артиллерийскую и тактическую подготовку дивизионов вплоть до отработки вопроса управления огнем группы поддержки пехоты.

Следует особо подчеркнуть, что в те годы командиры батарей всегда имели передовой НП в боевых порядках стрелковых рот, на котором находился командир взвода управления батареи. При организации огня основное внимание уделялось разведке целей и планированию огня конкретно по каждой из них. Считалось совершенно обязательным сопровождение пехоты в бою огнем и колесами. Смену огневых позиций батареи проводили повзводно, в дивизионе - побатарейно. Но с таким расчетом, чтобы артиллерийская поддержка не имела перерывов.

Командир полка П. Н. Офросимов командиров дивизионов в боевой подготовке ни в чем не стеснял и не опекал. С выходом в

лагеря каждый из нас мог по своему усмотрению уводить дивизион в так называемый подвижный лагерь сроком на 7-10 суток. Следовало лишь дать предварительную заявку на имя помощника командира полка по хозяйственной части, где указать места дневок, чтобы туда своевременно забрасывался фураж и продовольствие. В остальном же командир дивизиона был полностью предоставлен сам себе.

В подвижном лагере мы обычно в первый день организовывали марш, на следующий - встречный бой. Затем шла подготовка атаки перешедшего к обороне противника или, наоборот, наш переход к обороне. В дальнейшем - отход или участие в наступлении. Словом, в самых разных ситуациях сколачивали и батареи, и дивизион в целом.

Представителей из штаба полка во время наших занятий в этих подвижных лагерях, как правило, не было. Командир дивизии тоже посещал артиллерию только во время боевых стрельб, на отрядных учениях да маневрах.

Правда, каждую зиму из артснабжения округа приезжала группа так называемых осматривающих оружие. Это были высококвалифицированные, опытные арттехники. Обычно они появлялись тихо, не требуя к себе особого внимания. Но в то же время скрупулезно и точно фиксировали состояние артиллерийского парка, другого военного имущества. Попутно убеждались в знании оружия командирами и красноармейцами, составляли абсолютно объективный акт. Но если при этих осмотрах выявлялись недостатки в сбережении вооружения и боеприпасов, скидки от окружных представителей не жди. Тут уж они спросят со всей строгостью.

Инспекции нас не тревожили. Поэтому вполне понятно, каким исключительным событием явилось неожиданное посещение наших лагерей в предгорье Кавказа начальником артиллерии РККА В. Д. Грендалем. Случилось это летом 1927 года.

Как потом выяснилось, приехал к нам Грендаль поздно вечером. Тут же вызвал к себе начальника полигона и приказал срочно создать указанную им мишенную обстановку. А в 4 часа утра поднял по тревоге два дивизиона - мой, 3-й, из артполка, и дивизион из 82-го стрелкового полка.

В. Д. Грендаль лично наблюдал, как по тревоге поднялись и построились оба дивизиона. Затем, поставив задачу на марш, тронулся в путь вместе с нами. Придирчиво следил за работой командиров и красноармейцев как на марше, так и при развертывании, открытии артогня. Контролировал организацию управления огнем батареями, дивизионом, смену позиций.

Остался, видимо, доволен нашей высокой подготовкой, так как спустя месяц приказом по Управлению боевой подготовки РККА я был неожиданно награжден двухмесячным окладом.

Правда, это награждение вызвало у меня недоумение. Ведь, подумалось, мы не сделали ничего такого, что бы выходило за рамки обычной боевой учебы. Но позднее выяснилось, что так понравилось Грендалю в наших действиях.

Мишени, оказывается, по его приказу были выставлены не на полигоне, а еще на подходе к нему. И когда наш дивизион выступил и споро пошел по степной дороге, разведчики доложили - впереди мишени! Полигон это или нет - неважно. Важен сам факт - впереди мишени. Считай, противник. Значит - действуй!

По моей команде батареи быстро развернулись. В считанные секунды пристрелялись и повели огонь на поражение. Это-то и понравилось Грендалю, опытнейшему артиллеристу, который, неожиданно нагрянув в лагерь, затерявшийся в глухой тогда провинции, нашел и здесь отменный порядок, убедился в высокой боевой выучке бойцов и командиров.

Конечно, всего этого трудно было бы достичь без партполитработы, которая в дивизионе велась с большой целеустремленностью и энергией. Политруки батарей были, как правило, умелыми организаторами красноармейских коллективов, а партбюро полка в свою очередь помогало партячейкам в их работе.

Я до сих пор с благодарностью вспоминаю, например, политрука С. Б. Казбинцева, ставшего впоследствии генералом. Не изгладился из памяти и образ ветерана дивизии, умелого пропагандиста В. С. Алексеева, пользовавшегося среди нас заслуженным авторитетом. Да и мы, коммунисты полка, тоже всегда чувствовали себя солдатами партии. И делали все от нас зависящее для сплачивания воинских коллективов, для повышения их боевой готовности.

А теперь хотелось бы рассказать еще об одном человеке, о его несколько необычной судьбе. Но начну свой рассказ с небольшого отступления...

Было лето 1943 года. Я ехал в служебную командировку на Брянский фронт. Ночью мы с моим водителем попали в громадную пробку. Желая выяснить, надолго ли наша задержка, я вышел из машины и пошел вдоль колонны к угадывавшемуся по вспышкам фонариков регулировщиков дорожному перекрестку.

На подходе к нему услышал чей-то странно знакомый голос, который строго, но в то же время умело "расшивал" создавшуюся пробку. Подошел к распоряжавшемуся на перекрестке человеку. Тот, коротко осветив меня, мои погоны, представился: командир

стрелковой дивизии генерал-майор Кирсанов.

Кирсанов, Кирсанов... Ну да, это же тот самый Кирсанов, бывший командир взвода моего 3-го дивизиона 28-го артполка!

И в памяти восстановилось все до мельчайших подробностей. Кирсанов прибыл к нам в 1926 году после окончания школы командного состава имени С. С. Каменева. Принял взвод. Вскоре мы с ним познакомились поближе. Александр Васильевич был моим одногодком, рождения 1898 года. Член партии. Ну а что касается остального... В ту пору личные дела на молодых командиров по их прибытии сразу же сдавались в штаб полка и нас, командиров дивизионов, с ними не знакомили. Да, признаться, мы и сами не проявляли в этом плане излишнего любопытства. Вновь прибывшего узнавали на повседневной службе.

Кирсанов с первых же дней проявил себя хорошо подготовленным артиллеристом, пришелся по душе как командно-политическому составу дивизиона, так и красноармейцам. Службу нес исправно, больше того, образцово и вскоре был выдвинут на должность командира 122-мм гаубичной батареи.

Как-то из лагерей наш дивизион отправился в пятнадцатидневный поход. Маршрут был определен по карте-пятиверстке, но заранее не разведан.

Шли по направлению к одной из станций, расположенной на побережье Каспия. В пути я решил обогнать разведку и лично проверить дорогу. Километров через пять увидел, что она ныряет в узкую каменистую теснину. Причем идет здесь с резкой покатостью к обрыву.

Проехав этот участок (он был длиной метров пятьдесят), я, откровенно говоря, забеспокоился. Уверенности в том, что дивизион благополучно пройдет по такой дороге, у меня не было. А время не ждало, голова колонны уже показалась из-за поворота. Что делать? Останавливать дивизион и искать другой маршрут? Но так мы и до вечера не управимся. Тогда что же предпринять?..

Головной как раз шла гаубичная батарея А. В. Кирсанова. Он подошел ко мне, осмотрел участок и, вернувшись к батарее, спокойно скомандовал отцепить два уноса (то есть две первые пары лошадей из шестерки, которая запрягалась для тяги 122-мм гаубицы). Затем распорядился, чтобы номера расчета, сделав веревочные лямки, прикрепили их к гаубице и во время движения по опасному участку подтягивали ими пушку с противоположной от обрыва стороны... И благополучно только на коренной паре лошадей провел гаубицу через теснину. Потом вторую, третью...

Я безмолвно наблюдал за удивительным переходом батареи

по сверхтрудному участку, в душе откровенно дивясь сообразительности А. В. Кирсанова. Что греха таить, лично я вряд ли бы рискнул пойти на подобный вариант. Да еще вопрос, додумался ли бы я до него. А вот Кирсанов додумался...

Пользуясь способом Александра Васильевича, через опасную теснину вскоре благополучно прошли и остальные батареи дивизиона. График марша мы выдержали точно.

В 1929 году проходила чистка партии. В дивизионе с этой целью заседала специальная комиссия.

Заседания были открытыми, на них могли присутствовать все желающие. Наконец дошла очередь и до А. В. Кирсанова. К моему изумлению, он вдруг поведал, что в 1918 году, учась в одном из волжских городков в учительской семинарии, добровольцем вступил в формировавшиеся там войска Самарской учредилки. Окончил учебную команду, попал служить в колчаковскую артиллерию фейерверкером. Во время одного из боев был взят красноармейцами в плен. После соответствующей проверки зачислен в 29-ю стрелковую Омскую дивизию РККА и отправлен на белопольский фронт. Воевал опять же в артиллерии, заслужил доверие, вступил в партию. По окончании гражданской войны некоторое время оставался в той же дивизии, затем поступил в школу командного состава РККА имени С. С. Каменева. Ну а дальше все известно...

После выступления Кирсанова воцарилось молчание. А затем последовали вопросы. Первый: не мобилизован ли он был белыми? Нет, пошел добровольно. Почему? Тогда понимал колчаковщину по-иному. Стрелял ли по нашим войскам? Да, стрелял. А что еще делают в артиллерии? Почему не перебежал на сторону красных? Не видел в этом необходимости. Ведь только в плену, а затем в боях с белополяками понял свои заблуждения, окончательно и бесповоротно встал на сторону Советской власти. В партию вступил по убеждению, а в анкетах своего прошлого не скрывал.

Из всех присутствовавших на заседании никто против Кирсанова не выступил. Оно и понятно. Ведь за почти трехлетнюю службу в дивизионе он показал себя только с положительной стороны. Политрук батареи Казбинцев тоже горячо выступил на защиту своего командира. Сказал несколько добрых слов о Кирсанове и я, его непосредственный командир. И члены комиссии, правда не без некоторого колебания, постановили: считать А. В. Кирсанова проверенным, оставить в рядах партии.

Наступил 1931 год, я ушел из 28-й стрелковой дивизии. Больше встречаться с Кирсановым не приходилось. Лишь перед

самой войной я прослышал, что Александр Васильевич проходит службу в учебном центре в Новороссийске. И вот новая встреча уже на дорогах Великой Отечественной войны...

Отойдя в сторонку, мы разговорились. Александр Васильевич Кирсанов рассказал, что войну начал начальником артиллерии стрелковой дивизии (позже эта должность стала называться "командующий артиллерией дивизии"). Под Сталинградом его комдив был тяжело ранен и эвакуирован в тыловой госпиталь. Командование соединением временно принял он, Кирсанов. Да так и остался на дивизии. За героизм и мужество, проявленные в боях, за умелое руководство вверенным ему соединением был удостоен звания Героя Советского Союза. Недавно получил генеральское звание. Вот, собственно говоря, и все...

Пробка тем временем уже рассосалась, нужно было ехать дальше. И я, от души поздравив Александра Васильевича с продвижением по службе, а тем более с высшей наградой Родины, сел в машину. Дорогой с хорошим чувством размышлял о судьбе человека, сначала по молодости запутавшегося в сложных переплетах революции и гражданской войны, а затем показавшего образец беззаветного служения своей Советской Отчизне.

* * *

С мая по декабрь 1929 года мне пришлось проходить службу в должности начальника штаба 13-го артиллерийского полка 13-й стрелковой дивизии территориальных войск, дислоцировавшейся на севере Донской области. 13-й артполк, кстати, находился в Таганроге.

В этом полку, как, впрочем, и в дивизии в целом, была совершенно иная система организации боевой подготовки, чем, скажем, в моей родной 28-й стрелковой. Та являлась кадровым соединением. Здесь же мы, командиры всех степеней, в период так называемых новобранческих сборов, начинавшихся с мая и продолжавшихся до сентября, то есть до общего сбора, проходили с очередными призывниками в основном курс молодого красноармейца. На общий же, сентябрьский, сбор в полк являлись из города и станиц территориальники, в прошлом уже прошедшие четырехмесячный курс молодого красноармейца и теперь числившиеся в батареях номерами расчетов, иных артиллерийских специальностей. И получалось, что всего лишь на один месяц в году полк становился полнокровной войсковой частью. В это время проводились боевые артиллерийские стрельбы, тактические полевые занятия. А в октябре... В октябре приписной состав опять уходил по домам, и в батареях до весны оставались сокращенные штаты. В основном средний и младший комсостав и небольшая часть красноармейцев, в задачу которых

входило обслуживание техники, уход за другим военным имуществом и лошадьми. Правда, с командным составом изредка велись командирские занятия. Но это - от случая к случаю.

И еще. Зимой часть командиров батарей эпизодически выезжала в хутора и станицы, где жили и работали приписанные к их подразделениям красноармейцы. И там, на учебных пунктах, преимущественно по вечерам проводили с ними военные занятия. Но все это также носило довольно примитивный и нерегулярный характер. В итоге батареи, дивизионы, да и весь артиллерийский полк, имели довольно посредственную подготовку. Это со всей наглядностью выявили проходившие осенью 1929 года окружные маневры, в которых приняли участие 13-я, а также 9-я стрелковые дивизии территориальных войск. Их подразделения и полки, в отличие от частей кадровых соединений, действовали неуверенно, медленно, были малоповоротливыми.

Конечно, в те годы наша страна просто была вынуждена содержать значительную часть стрелковых дивизий во внутренних округах и несколько даже в приграничных на принципах территориальности. Не хватало средств. Да и народному хозяйству, с трудом выходящему из разрухи, нужны были рабочие руки. И все же позднее, ввиду все более усложнявшейся международной обстановки, было принято решение перейти к кадровым дивизиям.

Ну а пока... Пока мы, командный состав 13-го артиллерийского полка, как, впрочем, и всей дивизии, чувствовали свою нужность лишь с мая по сентябрь включительно. Остальные семь месяцев в году единодушно причисляли к напрасно прожитым.

В декабре 1929 года я был вновь переведен в 28-ю стрелковую дивизию, где занял должность начальника штаба 28-го артиллерийского полка. Не скрою, возвращался в родные пенаты с большой радостью: здесь служба была гораздо интереснее, чем в 13-й стрелковой дивизии территориальных войск.

* * *

В апреле 1931 года меня неожиданно назначили командиром IX корпусного артиллерийского полка, который находился в одном районном городке. На его вооружении состояли 107-мм пушки образца 1910/30 года и 152-мм гаубицы образца 1909/30 года. По приезде узнал, что с весны полк будет переводиться на мехтягу, станет как бы первым опытным полком из числа корпусных в РККА.

В начале мая 1931 года нам действительно приказали сдать весь конский состав и получить 100 автомашин АМО Ф-15, 50 тракторов "Коммунар" Харьковского завода, 30 тракторов СТЗ

Сталинградского завода, легковые машины, мотоциклы и даже велосипеды. В полк прислали шоферов и трактористов, собранных, как оказалось, из других артиллерийских частей. Командный состав снял носимые раньше шпоры. Ведь теперь мы обезлошадели.

Едва получили автомашины и тракторы, как поступил приказ грузиться в эшелоны и по железной дороге следовать в окружной лагерь, находившийся на Кубани, у города Горячий Ключ. С большим трудом погрузили технику на платформы. Ведь комсостав еще не знал мехтяги, а шоферы и трактористы тоже имели разную степень квалификации. Тронулись. Прибыв на нужную станцию, опять же с трудом выгрузились. Добрались до лагеря. По дороге к нему случилось несколько непредвиденных задержек, вызванных неполадками в автомашинах и тракторах. Не берусь утверждать категорично, но тогда у меня появилось подозрение, что водители, пользуясь незнанием техники младшим и средним комсоставом, намеренно придумывали разные неисправности, чтобы лишний раз отдохнуть и размяться. Как бы там ни было, а я решил, что по прибытии в лагерь обязательно и всерьез займемся вопросами изучения транспортной техники. Ведь не за горами и окружные маневры, где мы должны были показать себя на мехтяге с самой лучшей стороны.

Так и сделали: засели за руководства, организовали занятия по вождению автомашин и тракторов. Занимались все - от младшего командира до командира полка. И это дало свои результаты: любой командир расчета мог при необходимости заменить на марше водителя грузовика или тракториста.

Командир 9-го стрелкового корпуса С. С. Вострецов, герой гражданской войны, имевший четыре ордена Красного Знамени (в ту пору четырежды краснознаменцев из военачальников было всего четверо - Блюхер, Федько, Фабрициус и Вострецов), вначале поругивал наш полк за неповоротливость. "Страна, - говорил он недовольно, - вручила вам самую современную мехтягу, а вы..." Дальше он обычно не договаривал. Но мы-то отлично понимали, что кроется за его укоризненным "а вы...". И старались вовсю.

Осенью на маневрах полк показал себя уже достаточно слаженным, гибким воинским организмом, способным к выполнению самых сложных учебно-боевых задач. Командующий войсками округа Н. Д. Каширин, всегда очень спокойный и уравновешенный военачальник, на этот раз то и дело потирал от удовольствия руки, одобрительно крякал наблюдая, как четко действуют артиллеристы нашего мехполка.

Не удержался от похвалы и комкор С. С. Вострецов, после

маневров начавший довольно часто приезжать в полк. К сожалению, весной 1932 года он безвременно скончался. Вместо С. С. Вострецова корпус возглавил М. П. Ковалев, герой гражданской войны, впоследствии командовавший Белорусским и Забайкальским военным округами.

Итак, я постепенно осваивался, познавал специфику новой должности. Ведь если в 28-м артполку мною была получена большая практика по организации взаимодействия со стрелковыми подразделениями, действиям в составе группы поддержки пехоты, то в IX корпусном артиллерийском полку, имевшем на вооружении модернизированные 107-мм пушки и 152-мм гаубицы, все выглядело иначе. Здесь мы отрабатывали в основном вопросы использования полка как группы дальнего действия, главной задачей которой являлась контрбатарейная борьба. А для этого широко использовались средства звукометрической и оптической разведки и даже корректировочная авиация. Все это, естественно, значительно расширяло мой командирский кругозор, позволяло иметь более универсальные знания.

Осенью 1932 года наш полк передислоцировался в Краснодар. На Кубани в это время велась активная борьба с кулацким саботажем. Особенно в вопросах хлебных заготовок. Часть дивизионов полка была тут же переведена на территориальную систему, приняв переменный состав от ушедших на восток частей 22-й стрелковой дивизии.

Трудными и горькими были осень и зима 1932/33 года. В станицах запустение. Кто мог - уехал, оставшиеся голодали. А хлеб ведь был, был! Но его всячески укрывало кулачье.

Подчас это доходило до отвратительнейших парадоксов. Я сам был свидетелем, когда опухший от голода "хозяин" хрипел: "Нету хлеба! Сами, глядите, голодуем..." И действительно, в его хате лежали умиравшие от истощения дети, его дети! Но... Через полчаса этот же изувер, не дрогнув, стоял во дворе, злобно глядя, как из вскрытой ямищи вытаскивают многопудовые чувалы с первосортной пшеницей. Как можно было понять такого человека? Да и человеком ли он был!

Но миновала трудная зима. Весной 1933 года мы призвали новобранцев-станичников на четырехмесячные сборы. Что это были за люди! Почти все больны дистрофией, и мы сразу же посадили их на "диету", в первый месяц занимаясь по ограниченной программе.

Но где-то с июля вошли в нормальную колею. К этому времени резко изменилась в лучшую сторону и обстановка в станицах. Помог удавшийся на славу урожай и неустанная работа

местных партийных и советских органов.

За трудами и заботами незаметно наступил 1934 год. И вот в феврале поступил неожиданный приказ: меня переводят в Белорусский военный округ на должность начальника артиллерии Полоцкого укрепрайона.

Жалко было покидать уже крепко сплоченный полк. К тому же и комкор Ковалев, и командующий войсками округа были за то, чтобы я остался на прежней должности. Но приказ НКО подлежал выполнению. Пришлось собираться в дальний путь.

* * *

По прибытии в Полоцк я представился коменданту УРа Варесу и комиссару Смирнову. Оба приняли меня почему-то не особенно приветливо. Как впоследствии выяснилось, они прочили на эту должность начальника штаба артиллерии УРа. А получили совсем незнакомого человека, как говорится, кота в мешке.

Но это - вначале. Позднее, присмотревшись друг к другу, мы даже подружились.

Штаб УРа возглавлял А. Н. Крутиков, который впоследствии командовал 7-й армией, возглавлял штаб Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов. Остальной же состав штаба, крайне урезанный по штатам, с трудом справлялся со стоявшими перед ним задачами.

Два пулеметных батальона УРа, которыми командовали Шапкин и Фролов, довольно четко несли трудную службу, поддерживая в порядке и свое многочисленное военное хозяйство. Система пулеметного огня у них была отработана отлично. Словом, я сразу же понял, что пульбаты способны в случае необходимости достойно выполнить основную свою задачу - вести бой любой продолжительности из своих долговременных сооружений, которые, кстати, тоже поддерживались в хорошем состоянии.

Артиллерия УРа была представлена всего лишь одним полком. Начал знакомиться с ним. И вот тут-то меня ждало прямо-таки разочарование. Оказалось, что полк укомплектован орудиями еще времен первой мировой войны! Это были 76-мм пушки образца 1902 года, 122-мм гаубицы образца 1909 года и даже - что совершенно непонятно - 107-мм пушки образца 1897 года! То есть еще времен японской войны! Да этим "старушкам" место разве что в музее!

При первой же встрече с начартом округа Д. Д. Муевым я высказал свое недоумение относительно вооружения полка, на что последовал ответ, что это дело не мое, и даже не округа. Комплектацией артиллерии УРа непосредственно занималась, дескать, Москва, нам же категорически запрещено проявлять

какую-нибудь инициативу.

В заключение Муев сказал, что в случае войны на УР "сядет" по крайней мере корпус, вот тогда-то все и станет на свое место. Этими перспективами, мол, нам и надлежит пока удовлетвориться. Сейчас же наше дело - иметь отрекогносцированные ОП и НП, привязанные и нанесенные на карты; артдокументацию - плановые таблицы, планшеты, карточки с ориентирами и полями видимости и так далее. А поскольку все это составляется безотносительно к конкретному боевому составу артиллерии, то наиболее действенной документацией пусть явится та, что будет привязана к реально существующему полку.

Что ж, теперь все ясно.

В интересах сохранения особой секретности УРов, а точнее, системы долговременных железобетонных сооружений, проводить учения стрелковых дивизий в них воздерживались. И я не помню, чтобы в период с 1934 по 1940 год подобные учения с полевыми войсками проводились.

А зря. Ведь как показали первые месяцы Великой Отечественной войны, далеко не каждый красноармеец из полевых войск, неожиданно посаженный в дот, мог умело и спокойно действовать в его тесных стенах. К доту надо еще привыкнуть, как говорится, обжиться в нем. Я не раз потом расспрашивал красноармейцев и младших командиров о том, какие чувства они испытывали, впервые оказавшись в доте. И все они в один голос отвечали - не совсем приятные. Толщина бетонных стен, говорили опрашиваемые, как бы давит на тебя, а вид поля боя через узкую амбразуру угнетает своей ограниченностью.

К словам этих бойцов трудно что-нибудь добавить.

В мае 1935 года меня назначили начальником отделения боевой подготовки управления начальника артиллерии Белорусского военного округа. А короче помощником начальника артиллерии округа.

Причиной такого назначения, как говорили, послужило то обстоятельство, что кандидата на эту должность приказали искать в самом округе. Муев же не захотел трогать никого из начальников артиллерии корпусов. Вот тогда-то его выбор и пал на меня, относительно нового человека в округе.

Откровенно говоря, я был рад поработать помощником у Д. Д. Муева. За год службы в Белорусском военном округе успел узнать о нем много хорошего. Слышал, например, что Муев отличается самостоятельностью взглядов, никогда не заискивает перед старшими начальниками. Говорили, что командующий войсками

округа И. П. Уборевич высоко ценит своего начарта.

А Д. Д. Муева и нельзя было не ценить. Это был прекрасный артиллерист, всесторонне образованный человек. Полковник царской армии (по специальности артиллерист), он с первых же дней создания РККА добровольно влился в ее ряды. Готовил красных командиров-артиллеристов, воевал на фронтах гражданской войны. И вот сейчас возглавлял артиллерию очень сложного, приграничного округа.

...Уборевич, когда Муев представил меня как своего нового помощника, сдержанно поздоровался. А узнав, что я в свое время служил в 28-й стрелковой дивизии, а потом и припомнив меня по встречам в 1927-1928 годах, оживился, поздравил с повышением, выразив уверенность в том, что я оправдаю оказанное доверие.

В июне 1935 года состоялось командно-штабное учение со штабом конно-механизированной группы (армии). В нем участвовал и я, так как на военное время был приписан в эту группу на должность начальника артиллерии. Вот здесь-то мне и довелось впервые познакомиться с С. К. Тимошенко (он занимал тогда должность заместителя командующего войсками округа). С. К. Тимошенко при поездках в штабы корпусов и дивизий обязательно брал с собой меня, начальника артиллерии группы. Я исполнял при нем как бы две роли начарта и представителя штаба группы (армии) по общевойсковым вопросам. Видимо, моя работа С. К. Тимошенко понравилась, так как он как-то обронил, что запомнит меня. Но осенью 1935 года С. К. Тимошенко был переведен в Киевский Особый военный округ, а вместо него к нам прибыл И. Р. Апанасенко.

Весной 1936 года по инициативе того же И. Р. Апанасенко в округе создали небольшую и совершенно засекреченную штабную организацию, назвав ее инспекцией. Туда вошли Р. Я. Малиновский, П. А. Найденов, П. Д. Уткин и я. В случае войны эта инспекция по замыслу ее создателей должна была развернуться в штаб конно-механизированной армии.

Повторяю, дело считалось особо секретным. Мы даже не имели права писать кому-либо в войска или получать оттуда корреспонденцию.

Кстати сказать, Малиновский и я убедительно просили не назначать нас в инспекцию, а оставить на занимаемых прежде должностях: Малиновского - в оперативном отделе штаба округа, меня - на должности помощника начальника артиллерии округа. Но Уборевич, вызвав нас к себе, довольно строго отчитал за непонимание оказанного нам доверия. И, указав на важность создаваемой организации, в наших просьбах отказал. Так я ушел от Муева. Правда, Малиновский вскоре уехал в Испанию. И нас в

инспекции осталось трое: Уткин, Найденов и я.

К чести Д. Д. Муева, он до самого лета 1937 года не брал себе помощника, настаивая на моем возвращении на прежнюю должность. Но И. П. Уборевич и И. Р. Апанасенко оставались непреклонными.

В первых числах марта 1937 года мне, ставшему к тому времени уже полковником, было приказано прибыть в одно из центральных управлений Наркомата обороны. Я безмерно обрадовался этому, наивно полагая, что вызов связан с отправкой в Испанию, куда многие из нас тогда упорно просились.

Однако в Москве ожидало иное. Оказалось, что нас, троих командиров майоров Спирина, Белова и меня, полковника, - отправляют на трехмесячную учёбу в чехословацкую армию. Спирин ехал в пехоту, Белов - в танковые войска. Ну а я, понятно, - в артиллерию.

За несколько дней, что находились в Москве, переобмундировались переоделись в штатские костюмы. Затем инструктаж - и в путь.

В Варшаве - первая остановка. Приехали туда во второй половине дня, а поезд на Прагу на следующий день утром. Нас устроили на ночлег в гостиницу.

Вечером побродили по Варшаве. Видели довольно щеголеватых польских офицеров, прогуливавшихся по улицам. А утром выехали в Прагу.

На перроне вокзала чехословацкой столицы нас уже ждал молодой человек в штатском. Спросив мою фамилию (я был старшим группы), он представился лейтенантом Дубовым, секретарем военного атташе при посольстве СССР в Чехословакии. На мой вопрос, как же это он смог безошибочно обратиться именно к нам, Дубов невозмутимо ответил, что наших легко узнать по широкополым шляпам. Что ж, это уже урок. И нашей троице пришлось тут же расстаться с предметами особой гордости - шляпами, приобретенными в Москве.

На другой день уже военный атташе представил нас начальнику генерального штаба чехословацкой армии. Тот дал обед в одной из пражских гостиниц. После этого наша группа разделилась. Я, например, направился в город Иршибрем, где стоял артиллерийский полк. Там должна была проходить моя учёба. Офицеры чехословацкого полка встретили меня с большим почтением. Ведь у них звание полковника получали обычно уже в почтенном возрасте, да и то относительно немногие. Мне же шел всего лишь тридцать девятый год...

Предупредительное отношение чехов к советскому полковнику объяснялось и еще одним обстоятельством, куда

более важным, нежели первое. В Чехословакии уже явно прослеживалось опасение по поводу агрессивных замыслов фашистской Германии. И взгляды здравомыслящих людей невольно тянулись к востоку, к СССР.

В перерывах между занятиями мы нередко вели разговоры и на политические темы. Чехи, например, с одобрением отзывались о единстве политического руководства нашей страны с армией. При этом ссылались на снимки в советских газетах (в киосках Праги тогда свободно продавались наши "Правда" и "Известия"), на которых И. В. Сталин часто находился рядом с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым. И, вздыхая, добавляли: "А вот у нас такого единства нет".

Часто просили меня рассказать о нашей стране. И при этом делали большие глаза, когда слышали, сколько требуется скорому поезду, чтобы домчать от Москвы до Владивостока. Ведь Чехословакию-то можно было пересечь с такой скоростью всего за несколько часов.

Тем временем моя учёба продолжалась. Она носила довольно напряженный характер. Уже в 8 часов утра за мной приезжал на машине подполковник, который, пока я занимался в этом полку, являлся моим сопровождающим. Выезжали. Поспевали как раз к началу занятий.

В полку, где я был, занятия в звукометрической и оптической батареях проводились на довольно высоком уровне. Огневая служба при орудиях тоже носила четкий, хотя и несколько показной, характер. Офицерские занятия в поле проводились с хорошим фоном тактической обстановки. Артиллерийско-стрелковая подготовка офицерского состава отрабатывалась на миниатюр-полигоне уже знакомого мне типа. Дело в том, что чехи выписывали наш артиллерийский журнал, откуда и позаимствовали схему такого полигона.

Особенно выделялись своей подготовкой сверхсрочники. Оказывается, после того как они подавали рапорты с просьбой оставить на сверхсрочную службу, их тут же направляли на десятимесячную учебу в специальные по роду войск школы или курсы. Думается, такая постановка дела полностью себя оправдывала.

Среди чехословацких офицеров попадались и те, кто в годы гражданской войны участвовал на нашей территории в мятеже белочешского корпуса. У них на рукавах мундиров красовался специальный знак отличия - цветной треугольник. Как мне объяснили, эти офицеры имели определенные льготы - например, по выходе в отставку получали повышенную пенсию. Сразу скажу, что мои любезные хозяева делали все от них зависящее, чтобы

обладатели подобных треугольников не попадались мне на глаза. А если и происходила такая неожиданная встреча, то старались как-нибудь отвлечь мое внимание.

И еще одна деталь. Как-то в сопровождении двух чешских офицеров я отправился на экскурсию в Карловы Вары. По дороге, в машине, оба моих спутника были разговорчивы, шумны и даже назойливы. Но вот в городе, когда мы проходили по улицам, они вдруг притихли и помрачнели. Оказалось, что у дверей магазинов и лавочек стояли владельцы и продавцы из числа местных немцев. Они-то и послужили причиной столь резкой перемены в настроении чехословацких офицеров.

И тут я припомнил еще историю. Во время одного из подъемов на аэростате, с которого велось наблюдение за корректировкой артиллерийского огня, подполковник-чех, поднимавшийся вместе со мной, печально сказал: "Вот оторвется сейчас наш шар и понесет его в Германию. Вас-то Советский Союз выручит, защитит, а мне - конец".

Да, нелюбовь к немцам была тогда у чехов довольно сильной. И граничила подчас даже со страхом. Ведь под боком находилась фашистская Германия...

Моя учёба закончилась одним эпизодом. В Брно, показывая мне огневую службу, на полигон вывели орудия еще времен первой мировой войны. Когда же я попросил продемонстрировать работу расчетов при современных орудиях, то получил ответ, что таковых в чехословацкой армии якобы не имеется. Повторяю свою просьбу на другой день. И снова отказ. Ну, думаю, коль у вас таких орудий нет, то утром уеду в Прагу. Высказал свое решение чехам. И это возымело действие. Поздно вечером ко мне в гостиницу явился их офицер и доложил, что завтра мне все-таки покажут новые орудия...

В общем, эта учёба убедила меня в том, что наши артиллеристы все же подготовлены лучше чехословацких. Ведь полевая выучка у нас проводится значительно шире, учебных полей и полигонов мы имеем куда больше. Что же касается политического воспитания, то красноармеец имеет несравненно более обширные знания о международной обстановке и внутренней жизни своей страны, чем солдат чехословацкой армии.

А если говорить о взаимоотношениях между нашими командирами и красноармейцами, то тут вообще нет никакого сравнения. У нас командир старший друг и товарищ красноармейца. В чехословацкой же армии между офицерами и солдатами - пропасть. Там даже младший командный состав не снисходит до нижних чинов без особой надобности.

Итак, моя заграничная учёба закончилась. Я снова вернулся в свой округ, в уже знакомую читателю группу инспекции.

Но летом 1937 года меня назначили начальником артиллерии Белорусского военного округа. Включился в работу с большим желанием. А дел было очень много, приходилось почти постоянно находиться в войсках и на полигонах.

До сих пор с теплым чувством вспоминаю своего помощника Н. Ф. Рябова, впоследствии ставшего генерал-лейтенантом артиллерии. Да и вообще в управлении начальника артиллерии округа было немало великих тружеников. С утра до поздней ночи работали, например. сотрудники отдела артснабжения. Ведь нужно было вести учет деятельности всех окружных артскладов, войск, заботиться об отпуске им необходимого вооружения, боеприпасов, запчастей, смазки и тому подобного. Словом, дел невпроворот. И все - спешные, срочные, сверхсрочные.

Кстати, такой напряженный ритм работы был не только в нашем Белорусском военном округе. И в Северо-Кавказском, и в Киевском Особом военном округе я видел одну и ту же обстановку - работники отдела артснабжения везде с утра до поздней ночи сидели на учетных и снабженческих делах, нагрузка у них была везде предельной. В СКВО начартснабом работал И. К. Демиков, впоследствии генерал-майор; в КОВО - И. И. Волкотрубенко (с 1942 года - заместитель начальника ГАУ, генерал-полковник артиллерии к концу войны). И оба являли собой пример невероятной выносливости, преданности порученному делу.

Но вернусь снова в свой, уже ставший родным Белорусский военный округ. Вскоре здесь произошла смена руководства. Ушел от нас И. П. Уборевич, и командовать войсками БВО стал И. П. Белов, активный участник гражданской войны (тогда он командовал дивизией). Поступил учиться в Академию Генерального штаба М. В. Захаров, и начальником оперативного отдела был назначен Л. М. Сандалов. Он сразу же зарекомендовал себя в высшей степени подготовленным штабным работником, прекрасным руководителем отдела. А это было тем более важно, что войска как раз готовились к большим окружным маневрам.

Эти маневры прошли осенью 1937 года. Руководил ими уже И. П. Белов. На маневрах присутствовал нарком обороны К. Е. Ворошилов. С ним прибыли начальники родов войск, а следовательно, и назначенный вместо Н. М. Роговского новый начарт РККА Н. Н. Воронов.

Как я уже знал, Воронов недавно вернулся из Испании. О его делах там красноречивее всяких слов говорили награды - ордена Ленина и Красного Знамени. Следовательно, боевой опыт он уже

имеет. И от этого было еще интереснее, что же скажет новый начарт, что посоветует учесть в боевой подготовке, чем поможет артиллерии округа.

Воронов вызвал меня к себе к вечеру второго дня маневров. Я нашел его в салон-вагоне поезда, где временно поселился и нарком обороны. Мы поговорили всего минут пять: Воронова ждали какие-то неотложные дела. Отпуская меня, он пообещал, что наша беседа будет продолжена. Но после маневров времени для этого у него, видимо, уже не было.

Лишь в декабре 1937 года на сборах начальников артиллерии округов Н. Н. Воронов поделился с нами общими впечатлениями о боях с фашистскими войсками в Испании. Подчеркнул большое значение артиллерийского огня. Призвал и дальше работать над совершествованием артиллерийско-стрелковой подготовки комсостава, решением тактико-огневых задач в пределах артгрупп поддержки пехоты и контрбатарейной борьбы.

В том же декабре 1937 года меня перевели на должность начарта Северо-Кавказского военного округа. Правда, убыл я туда лишь в начале февраля 1938 года - приказ на меня шел из Москвы до Смоленска больше месяца.

Прибыл в Ростов-на-Дону. Считай, в родные места. Ведь в этом округе я прослужил с 1921 по 1934 год!

Командующий войсками СКВО В. Я. Качалов и член Военного совета В. С. Зимак встретили меня сначала довольно сдержанно. Что это, мол, за переведенец из приграничного округа во внутренний? Но, узнав, что имеют дело со старожилом округа, сразу же подобрели.

В начале декабря 1938 года состоялись вторые сборы начальников артиллерии округов. Их снова проводил начарт РККА Н. Н. Воронов. На сборах нас познакомили с новыми, вернее, переизданными и уточненными уставами. Провели несколько занятий по специальности, в том числе и игру на картах по теме "Прорыв укрепленной полосы". И мы разъехались.

В Ростове-на-Дону меня ждало сразу два известия. Во-первых, мне присвоили воинское звание комбриг. Во-вторых, состоялся приказ о моем назначении начальником артиллерии самого крупного военного приграничного округа Киевского Особого. Выходит, снова собирайся в путь-дорогу.

Прибыл я в КОВО в конце декабря 1938 года. Работы в этом округе, имевшем в своем составе более 100 артполков (в том числе несколько артполков РГК, включая калибры 203 и 280 мм), было очень много. Боевая подготовка велась с большим напряжением. К этому нас вынуждала и все более осложнявшаяся международная обстановка. А округ, повторяю, был

приграничным.

На учениях и боевых стрельбах неустанно повышали свое огневое мастерство артиллеристы всех рангов, начиная от батальонной артиллерии и кончая 280-мм батареями. Кроме того, на этих учениях мы имели реальную возможность усиливать стрелковые дивизии и корпуса полками артиллерии РГК.

А дело тем временем шло к большому пожару - второй мировой войне. И она вспыхнула. 1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу. А 17 сентября советские войска, чтобы предотвратить дальнейшее распространение гитлеровской агрессии на восток, взяли под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии.

В освободительном походе 1939 года наши дивизии и их артиллерия проявили большую мобильность. Достаточно сказать, что на новые границы войска вышли планомерно, в точно указанные им сроки. Организованность и порядок на марше были образцовыми. Если, конечно, не считать отдельных недоразумений.

Не могу не вспомнить в этой связи о том, как был освобожден город Львов. Наши войска перешли границу с Польшей у Подволочиска (на тернопольском направлении). Но то ли из-за новизны возникшей обстановки, то ли из-за излишней осторожности получилось так, что к исходу 17 сентября передовые части 6-й армии, которой командовал Ф. И. Голиков, были все еще в десятке километров от Тернополя.

В ночь на 18 сентября командующий войсками КОВО (теперь уже командующий Украинским фронтом) командарм 1 ранга С. К. Тимошенко приказал мне немедленно отправиться к Ф. И. Голикову, составить из его частей передовой отряд, имея в нем батальон пехоты на автомашинах, бригаду танков, и 18 сентября быть с этим отрядом во Львове. Со мной в штаб 6-й армии отправился для выяснения обстановки на месте Н. Ф. Ватутин, до начала освободительного похода начальник штаба округа.

На рассвете 18-го мы прибыли к Голикову. В это время его передовые части уже подходили к Тернополю, где были встречены огнем со стороны отдельных групп польских жандармов, засевших в костелах и на чердаках домов. Но это трудно было назвать сопротивлением.

Лишь к 18 часам 18 сентября мне удалось сформировать на западной окраине Тернополя передовой отряд. В него вошли 200 человек стрелков на автомашинах, 32 танка БТ и 5 броневиков. Большую помощь в этом деле мне оказал и представитель наркома обороны О. И. Городовиков.

Не задерживаясь больше ни на минуту, двинулись на Львов. В

пути сопротивления не встречали. За Золочевом, например, прошли мимо стоявшего на привале польского тяжелого артиллерийского полка. Офицеры и солдаты проводили нашу колонну молчаливыми взглядами.

К 6 часам 19 сентября подошли к селению Винники, что в 3 километрах восточное Львова. И тут с запада, со стороны города, услышали артиллерийскую стрельбу. Увеличили скорость. И вдруг впереди, охватывая Львов с юга, показались пехотные цепи немцев. Кстати, с немцами нам было приказано не вступать в конфликт. Но о том, что новая граница СССР теперь проходит по реке Сан, было заранее объявлено по радио. Следовательно, немцы об этом тоже должны были знать. Так почему же они штурмуют Львов?

Остановив свой отряд, мы с Окой Ивановичем Городовиковым отправились к немцам. С их стороны нам навстречу тоже выехали две легковые машины. В одной из них находился командир пехотного полка.

Не отвечая на фашистское приветствие полковника, мы объявили ему о задаче, стоящей перед нашим отрядом, и предложили немедленно отвести вверенные ему подразделения от Львова. Гитлеровец же заявил, что имеет приказ штурмовать город и будет его выполнять. Я повторил полковнику, что Львов отныне советский город, наша граница теперь у Перемышля, об этом объявлено по радио, и поэтому боевые действия немецких войск подо Львовом должны быть немедленно прекращены. Они обязаны отойти за Сан.

Командир немецкого полка опять сослался на приказ своего высшего командования, которое сейчас находится в местечке Комарно. Предложив полковнику дать мне сопровождающих, я вознамерился сам проехать в Комарно. Немец стушевался. Затем заявил, что дорога на Комарно небезопасна, поэтому будет лучше, если он снесется с командиром дивизии по рации. И штурмовать Львов тоже пока воздержится. Я дал свое согласие на подобный вариант.

Лишь под вечер 19 сентября немецкие войска начали уходить с восточной стороны Львова. А 20 сентября мы с прибывшими к тому времени П. А. Курочкиным, Ф. И. Голиковым и И. А. Серовым вступили в переговоры с начальником львовского гарнизона генералом Лангером о порядке сдачи нам города. Они были успешными.

Итак, с выходом на новую границу и передислокацией частей 5, 6 и 12-й армий на территорию Западной Украины возникли дополнительные трудности по расквартированию войск, созданию артполигонов. И они со временем были выбраны в

районах Ковеля, Яворува (подо Львовом) и Станислава.

Глава вторая. Накануне

Войска Киевского Особого военного округа на новых местах незамедлительно приступили к боевой учебе. А тем временем 30 ноября 1939 года начались военные действия на Карельском перешейке и западной границе с Финляндией. Подталкиваемое фашистской Германией, финское правительство, не внемля голосу разума, решило начать войну с Советским Союзом.

Сначала войска Ленинградского военного округа наступали. 2-3 декабря в районе Тайпален-йоки 142-я стрелковая дивизия, а к 12 декабря и остальные соединения 7-й армии вышли к мощным укреплениям линии Маннергейма. Но здесь наступление советских войск застопорилось. Пришлось срочно наращивать силы, беря части и из других округов. На фронт севернее Петрозаводска из КОВО перебросили 44-ю стрелковую дивизию. Потом по требованию Генерального штаба на Карельский перешеек из нашего округа убыло несколько артиллерийских полков РГК, в том числе 137-й полк, вооруженный 203-мм гаубицами. По распоряжению центра было отправлено и немало транспортов с боеприпасами.

В это время С. К. Тимошенко, ставший с января 1940 года командующим только что созданным Северо-Западным фронтом, с разрешения наркома обороны вызвал меня к себе в Ленинград, где тогда находился штаб фронта. Но по пути мне надлежало еще остановиться в Москве, чтобы представиться Народному комиссару обороны СССР.

По прибытии в Москву направился в приемную наркома. Состоявший при нем для особых поручений комкор Р. П. Хмельницкий, ловко управляясь с доброй полдюжиной телефонов, коротко пояснил, что нарком сейчас очень занят и вряд ли найдет время меня принять. Но тут же предложил все же подождать. Я присел к столику, на котором лежали газеты, и, просматривая их, одновременно начал наблюдать за работой Хмельницкого. В приемную то и дело заходили незнакомые мне военные в довольно высоких званиях. Да, до этого я в столь представительных учреждениях не бывал, поэтому чувствовал себя немного неловко.

Минут через тридцать комкор Хмельницкий, побывав в кабинете наркома, передал, что Ворошилов ждет меня. Я встал и направился по вызову.

До этого с К. Е. Ворошиловым мне лично встречаться не приходилось. Но в моем представлении он был тем, кем тогда являлся для всей армии и советского народа, - крупнейшим партийным и военным деятелем, близко стоявшим к И. В.

Сталину.

Когда я вошел в кабинет, Ворошилов, к моему удивлению, поднялся, вышел из-за письменного стола и пошел мне навстречу. Остановившись на середине кабинета, я представился. Крепко пожав мою руку, Климент Ефремович предложил сесть и сам устроился в кресле напротив. И сразу же перешел к деловому разговору. Сказал, что на Карельском перешейке сейчас находятся едва ли не все старшие артначальники РККА, в том числе Н. Н. Воронов, В. Д. Грендаль и А. К. Сивков, поэтому ему не совсем понятно, зачем С. К. Тимошенко требует еще и меня.

- Исходя из этого, - заявил нарком, - я разрешаю вам, товарищ Яковлев, пробыть на фронте всего лишь пять суток. Затем возвращайтесь к себе в Киев.

Неожиданно для меня, в общем-то знакомого наркому лишь по анкетным данным человека, Ворошилов вдруг перешел к довольно откровенной беседе и заявил, что советско-финляндская война оказалась более трудной, чем предполагали и утверждали кое-кто из крупных начальников, в том числе и командование Ленинградского военного округа. Наши войска дерутся с сильным противником, умело укрепившим свое предполье и создавшим такую мощную оборонительную линию, как линия Маннергейма. Но все же, еще раз подчеркнул К. Е. Ворошилов, главные испытания ждут нас на западе, со стороны фашистской Германии.

После этого нарком спросил, как выглядят, по моему мнению, в данное время войска КОВО: какова их боевая готовность и что собой представляет оставшееся в Киеве командование округа. Потребовал дать характеристику на каждого из оставшихся заместителей командующего войсками, начальника штаба, основных начальников родов войск и командующих армиями. Как мне представлялось, я ответил на вопросы наркома удовлетворительно. При этом постарался сделать упор на ответы на профессиональные вопросы, избегая касаться характеристик личностей. Позволил себе доложить, что мне не совсем нравится отправка ряда артполков РКГ и некоторых корпусных артиллерийских полков из КОВО на север, а также изъятие значительной части окружных боезапасов. На это К. Е. Ворошилов ничего не ответил, лишь что-то черкнул у себя в рабочем блокноте.

Наша беседа с наркомом обороны продолжалась около сорока минут. Отпуская меня, Ворошилов вновь приказал доложить Тимошенко, что разрешает мне пробыть на фронте всего лишь пять суток. Пять суток, и не больше!

Около 7 часов утра следующего дня я был уже в Ленинграде. В штабе фронта у С. К. Тимошенко застал А. А. Жданова. Но не

успели мы с ним и поздороваться, как командующий фронтом, подозвав меня к карте, показал на ней командный пункт комкора П. И. Батова и приказал немедленно выехать к нему. Захватив с собой полковника, который, как оказалось, должен был принять стрелковую дивизию вместо снятого командира, мы отправились в путь. Мне было приказано на месте разобраться, почему войска корпуса топчутся на месте и не имеют даже малейшего успеха, а затем вернуться в штаб фронта с докладом.

П. И. Батов был удивлен моему появлению у него. Я же с интересом рассматривал его. Небольшого роста, подвижный...

Да, раньше я Батова никогда не видел. Но знал, что он воевал в Испании, где оказал большую помощь республиканцам. Словом, передо мной был командир, уже, как говорится, понюхавший пороху.

Доложил ему о задании, полученном от командующего фронтом. Батов подвел меня к амбразуре НП (он у него находился на скате высоты, обращенном к противнику, едва ли не сразу за боевыми порядками батальонов), показал вперед:

- Видите?

А чего видеть? Сразу же от высоты начиналось ровное поле, упиравшееся дальним своим концом в густой лес. И ничего больше...

- Да вы не туда смотрите. Вот сюда, ближе, приглядитесь.

Теперь я увидел. На снегу почти ровной цепочкой лежали наши бойцы. И постреливали в сторону леса. Им оттуда тоже отвечали довольно плотным огнем.

- В том лесу - финны, - начал пояснять П. И. Батов. - Засели в нем крепко. Каждый участок предлесного поля ими пристрелян. Да так, что подчас и головы не поднимешь. Наши роты продвигаются к нему в основном по-пластунски, используя темное время суток. Много ли так навоюешь?.. И еще, - после короткой паузы продолжил Батов. - Артиллерия корпуса, не имея точных разведданных, совершает, как правило, огневые налеты по площадям. Но что это дает в густом лесу? Одна лишь трата снарядов.

Да, комкор был прав. В лоб здесь не возьмешь, надо искать обходные пути, действовать, например, через озерные дефиле, находившиеся на флангах. Требовались и подразделения лыжников: пешим бойцам по такому глубокому снегу продвигаться очень трудно.

Поделившись своими выводами с П. И. Батовым и поговорив с начальником артиллерии корпуса, я вернулся в Ленинград, где и доложил обо всем увиденном С. К. Тимошенко. Заодно напомнил ему и о сроке моего пребывания на фронте, данном

мне наркомом.

Тимошенко кивнул, давая этим понять, что принял мои слова к сведению, и тут же поручил побывать в корпусах армии, которой командовал В. Д. Грендаль.

Поехал туда с большой охотой, так как давно знал и уважал Грендаля, в прошлом отличного артиллериста, а теперь вот командарма. Кроме того, В. Д. Грендаля я с полным основанием считал своим учителем, ибо по его книгам по артиллерии и другим печатным трудам в свое время проходило мое командирское становление.

Грендаль, а также член Военного совета армии А. И. Запорожец встретили меня приветливо, и я смог обменяться с ними мнениями по многим артиллерийским вопросам, волнующим, в частности, Тимошенко.

Несколько раз мне довелось побывать и на КП начальника артиллерии 7-й армии М. А. Парсегова, а также у его начальника штаба Л. А. Говорова, который тоже имел довольно фундаментальную артиллерийскую подготовку. До советско-финляндской войны Говоров не раз являлся руководителем военных игр на сборах начальников артиллерии округов. Сейчас же Л. А. Говоров с присущей ему энергией и деловитостью подготавливал необходимые расчеты для решающего удара нашей артиллерии по линии Маннергейма. И в том, что этот удар в феврале 1940 года был успешно осуществлен, есть и его немалая заслуга.

Во время пребывания на Северо-Западном фронте я был буквально обескуражен малой результативностью артиллерийского огня, хотя артиллерия применялась, и в большом количестве. С удивлением знакомился с ведомостями о расходе боеприпасов только за один декабрь 1939 года, то есть за тот период, когда нашими войсками в общем-то не было достигнуто каких-либо заметных успехов. Войска расходовали боеприпасы так, как им этого хотелось, при этом совершенно не учитывая, соответствует ли калибр орудий важности целей на поле боя.

И это не было только моим личным мнением. В докладе, подготовленном вскоре для наркома обороны довольно компетентными товарищами, также говорилось: "Артчасти ведут безудержный огонь без достаточной разведки целей, не достигая нужного результата. Один 116-й артполк расстрелял с 30 ноября 17 700 152-мм выстрелов (72 вагона). Относительный расход самых тяжелых калибров часто превышает расход дивизионной и полковой артиллерии. Например, 316 адбм израсходовал 18 декабря 1939 года по шестьдесят снарядов на 280-мм мортиру, а

за этот же день в 123-й стрелковой дивизии на полковую и дивизионную пушку израсходовано 18 выстрелов, а на 45-мм пушку - 9 выстрелов. В том же дивизионе и в 455 ап подавались команды на беглый огонь из 280-мм мортир и 152-мм пушек-гаубиц образца 1937 года. Бывали случаи, когда общевойсковые начальники требовали вести ночью беспокоящий огонь из 280-мм мортир по дорогам. Отношение к экономии и сбережению артвыстрелов в войсках пренебрежительное"{1} .

Словом, нашим артиллеристам нужно было еще учиться воевать.

* * *

Да, советско-финляндская война выявила целый ряд серьезных пробелов в тактической и огневой подготовке наших войск. Вот почему назначенный в мае 1940 года наркомом обороны С. К. Тимошенко потребовал со всей серьезностью отнестись к анализу прошедших событий, в короткий срок устранить имевшие место пробелы и недоработки. И прежде всего путем усиленных полевых занятий и учений.

Уже осенью в большинстве стрелковых дивизий РККА такие учения были подготовлены и проведены. Причем с боевой стрельбой артиллерии.

Обычно подобные учения проводились как наступательный бой стрелковой дивизии на перешедшего к обороне противника. При этом ее артиллерия усиливалась одним-двумя артполками РГК и должна была отработать вопросы пристрелки целей, артподготовки и сопровождения атаки пехоты огневым валом.

На одном из таких учений, проводившемся на Яворувском полигоне 99-й стрелковой дивизией, присутствовал Нарком обороны СССР с рядом ответственных товарищей. Учение прошло очень поучительно, командование и личный состав дивизии получили благодарность от С. К. Тимошенко.

Забегая несколько вперед, скажу, что в тяжелые дни июня 1941 года 99-я стрелковая дивизия будет доблестно сражаться под Перемышлем с фашистскими войсками и нанесет им довольно значительные потери. И отступит только по приказу.

Но это своеобразное отступление. Теперь снова продолжим разговор о делах в КОВО.

Перед войной Киевский Особый военный округ являлся самым крупным приграничным округом. Им с назначением С. К. Тимошенко в мае 1940 года Народным Комиссаром обороны СССР стал командовать прославившийся в боях на Халхин-Голе генерал армии Г. К. Жуков. Под его руководством боевая подготовка в войсках округа продолжала вестись довольно энергично и поучительно, что позволяло не только совершенствовать выучку подразделений, частей и соединений, но и активизировать подготовку штабов корпусов и армий, то есть существенно поднять оперативную подготовку. Этому во многом способствовала и служба в штабе, в управлениях округа таких знатоков военного дела, как И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, А. И. Антонов, Г. К. Маландин, М. А. Пуркаев, А. В. Хрулев, Я. Н. Федоренко, и других.

Стрелковые дивизии в приграничной полосе КОВО

содержались в относительно упорядоченных штатах. А вот те соединения, что дислоцировались внутри округа, имели их сокращенными, доходящими подчас до 3000 человек личного состава. Укрепленные районы, до осени 1939 года находившиеся вблизи старой границы, тоже были частично законсервированы, а их личный состав, влившись в инженерно-строительные части, перешел на новую границу, где с лета 1940 года началось строительство новых УРов. Вполне понятно, что это строительство не могло быть закончено к лету 1941 года, то есть к началу Великой Отечественной войны.

Подготовка артиллерии в самый канун войны затруднялась еще и тем, что в это время должности начальника артиллерии РККА уже не существовало. Еще в середине 1940 года по настоянию заместителя наркома обороны Г. И. Кулика ее ликвидировали и ввели в ГАУ, начальником которого и был Кулик, должность заместителя начальника ГАУ по боевой подготовке артиллерии. Но что это была за должность! При этом заместителе начальника ГАУ существовало лишь небольшое отделение боевой подготовки...

Словом, это был возврат к старому, не оправдавшему себя методу руководства. Ведь известно, что до 1935 года существовала должность инспектора артиллерии РККА, которую занимал всесторонне образованный, энергичный артиллерист Н. М. Роговский. Но... Инспектор не обладал многими правами, которые бы позволяли ему быть полноценным высшим артиллерийским начальником, руководящим и полностью отвечающим за развитие и боевую подготовку артиллерии. Вот почему в 1935 году вместо должности инспектора артиллерии учредили должность начальника артиллерии РККА, что отвечало значению артиллерии как рода войск. Начальник артиллерии ведал разработкой уставов, наставлений, программ боевой подготовки всех видов артиллерии, руководил, контролировал и отвечал за ход ее боевой подготовки. Ему подчинялись даже артиллерийские военно-учебные заведения. Управление кадров Наркомата обороны согласовывало с ним вопросы назначения высшего и среднего комсостава. Начальнику артиллерии РККА в специальном отношении подчинялись и начарты округов.

Начальник артиллерии РККА участвовал в согласовании всех тактико-технических требований на артиллерийское вооружение, разрабатывавшееся промышленностью по заказам ГАУ, и организовывал войсковые испытания опытных образцов артиллерийского вооружения, которые ГАУ предъявляло после своих полигонных испытаний. Таким образом, решающее слово о принятии на вооружение того или иного образца орудия

принадлежало начальнику артиллерии. Если, конечно, не было иных мнений со стороны руководства Генерального штаба. Народного комиссара обороны СССР или в правительстве. В свою очередь ГАУ строго контролировало правильность эксплуатации поставленного им в войска вооружения, и строевые артиллеристы несли строгую ответственность за недостатки, которые инспекции ГАУ обнаруживали. Все было поставлено разумно, и вот в 1940 году все это нарушилось... Зачем? Для чего? Что, например, мог предпринять теперь по должности заместителя начальника ГАУ Н. Н. Воронов? Ничтожно мало! Его требований к принимаемому к разработке артиллерийскому вооружению начальник ГАУ мог и не утвердить. Опротестовывать недостатки в вооружении, обнаруженные в войсках, он также затруднялся, так как все замыкалось на ГАУ, в котором он был всего лишь заместителем начальника. Недостатки в эксплуатации артиллерийского вооружения со стороны строевых артиллеристов тоже не имели к нему непосредственного отношения.

Таким образом, потеряв самостоятельность, Н. Н. Воронов уже непосредственно влиять на ход боевой подготовки артиллерии в военных округах не мог, да и в центре с ним уже считались не так, как прежде.

В декабре 1940 года в Детском Селе, что в Ленинградской области, при АКУКСе состоялись сборы начартов округов. Их проводил заместитель наркома обороны (он же начальник ГАУ) Маршал Советского Союза Г. И. Кулик.

Руководителями групп были назначены начарты округов генералы Н. А. Клич, П. М. Белов и я. Разработки тактических занятий им были доставлены из Москвы. Темы этих занятий, как помнится, включали в себя вопросы прорыва долговременной оборонительной полосы, наступления и прорыва полевой обороны противника.

Г. И. Кулик, вопреки своему беспокойному характеру, на этих занятиях, где прорабатывались вопросы использования и управления крупными массами артиллерии, ни во что не вмешивался, сидел молча. Мы, честно говоря, дивились этому. Но потом, когда он все-таки не выдержал и попытался поправить одного из руководителей группы, поняли, что в вопросах оперативного искусства и боевого применения артиллерии он, мягко выражаясь, слабоват.

На сборах нас познакомили с опытными образцами 107-мм пушки, предназначенной для замены в войсках 76-мм дивизионных орудий, а также с образцами 210-мм и 350-мм пушек.

К сожалению, на сборах совершенно не обсуждался вопрос

такого свойства. В те годы шло интенсивное насыщение армии современной боевой техникой, создавались даже механизированные и танковые корпуса. А вот роль артиллерии в будущей войне, хотя она формально и признавалась всеми нашими боевыми уставами как главная огневая сила, на практике, опять же к сожалению, несколько принижалась.

Поясню эту мысль более популярно. Мы уже были свидетелями того, как на прошлых сборах во время показных учений стрелковым дивизиям придавалось по два-три артполка резерва Главного Командования. Для управления ими (это настоятельно диктовала сама действительность) нужны были полнокровные штабы артиллерии в стрелковых соединениях. А для подготовки артиллерийских полков резерва Главного Командования в мирное время - старшие начальники со своими штабами. Всего этого не было. Больше того, добиться, чтобы артполки РГК были сведены в артиллерийские дивизии или хотя бы в артбригады, до начала Великой Отечественной войны так и не удалось. Почему-то считалось, что соединения должны быть в стрелковых, механизированных и танковых войсках. Но только не в артиллерии.

Это было большое упущение. И совершенно противоречило тому вниманию, которое уделялось партией и правительством (а впоследствии, как я узнал, и лично И. В. Сталиным) быстрейшему росту всех видов артиллерии.

После сборов руководителей групп П. М. Белова, Н. А. Клича и меня вызвали в Москву для участия в совещании высшего командного и политического состава РККА, которое проводил Народный комиссар обороны СССР. На совещании присутствовали и секретари ЦК ВКП(б) А. А. Жданов и Г. М. Маленков.

Ход этого совещания довольно полно описан в мемуарах Г. К. Жукова. Я же остановлюсь на нем лишь в части, меня касающейся. Потому что на совещании пришлось выступить и мне.

Работая над воспоминаниями, я решил освежить память и просмотреть архивные документы тех лет. И вдруг, к великому изумлению, обнаружил в них... текст своего выступления на совещании.

Но прежде чем привести выдержку из него, оговорюсь: в докладе начальника Генерального штаба артиллерия КОВО была признана по своей подготовке лучшей, чем в остальных округах. Можно было бы, как говорится, и почивать на лаврах. Но я-то, начарт округа, знал, что "лучше всех подготовленная" моя артиллерия имеет немало и слабых сторон. И вот

приготовившиеся было слушать победную речь "именинника" начальники артиллерии других округов слышат буквально следующее:

"...Хуже всего у нас обстоит дело с подготовкой зенитной артиллерии. Поставленная вчера в докладе начальника Генерального штаба задача научить зенитную артиллерию вести стрельбу по наблюдаемым скоростным целям, совершающим маневр, для нашей зенитной артиллерии выполнима с трудом. У нас не отработана поимка целей и с меньшими скоростями. Причины? Их две. Первая - нет кадров. Сейчас, правда, мы готовим их из наземников. Вторая причина - нет скоростных самолетов для тренировок.

Нужна зенитной артиллерии и своя штатная буксировочная авиация. Вот тогда можно будет обеспечить планомерную подготовку зенитчиков.

Нет и скоростных корректировщиков. Не делаем мы и аэрофотосъемок.

Следующий вопрос. Боевая подготовка артиллерии в укрепленных районах низкая. И ею, по существу, никто не руководит. Ни в округе, ни из центра.

У нас плохая мехтяга. Трактор СТЗ-5 хорош, но маломощный. Трактор же ЧТЗ-65 тихоходный. А ведь есть сейчас трактор "Сталинец-2". Вот бы его в артиллерию!

Плохо поставлен и ремонт тракторов. Мастерские - в АБТВ, а для артиллеристов там - пятая очередь"{2} .

Словом, получилось, что я вроде бы сам же себя и высек. Ведь готовность артиллерии КОВО похвалил начальник Генерального штаба!

Но на то мы и коммунисты, чтобы не почивать на лаврах, а видеть все глубже, шире, подходить к себе критически.

В начале 1941 года генерал армии Г. К. Жуков был назначен начальником Генерального штаба. Вскоре из округа убыли на службу в Генштаб Н. Ф. Ватутин и Г. К. Маландин. Войсками КОВО стал командовать генерал-полковник М. П. Кирпонос. Мы слышали о нем много хорошего. В частности, то, что, командуя во время советско-финляндского военного конфликта 70-й стрелковой дивизией, он показал себя с самой лучшей стороны.

М. П. Кирпонос был очень корректным, приятным во взаимоотношениях человеком, совершенно не кичившимся своим высоким званием и положением. Вот почему мы все вскоре прониклись к новому командующему глубоким уважением.

Следует сказать, что М. П. Кирпоноса очень удачно дополнял прибывший вместо Н. Ф. Ватутина новый начальник штаба округа М. А. Пуркаев - работник опытный и довольно энергичный.

В целом командование округа, как и командование 5, б, 12 и 26-й армий, входивших в его состав, было способно твердо руководить подчиненными ему войсками.

2 мая 1941 года у начальника штаба округа, М. А. Пуркаева состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о положении с лагерями. Было решено, что поскольку из Москвы на этот счет не было никаких конкретных указаний, то артиллерию приграничных стрелковых дивизий в полном составе в лагеря не выводить. А поступить так: от каждого из двух артполков отправлять на полигон сроком на один месяц по дивизиону. И после боевых стрельб возвращать эти дивизионы в свои соединения, заменяя их следующими по очереди. Таким образом, в приграничных стрелковых дивизиях из 5 дивизионов, артполков на месте всегда находилось по 3 дивизиона.

Зенитная артиллерия в свою очередь проводила боевые стрельбы в районах расположения штабов стрелковых корпусов. Там же находилась и корпусная артиллерия. Словом, в отношении боеготовности артиллерии в Киевском Особом военном округе дела обстояли в общем-то благополучно. Основная ее масса всегда находилась под руками.

Между тем в некоторых военно-мемуарных трудах моих коллег-артиллеристов дается утверждение, что якобы вся артиллерия приграничных округов в день нападения врага была в лагерях, поэтому, дескать, стрелковые дивизии в решающий момент и оказались без артиллерии. Возможно, так оно и было в других приграничных округах. Но только не в нашем - КОВО.

Но всецело поддерживаю их выводы о том, что слабым местом у нашей артиллерии являлись средства тяги. Да, артиллерия стрелковых дивизий была тогда еще на конной тяге, а корпусная и РГК - на тихоходных тракторах ЧТЗ-65 и даже ЧТЗ-60. Тягачей же С-80 "Коминтерн" и "Ворошиловец" мы получали крайне мало.

Помнится, нам как-то сказали: изыскивайте выход на местах. Но как? Из народного хозяйства Западной Украины средства мехтяги изымать нельзя. Да брать-то там, собственно говоря, было пока нечего. На развертывание же второочередных артполков средства тяги и личный состав были приписаны из внутренних военных округов с прибытием к нам по отмобилизации в довольно растянутые сроки. Правда, часть личного состава (но не мехтяги) следовало за лето 1941 года приписать из Западной Украины. Но надо было не только обучить на летних сборах этих людей, но и провести с ними огромную воспитательную работу, так как подавляющее большинство приписников раньше служили или пусть даже проходили сборы в

бывшей польской армии. А там, как известно, им усиленно прививалась буквально ненависть к Советскому Союзу.

В мае 1941 года у нас в КОВО проводилось двухнедельное оперативное командно-штабное учение со средствами связи. На него были выведены все штабы армий и корпусов.

В ходе этого учения я заехал в 320-й гаубичный артполк большой мощности РГК, располагавшийся в Дубно. Его командир доложил мне, что очень обеспокоен боевой готовностью как своего, так и формируемого им в случае мобилизации второочередного полка большой мощности. В чем дело? Оказалось, что для предполагаемого полка в 320-й гаубичный уже прислали из центра 24 гаубицы калибра 203 мм. А вот механической тяги нет. Теперь он ждет, когда она будет поставлена... из внутренних областей СССР.

К сожалению, о формировании второочередного полка на базе 320-го гаубичного я даже не знал, как не ведал и о том, что для него уже поступили 24 гаубицы. Почему? Да потому, что эти вопросы шли мимо начарта округа, их проводили по линии моборганов.

И еще одно обстоятельство. Командир 320-го гаубичного артполка доложил, что согласно директиве штаба округа ему следует передать во второочередной полк сорок процентов своего кадрового личного состава, а остальные шестьдесят подготовить за летний период из приписников, жителей Западной Украины. Не считая, естественно, того, что ему из этого же контингента нужно будет восполнить переданные сорок процентов. Задача, прямо скажем, сверхсложная. Вот почему он и добивается, чтобы как можно раньше получить мехтягу. Ведь 24 гаубицы пока стоят, а на них нужно проводить занятия с приписниками.

Я решил помочь командиру полка и по возвращении поставил все эти вопросы в штабе округа. Но мне напомнили, что 320-й гаубичный артполк дислоцирован не где-нибудь, а в Дубно, впереди него находятся стрелковые дивизии и корпуса 5-й и 6-й армий. Да и граница, дескать, проходит сейчас за Владимиром-Волынским, так что разные там опасения о могущих иметь место срывах при отмобилизации напрасны. И все же в конце разговора, чтобы, видимо, не портить мне окончательно настроения, окружные товарищи пообещали, что поднятый мною вопрос будет окончательно решен по возвращении из Москвы М. П. Кирпоноса и М. А. Пуркаева.

Но он так и не был решен. А 22 июня 320-й гаубичный артполк был в числе первых подвергнут бомбардировке с воздуха. Никакого второочередного полка на его базе не было создано.

Обеспечение войск (стрелковых дивизий, стрелковых

корпусов) всеми видами артвооружения и боеприпасов производилось в соответствии с планом, спускаемым нам каждый год из ГАУ. Этот план утверждался наркомом, и из него мы могли узнать, какие корпуса, дивизии и отдельные полки будут снабжаться нужным им из центра. И даже до какого процента обеспеченности.

За доставку же этого вооружения и боеприпасов в войска отвечало уже артснабжение округа. Оно отвечало также за организацию войскового ремонта вооружения, за сбережение в отдельных полках, дивизиях и корпусах артимущества, за правильную его эксплуатацию. Кроме того, артснабжение вело учет всего вооружения и боеприпасов, находящихся в войсках округа.

В непосредственном подчинении артснабжения находились и артсклады с боеприпасами. Кроме полутора боекомплектов, которые, как правило, имела каждая стрелковая дивизия в своих НЗ, на артскладах округа, построенных и еще строившихся по указанию Москвы, хранились и продолжали поступать на хранение боеприпасы в количествах, которые на каждый год сообщались в ГАУ. Но предназначения этих складов ни артснабжение округа, ни даже ГАУ не знали. Они отвечали только за сбережение, правильное содержание боеприпасов и их сохранность. Распоряжаться же запасами в этих складах в мирное время имел право только центр. Даже командующий войсками округа не мог вмешиваться в деятельность таких складов.

Конечно, работники службы артснабжения понимали, что в окружных складах накапливается мобилизационный запас боеприпасов для войск, которые в случае войны будут развертываться в данных районах. Но понимать - одно, а знать точно и конкретно - другое.

Кстати, такое положение существовало во всех трех военных округах, где с 1935 года мне довелось служить - в БВО, СКВО и КОВО.

В январе 1941 года Генштаб принял решение о создании артиллерийских противотанковых бригад. Пять из них было приказано сформировать в Киевском Особом военном округе. Мы горячо взялись за это дело, и уже к марту все бригады были сформированы и даже начали боевую подготовку. Каждая из них имела по 120 орудий, являясь мощным средством усиления для общевойсковых армий в противотанковом отношении.

Кстати сказать, это было первой попыткой сформирования артиллерийских соединений, необходимость в которых назрела давно.

И наконец, о положении с укрепленными районами. По роду

своей службы в Белорусском и Киевском округах я хорошо знал такие УРы, как Минский, Полоцкий, Мозырский, Новоград-Волынский и Каменец-Подольский. До 1940 года каждый из них имел по нескольку пулеметных батальонов, артиллерийских частей, соответствующие штабы. Войска УРов были подготовлены в общем-то хорошо, имели детально разработанную систему огня, представляли собой слаженные, боеспособные части. Но вслед за освобождением Западной Белоруссии и Западной Украины началось строительство УРов на новой государственной границе, которое к началу войны было далеко не закончено. Большой ошибкой явилось и то обстоятельство, что на старой-то границе к началу войны части, многие годы там находившиеся, были сняты почти со всем своим вооружением (некоторая часть вооружения была все-таки оставлена), а УРы законсервированы.

Конечно, укрепленные районы, как это в свое время имело место и с линией Маннергейма, не непреодолимы и не могут в современных условиях считаться совершенно надежной защитой. И тем не менее можно смело утверждать, что, если бы до завершения строительства новых оборонительных рубежей старые УРы были оставлены в том виде, в каком они существовали до 1940 года, они выполнили бы большую боевую работу по уничтожению вторгнувшегося противника. Наши отходившие полевые войска могли бы быть в этих условиях организованно приняты и развернуты на обводах укрепрайонов.

Сошлюсь хотя бы на один только Перемышльский У Р. Здесь наши части уже в первые дни войны проявили величайший героизм и мужество. И фашисты, уже продвинувшиеся главными силами на восток, вынуждены были еще долго вести бои в этом районе. Вплоть до подрыва дотов, защитники которых предпочли смерть позору плена.

В воскресенье 15 июня 1941 года я занимался вопросами боевой подготовки на большом артиллерийском полигоне вблизи города Яворув, что северо-западнее Львова. Это была часть моей повседневной работы в должности начальника артиллерии Киевского Особого военного округа. В лагерях как раз находились артчасти 6-го стрелкового корпуса 6-й армии, зенитные артиллерийские дивизионы Львовского района ПВО и артиллерийский полк резерва Главного Командования.

Помнится, все находившиеся в тот день на полигоне старшие артиллерийские начальники единодушно высказали опасения о возможном нападении фашистской Германии на нашу страну. Такое их мнение разделял и я. Известное сообщение ТАСС, переданное накануне, нас мало успокоило, так как мы-то имели более чем достаточно разведданных о сосредоточении на нашей

границе немецко-фашистских войск. Беспокоили и участившиеся нарушения воздушного пространства самолетами германских люфтваффе.

Словом, все явственнее попахивало порохом. И поэтому настроение у всех нас было тревожное.

Поразмыслив, я под свою ответственность приказал поставить на дежурство (естественно, в "учебных" целях) один дивизион 85-мм и дивизион 37-мм зенитных пушек. Остальные артиллерийские парки потребовал убрать с поля на опушку леса, а затем проверить их маскировку с воздуха. Большего я предпринять тогда не мог.

Вечером мне передали приказание командующего войсками округа, чтобы к утру 16 июня я непременно прибыл в Киев. Поехал в тот же вечер. Утром генерал М. П. Кирпонос объявил мне, что я, оказывается, назначен начальником Главного артиллерийского управления Красной Армии. Вот это неожиданность!

Первое, что нашелся спросить, было: а кто будет назначен вместо меня в округ? М. П. Кирпонос сказал, что уже завтра, 17 июня, в Киев с должности генерал-инспектора артиллерии прибывает генерал И. А. Парсегов. Он-то и будет начартом КОВО. Ну, а мне после сдачи ему дел, 21 июня, надлежит явиться уже в Москву, где представиться Народному комиссару обороны СССР Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко.

Повторюсь: назначение начальником ГАУ было довольно почетным повышением, но очень уж неожиданным. Ведь всю свою службу до этого я прошел строевым артиллеристом и к вопросам, входящим в круг деятельности ГАУ, почти никакого отношения не имел. Кроме, пожалуй, лишь того, что артиллерийское снабжение округа имело двойное подчинение. С одной стороны, в округе, - мне, как начальнику артиллерии, с другой - ГАУ. Но практически же все указания по вопросам артиллерийского снабжения начальник артснабжения округа получал непосредственно из ГАУ. Они и адресовались-то из Москвы всегда лично ему, начартснабу. И поскольку у начальника артиллерии округа было много и своих, строевых дел, а дела артиллерийского снабжения определялись директивами ГАУ и указаниями штаба округа, то в детали этой службы я вмешивался нечасто.

В само же ГАУ за все время службы я попал всего лишь один раз - в 1938 году после одного из сборов, проведенных с нами, начартами округов, начальником артиллерии РККА. Да и то это было короткое, с чисто ознакомительными целями посещение. В трудоемкую и обширную деятельность этого ведомства мы, естественно, не вникали. И вот теперь я сам становился его

начальником.

С одной стороны, новое назначение меня обрадовало. Но вот с другой... Как я уже упоминал выше, артиллерия Киевского Особого военного округа по состоянию боеготовности в 1940 году вышла на первое место в артиллерии РККА. Этим я не мог не гордиться. И вот теперь, в преддверии неизбежной войны, мне приходилось оставлять строевую артиллерийскую службу. Уходить от повседневной заботы о ней, менять привычное и знакомое дело на малоизвестное. И это меня беспокоило.

В Москве я тоже никогда не служил. Правда, бывал в ней проездом или же в командировках. Но это - считанные дни. Центрального аппарата, кроме управления начальника артиллерии РККА, не знал. Теперь же нужно было все это познавать, привыкать к новому, столичному ритму работы.

Итак, я стал готовиться к отъезду в Москву. Мне предстояла встреча с бывшим командующим войсками КОВО, а ныне наркомом обороны С. К. Тимошенко, с его преемником на этой должности генералом армии Г. К. Жуковым, сейчас возглавлявшим Генеральный штаб. Был уверен, что мое назначение начальником ГАУ не обошлось без их непосредственного участия. Поэтому и надеялся, что на первых порах смогу получить помощь с их стороны.

В наркомате было и еще несколько моих сослуживцев по КОВО. Это бывший начальник штаба округа Н. Ф. Ватутин. Сейчас он являлся заместителем начальника Генерального штаба - начальником оперативного управления. В его непосредственном подчинении работал и генерал Г. К. Маландин. До середины 1940 года он занимал в Киеве должность заместителя начальника штаба округа. Мы даже жили с ним в одном доме.

Начальником бронетанковых войск РККА также был наш, "киевский", - Я. Н. Федоренко. Выходцем из КОВО являлся и Я. М. Хотенко, возглавлявший сейчас Центральное финансовое управление, строительством руководил А. В. Хрулев, кипучей энергии человек. Да, все эти товарищи были уже крупными военными работниками. Однако непосредственно в ГАУ они мне мало чем могли помочь.

К 19 июня я уже закончил сдачу дел своему преемнику и почти на ходу распрощался с теперь уже бывшими сослуживцами. На ходу потому, что штаб округа и его управления в эти дни как раз получили распоряжение о передислокации в Тернополь и спешно свертывали работу в Киеве.

21 июня около 14 часов приехал в Москву. Буквально через час уже представлялся наркому обороны Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко.

В кабинете наркома как раз находился начальник Генштаба генерал армии Г. К. Жуков. Мы тепло поздоровались. Но С. К. Тимошенко не дал нам времени на разговоры. Лаконично предложил с понедельника, то есть с 23 июня, начать принимать дела от бывшего начальника ГАУ Маршала Советского Союза Г. И. Кулика. А уже затем снова явиться к нему для получения дальнейших указаний.

Во время нашей короткой беседы из Риги как раз позвонил командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал Ф. И. Кузнецов. Нарком довольно строго спросил его, правда ли, что им, Кузнецовым, отдано распоряжение о введении затемнения в Риге. И на утвердительный ответ распорядился отменить его.

Продолжения этого телефонного разговора я уже не слышал, так как вышел из кабинета наркома и из его приемной позвонил Г. И. Кулику. Тот .согласился начать сдачу дел с понедельника, а пока предложил к 20 часам приехать в ГАУ и неофициально поприсутствовать на совещании, связанном с испытаниями взрывателей к зенитным снарядам.

На совещании собралось около 30 человек военных и гражданских лиц. Для меня все на нем было ново. Примостившись в углу кабинета, я с недоумением осматривал непривычные штатские пиджаки среди гимнастерок военных. И это можно было понять, ведь за моими плечами было почти двадцать пять лет армейской службы с ее известным порядком и формой обращения. А здесь...

Г. И. Кулик почему-то ни с кем меня не познакомил. То ли потому, что, являясь заместителем наркома обороны и Маршалом Советского Союза, не счел удобным это сделать. Ведь он-то, видимо, хорошо понимал, что сдает должность начальника ГАУ вопреки своему желанию. И кому! Какому-то малоизвестному генералу из войск! Поэтому, вероятно, и счел, что ему не к лицу рекомендовать такого преемника.

Но это, как говорится, было его дело. Важно, что я все-таки присутствовал на данном совещании.

Г. И. Кулик вел совещание с заметной нервозностью, но высказывался крайне самоуверенно, вероятно надеясь, что авторитет его суждений обязан подкрепляться высоким служебным положением и званием маршала.

Слушая путаное выступление Г. И. Кулика, я с горечью вспоминал слышанное однажды: что он все же пользуется определенным доверием в правительстве, и прежде всего у И. В. Сталина, который почему-то считал Г. И. Кулика военачальником, способным на решение даже оперативных вопросов. И думалось:

неужели никто из подчиненных бывшего начальника ГАУ не нашел в себе смелости раньше, чем это уже сделано, раскрыть глаза руководству на полную некомпетентность Г. И. Кулика на занимаемом им высоком посту?

Но тут же утешил себя: а все-таки нашлись смелые люди! Справедливость-то восторжествовала!

Была уже глубокая ночь, а совещание все продолжалось. Теперь высказывались военные и гражданские инженеры. Первые давали свои оценки взрывателям, вторые - свои. Спорили подчас довольно остро. Г. И. Кулик не вмешивался, сидел молча, с безразличным выражением на лице. Я тоже вскоре потерял в потоке жарких слов нить обсуждения, да честно говоря, мне в общем-то и не была известна суть дела. К тому же и просто устал. Так проспорили до начала четвертого утра 22 июня. А вскоре последовал звонок по "кремлевке". Кулик взял трубку, бросил в нее несколько непонятных фраз. Со слегка побледневшим лицом положил ее на рычаги и жестом позвал меня в соседнюю комнату. Здесь торопливо сказал, что немцы напали на наши приграничные войска и населенные пункты, его срочно вызывают в ЦК, так что мне теперь самому надо будет вступать в должность начальника ГАУ. И действительно, Г. И. Кулик тотчас же закрыл совещание и уехал.

Я остался один в кабинете начальника ГАУ. Стал думать, что же мне теперь делать, с чего начинать. Никого из личного состава в управлении, кроме дежурных, не было.

Между тем за окнами светало, и, если принять во внимание сказанное Куликом, шла война. А телефоны молчат. Позвонил сам наркому, затем начальнику Генштаба. Пробовал связаться с Н. Ф. Ватутиным, Г. К. Ма-ландиным. Словом, со всеми, кого знал по работе в КОВО. Все в ЦК. Что же делать? И почему Кулик не объявил о начале войны ответственным товарищам из промышленности, в том числе и наркомам, присутствовавшим на совещании? Да и отпустил их, не представив меня...

Ведь если Германия напала на нас, то за ней последуют Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия... Еще не известно, как поведет себя Япония... А это уже большая, огромная война. А Москва, столица нашей Родины, спит. А там, на западной границе, уже идут бои. Льется кровь красноармейцев. Фашисты наверняка бомбят наши приграничные города, противовоздушная оборона которых отнюдь не несокрушима...

Вызвал недоумевающего дежурного, объявил ему, что являюсь новым начальником ГАУ, и потребовал от него список руководящего состава управления. Он еще больше смутился, когда я распорядился вызвать на 10 часов своих заместителей. На

неуверенное напоминание, что сегодня же воскресенье, резковато подтвердил свое распоряжение. Дежурный вышел.

Ровно в 10.00 ко мне зашли генералы В. И. Хохлов, К. Р. Мышков, А. П. Байков, П. П. Чечулин, комиссар И. И. Новиков. Объявил им о вступлении в должность, познакомился и передал, что сегодня рано утром немецко-фашистские войска без объявления войны напали на нашу Родину. Это сообщение буквально ошарашило моих заместителей...

Но личные эмоции - потом. Потребовал от генерала А. П. Байкова, ведавшего организационными вопросами, показать мне план ГАУ. Но оказалось, что этот план хранится в Генеральном штабе у генерала П. А. Ермолина.

Приказав заместителям вызвать весь личный состав на службу, поехал в Генштаб к генералу Ермолину, а затем, вернувшись в ГАУ, вновь собрал заместителей, распорядился, чтобы аппарат управления занимался текущей работой. Сам, попросив А. П. Байкова набросать мне схему организации ГАУ, углубился в ее изучение.

Одновременно приказал представить данные, какими запасами вооружения и боеприпасов располагает на сегодняшний день ГАУ.

Да, по-разному встретили эту страшную войну советские люди. Одни уже на рассвете 22 июня 1941 года вступили в схватку с наглым врагом. Ну а я, профессиональный военный, генерал-полковник артиллерии, сидел в эти часы в громадном пустом кабинете, пока еще схематично знакомясь с работой вверенного мне огромного ведомства - Главного артиллерийского управления.

* * *

Итак, война грянула. И, как покажет время, - тяжелейшая, кровопролитная война, унесшая 20 миллионов жизней советских граждан.

И здесь предвижу законный вопрос: так неужели же наши партия и правительство действительно недооценивали фашистскую опасность, надеялись на то, что с захватом стран Европы аппетиты Гитлера будут удовлетворены и он не рискнет напасть на Советский Союз? Неужели не было сделано все возможное для укрепления оборонной мощи нашей Родины?

Нет, мы хорошо знали о звериной, агрессивной сущности фашизма. Знали и о том, что социально-политическая основа немецко-фашистской военной доктрины определяла захватнические замыслы, изложенные Гитлером еще в его книге "Майн кампф". С приходом в 1933 году к власти в Германии нацистов эта библия фашизма превратилась в государственную

политику, для реализации которой руководство третьего рейха стремилось использовать все средства, и главным образом военные. Гитлеровцы, действуя прежде всего в интересах наиболее хищнических и агрессивных групп германского империализма, выдвинули широкую программу завоеваний, которая в конечном счете сводилась к установлению мирового господства.

Решающим этапом на пути к европейской и мировой гегемонии нацисты считали уничтожение Советского Союза, завоевание "жизненного пространства" на Востоке. Гитлер, например, писал: "...если мы ныне и говорим о новых земельных владениях в Европе, то речь идет прежде всего о России и подвластных ей окраинных государствах". Последовательность этапов борьбы за мировое господство достаточно четко выражена и в следующем заявлении бесноватого фюрера: "Ничто не удержит меня от того, чтобы напасть на Россию после того, как я достигну своих целей на Западе... Мы пойдем на эту борьбу. Она раскроет перед нами ворота к длительному господству над всем миром".

В секретном меморандуме от 26 августа 1936 года об основных задачах "четырехлетнего плана" рейхсканцлер фашистской Германии обосновывал форсированную подготовку экономики страны к войне неизбежностью "исторического столкновения" с Советским Союзом.

Развивая тезис о "необходимости" разбить СССР любыми методами, Гитлер заявлял, что "потомки не спросят нас", какими методами или в соответствии с какими нынешними представлениями мы действовали, а лишь о том, чего мы добились.

Таким образом, мы были прекрасно информированы о замыслах руководителей фашистской Германии в отношении нашей Родины. И даже подписывая 23 августа 1939 года советско-германский пакт о ненападении, знали: угроза войны против нас не снимается, ее начало лишь отодвигается. На год, на два, но отодвигается. А нам очень нужны были эти мирные годы!

* * *

А теперь рассмотрим вопрос о том, какие же меры принимали наши партия и правительство по укреплению оборонной мощи СССР.

Сразу же отмечу, что одной из самых передовых отраслей в народном хозяйстве, получившей у нас большое развитие в конце второй и начале третьей пятилетки, являлась оборонная промышленность. В 1936-1939 годах ЦК ВКП(б) и Советское правительство осуществили обширную программу строительства

новых авиационных, танковых, моторостроительных и других заводов оборонного значения. Больше того, по мере нарастания в мире напряженности все большее количество предприятий народного хозяйства переключалось на производство военной продукции. В 1936 году решением VIII Чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов был образован Народный комиссариат оборонной промышленности. А в целях координации всех мероприятий по вопросам обороны страны 27 апреля 1937 года вместо Совета Труда и Обороны при СНК СССР создан Комитет Обороны. 31 января 1938 года при нем была учреждена постоянная Военно-промышленная комиссия, ведавшая вопросами мобилизации и подготовки всей промышленности к обеспечению выполнения планов и заданий Комитета Обороны по производству вооружения для РККА и РККФ.

Но так как объем задач военной промышленности постоянно расширялся, а руководство ею усложнялось, в январе 1939 года Наркомат оборонной промышленности был преобразован в наркоматы: авиационной промышленности, судостроительной, вооружения, боеприпасов. Каждый из этих наркоматов имел подчиненные предприятия и свои главные управления, а также строительные тресты, проектные организации, высшие и средние учебные заведения, фабрично-заводские училища, где готовились квалифицированные рабочие массовых профессий.

Наркоматы оборонной промышленности работали на основе пятилетних планов выпуска продукции, которые предусматривали высокие показатели ее прироста. Так, оборонная продукция заводов первого главного управления Наркомата вооружения должна была составить в 1938 году 177,2 процента по сравнению с 1937 годом. А в 1939 году - 180,7 процента по сравнению с 1938 годом. Вполне понятно, что выполнение такого напряженного плана требовало привлечения в сферу производства большого количества высококвалифицированных инженеров, техников и рабочих.

Что и делалось.

Учитывая возросшие потребности на нужды обороны,

Советское правительство делало Все, чтобы удовлетворить их. Об этом говорит хотя бы такой факт, что уже в 1939 году объем ассигнований на военную промышленность достиг 16 млрд. рублей, превысив показатели 1936 года более чем в 4 раза.

Не могу не отметить и того обстоятельства, что темпы роста оборонного производства значительно опережали темпы роста других отраслей промышленности. Так, если в 1938-1939 годах ежегодный прирост продукции всей промышленности в среднем составлял 13,9 процента, то в оборонной в 1938 году он равнялся

36,4 процента, а в 1939 году - даже 46,5 процента (в сравнении с предыдущим годом).

Партия и правительство постоянно заботились о всемерном развитии и совершенствовании исследовательской работы в оборонной промышленности. В развертывание перспективного проектирования, научно-исследовательской работы по всем видам вооружения и боевой техники вкладывались все новые средства. Знакомясь позднее с документами, я узнал, что только ГАУ в 1938 году получило для этой цели 60 млн. рублей, а в 1939 году - уже 92 млн. рублей. А это по тем временам довольно большие деньги!

И еще я узнал, что в конце 1937 года был принят план научно-исследовательской и конструкторской работы, который в качестве главной задачи определял создание современного вооружения путем разработки новых образцов и модернизации наиболее перспективных старых систем и боеприпасов к ним. На основных (ведущих) предприятиях вырастали мощные опытные цехи и конструкторские бюро, укреплялись научно-исследовательские институты. Оборонная промышленность пополнялась квалифицированными техническими кадрами. Приведу здесь только одну цифру: в 1938 году в нее было направлено около 5 тысяч молодых инженеров!

* * *

И все-таки я, как артиллерист, остановлюсь прежде всего на производстве артиллерийского вооружения в довоенный период. Еще раз повторюсь: начальником ГАУ меня назначили лишь в июне 1941 года. Поэтому свой рассказ о более раннем периоде я буду вести, естественно, на основе документов, которые мне удалось изучить.

Начну с того, что в 1938 году, выступая на одном из совещаний, И. В. Сталин говорил буквально следующее:

"Артиллерия, несмотря на появление новых, исключительно важных видов боевой техники (авиации и танков), остается мощным и решающим фактором в войне... На нее должно быть обращено особое внимание". И действительно, производству артиллерийского вооружения придавалось большое значение. Комитет Обороны при СНК СССР, например, рассмотрел и принял постановления о системах артиллерийского и стрелкового вооружения, в которых определялись пути дальнейшего их развития и совершенствования. На размещение и финансирование заказов Главного артиллерийского управления выделялись значительные суммы. Так, если в 1936 году стоимость заказов ГАУ лишь по материальной части артиллерии составляла 505 млн. рублей, то в 1939 году эта цифра достигла уже 1 млрд. 798 млн. рублей! Увеличение, как видим, солидное.

И еще слово цифрам. К началу 1939 года на рассмотрение государственных комиссий были представлены многие новые и модернизированные образцы оружия. В том числе 13 автоматических отечественных винтовок; усовершенствованный карабин и модернизированный ручной пулемет Дегтярева с постоянным приемником; 2 станковых пулемета (Силина и ДС), 12,7-мм крупнокалиберный пулемет образца 1938 года; 15 образцов противотанковых ружей, в том числе 14,5-мм противотанковое (уже тогда!) самозарядное ружье Рукавишникова; 4 миномета (50, 82,107 и 120-мм); 160-мм миномет; 76-мм пушка Ф-22 образца 1938 года.

Как видим, новаторская мысль наших конструкторов работала неустанно. Но вот жаль, что утверждение-то этих новых образцов вооружения проходило подчас слишком уж медленно.

* * *

А теперь - о производстве боеприпасов в довоенный период.

Сразу же отмечу, что это производство было самым трудоемким и дорогостоящим в системе оборонной промышленности, поглощавшим около 50 процентов бюджетных ассигнований на производство вооружения. Наиболее сложным являлось производство артиллерийских выстрелов. К концу 1937 года снарядные корпуса изготовляли 44 предприятия, большинство из которых имело старое оборудование и не вполне современную технологию. Взрыватели и трубки к ним выпускали 6 заводов Наркомата оборонной промышленности и 5 цехов Наркомата машиностроения. Гильзы к снарядам изготовляли 3 оборонных завода и несколько цехов предприятий других наркоматов. Естественно, что этого было недостаточно.

Общее состояние изготовления боеприпасов определяло пороховое производство. А оно-то и было едва ли не самым узким местом в мобилизационном плане. Так, пороховая промышленность в 1938 году имела мощность всего 56 тыс. тонн продукции в год, что, конечно же, не обеспечивало потребностей армии в случае войны.

План 1939 года предусматривал значительное увеличение выпуска снарядов, мин, бомб, патронов, гранат (по сравнению с 1937 годом в 4,6 раза!). И для выполнения такого большого задания принимались соответствующие меры. В первую очередь намечалось расширение промышленной базы Наркомата боеприпасов: строилось 28 заводов и один комбинат, реконструировалось 28 старых заводов. Кроме того, к производству элементов боеприпасов по решению правительства привлекались еще 235 предприятий, из которых добрая половина переводилась на новую технологию.

Однако в производстве некоторых видов боеприпасов оставалось немало трудностей. А это, конечно же, сказывалось как на качестве выпускаемой продукции, так и на ее количестве. План по выпуску мин, например, был выполнен на 46-55 процентов, а зенитных снарядов - и того меньше. Объяснялось такое положение в первую очередь нехваткой тротила, низкой пропускной способностью сушильных камер, большим браком и другими причинами. Не находила надлежащего разрешения проблема наращивания мощностей по нитроглицериновым порохам, на которых почти целиком базировались новые артиллерийские системы, особенно зенитные.

И все-таки, несмотря на трудности и недостатки в деятельности оборонных предприятий и отдельных отраслей военной промышленности, 1937-1939 годы стали переломными в деле оснащения нашей армии разнообразным вооружением, полностью отвечающим требованиям времени. Удалось не только разработать ряд совершенно новых образцов оружия, но и принять их в серийное производство. Советские Вооруженные Силы получили самозарядную винтовку Токарева, облегченный станковый пулемет В. А. Дегтярева на треноге, 82-мм миномет, 45-мм противотанковую пушку, 122-мм гаубицу и 152-мм гаубицу-пушку образца 1937 года, 76-мм зенитную, 76-мм горную пушки, 120-мм миномет, 76-мм дивизионную и 152-мм пушки, 37-мм и 85-мм зенитные орудия образца 1939 года.

Огромную роль в этом деле сыграли коллективы, руководимые такими известными конструкторами артиллерийского вооружения, как В. Г. Грабин, Ф. Ф. Петров, Л. И. Горлицкий, В. А. Ильин, Б. И. Шавырин, И. И. Иванов, Н. К. Люльев и Л. А. Локтев.

В октябре 1938 года была разработана опытная многозарядная пусковая установка для ведения залпового огня реактивными снарядами по наземным целям. Такие снаряды и установку создала группа конструкторов под руководством К. К. Глухарёва, Л, Э. Шварца и И. И. Гвая. Вскоре В. Н. Галковским и А. П. Павленко была сконструирована 16-зарядная боевая машина, впоследствии - знаменитая "катюша". Осенью 1939 года она успешно прошла полигонные испытания.

Не могу не отметить и еще одного обстоятельства. Именно в предвоенное время наша наука стала делать свои первые шаги на пути к созданию реактивной авиации, баллистических и межконтинентальных ракет. В Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ) под руководством С. П. Королева велась энергичная работа над созданием крылатых ракет и ракетопланера. В декабре 1937 года состоялось первое

наземное огневое испытание ракетопланера СК-9 (РП-318), созданного С. П. Королевым. Было проведено 20 успешных пусков двигателей ОРМ-65, а затем РДА-1-150, специально разработанных для данного аппарата инженером Л. С. Душкиным.

В 1939 году заместитель главного конструктора А. Я. Щербаков и ведущий инженер А. В. Палло подготовили ракетопланер к летным испытаниям, которые были успешно проведены 28 февраля 1940 года.

Вот такой наша Родина вступила в тяжелейшую Великую Отечественную войну.

Глава третья. Вступаю в должность

Шел третий день войны. Я все еще знакомился со структурой ГАУ, его людьми. И вдруг неожиданный вызов в Кремль, к И. В. Сталину.

В приемной И. В. Сталина познакомился с его секретарем А. Н. Поскребышевым. А затем через кабинет Поскребышева и смежную с ним комнату, в которой находились двое людей из охраны, вошел в многократно уже описанный другими мемуаристами кабинет Сталина. Как сейчас помню, посреди кабинета стояли члены Политбюро, нарком обороны С. К. Тимошенко, еще кто-то из военных. Разговор велся общий.

Остановившись у двери, стал ждать. До той поры мне никогда еще не приходилось близко видеть И. В. Сталина. Он представлялся более крупным, чем оказался в действительности. Сталин был сухощав, среднего роста, с небольшими следами оспы на слегка желтоватом лице. Одет в сероватого цвета френч, такого же цвета брюки, заправленные в мягкие сапоги с невысокими голенищами.

Наконец заметив меня, И. В. Сталин отделился от группы и неторопливо приблизился ко мне. Я доложил, что являюсь начальником ГАУ, назвал свою фамилию.

- Так вы и есть тот самый Яковлев, новый начальник ГАУ? - кивнул Сталин. Здравствуйте! Как у вас идут дела?

Я ответил, что пока мне все ново, стараюсь поскорее познакомиться с большим ведомством, которое мне доверили. Не скрыл, что есть много неясного в обеспечении войск, данные поступают разноречивые. Устанавливаю связь с промышленностью и, конечно, жду резкого повышения поставок в соответствии с требованиями военного времени. Чувствую, что мне нужна авторитетная помощь кого-либо из членов правительства, так как руководство Генштаба сейчас целиком занято оперативной обстановкой, а я еще не знаю, как быть с заказами на вооружение и боеприпасы.

Сталин выслушал меня спокойно, пожелал поскорее войти в дела ГАУ. Подчеркнул, что нужно быть внимательным, по-хозяйски подходить к заявкам. Обещал подумать о всех моих просьбах. На этом наша первая встреча с ним и закончилась.

В первые недели войны И. В. Сталин приезжал в Кремль, в свой кабинет, днем. Затем - обычно часам к восемнадцати-девятнадцати. В октябрьско-декабрьские дни 1941 года - то днем, то к восемнадцати часам. В остальные месяцы и годы войны в своем кабинете Сталин находился обычно с восемнадцати до двух-трех часов ночи, после чего он и члены Политбюро или уходили на квартиру Сталина, или уезжали к нему на ближнюю дачу. И там до утра продолжалось обсуждение разных партийно-государственных вопросов.

Следовательно, и заседания Государственного Комитета Обороны, и работа Ставки происходили в одном и том же кабинете. Но я не помню случая, чтобы эти заседания носили в годы войны протокольный характер. Обычно те или иные дела разбирались путем обмена мнениями.

Постановления Государственного Комитета Обороны, как, впрочем, и представления в ГКО, должны были быть всегда лаконичными, краткими, ясно излагать суть вопроса или решения. Иногда проект постановления писался под диктовку Сталина тут же, в кабинете. При этом надо было помнить, что он имел привычку, диктуя, ходить по кабинету, а иногда и подходить сзади, через плечо пишущего читая текст. Не терпел, когда слова были неразборчивы, сердился.

После написания постановление тут же набело перепечатывалось в машбюро у Поскребышева и после подписи без промедления доставлялось фельдъегерями заинтересованным лицам. Словом, оперативность в этом вопросе была на высоте.

Обычно И. В. Сталин вызывал в Ставку нужных ему лиц через А. Н. Поскребышева, которому о цели вызова, как правило, не говорил. И Александр Николаевич передавал по телефону одно лишь слово: "Приезжайте". Переспрашивать в таких случаях не полагалось, а спешить было надо, так как при длительной задержке мог последовать вопрос "Где были?" или "Почему так долго не приезжали?". Отвечать нужно было честно, иначе беды не оберешься.

Как-то в 1943 году К. Е. Ворошилов уговорил меня посетить с ним ЦАГИ. Я там никогда не был. Поехали. В институте оказалось много интересного, и мы пробыли там часов до четырнадцати. Потом Ворошилов предложил еще заехать к нему на квартиру в Кремль и пообедать.

Часов около восемнадцати почувствовал какое-то странное

беспокойство и поехал к себе в ГАУ. Дорогой ругал себя за то, что не догадался от Ворошилова позвонить в управление и сообщить, где нахожусь.

У подъезда ГАУ меня действительно ждал дежурный адъютант, и, волнуясь, доложил, что уже три раза звонил Поскребышев. Так вот оно, предчувствие!

Звоню Александру Николаевичу. Тот сердито бросил: "Приезжайте, не мог найти". Приехал. Сталин тоже строго отчитал меня за то, что заставил ждать сорок минут. Спросил: "Где были?" Ответил. И опять получил нагоняй за поездку в ЦАГИ. Мотивировка: "Что, у вас своих дел не хватает, что вы ездите в другие институты?"

А бывали случаи, когда Сталин, наоборот, вдруг спрашивал: "А не оторвал ли я вас вызовом от срочного дела или отдыха?"

Но вернемся к моему вызову. Поясню, что начальник ГАУ нес ответственность перед Ставкой за должное обеспечение армии вооружением и боеприпасами. Вот Верховный Главнокомандующий и счел необходимым разъяснить мне ее объем. Прохаживаясь по кабинету, он неторопливо говорил примерно следующее:

- У нас в армии много чинов. А вы, военные, привыкли и обязаны подчиняться старшим по званию. Как бы не получилось так, что все, что у вас есть, растащат по частям. Поэтому впредь отпуск вооружения и боеприпасов производить только с моего ведома! - При этом Сталин, медленно поводя пальцем в воздухе, добавил: Вы отвечаете перед нами за то, чтобы вооружение, поставляемое в войска, было по своим характеристикам не хуже, а лучше, чем у врага. Вы - заказчик. Кроме того, у вас есть квалифицированные военные инженеры, испытательные полигоны. Испытывайте, дорабатывайте. Но давайте лучшее! Конечно, наркомы и конструкторы тоже отвечают за качество. Это само собой. Но окончательное заключение все же ваше, ГАУ.

Вы отвечаете за выполнение промышленностью планов поставок, - продолжал далее И. В. Сталин. - Для этого у вас есть грамотная военная приемка. Следовательно, если в промышленности появились признаки невыполнения утвержденного правительством плана, а вы вовремя через наркомов не приняли должных мер (а в случае, если и приняли, но это не помогло, а вы своевременно не обратились за помощью к правительству), значит, именно вы будете виноваты в срыве плана! Наркомы и директора заводов, конечно, тоже ответят. Но в первую очередь - вы, ГАУ, потому что оказались безвольным заказчиком.

Вы также отвечаете за правильность составления

предложений по распределению фронтам вооружения и боеприпасов, за своевременную, после утверждения мною плана, их доставку. Перевозки осуществляет НКПС и Тыл Красной Армии. Но вы должны это постоянно контролировать и вовремя принимать меры к доставке фронтам транспортов в срок.

И хотя все эти разъяснения Сталина были адресованы в общем-то мне, начальнику ГАУ, но в кабинете также находились и члены Политбюро. И я понял (думаю, что не ошибся), что Верховный все-таки в первую очередь говорил это им, членам ГКО.

Ну а я после таких указаний И. В. Сталина почувствовал себя куда свободнее во взаимоотношениях с любыми инстанциями. Ведь члены ГКО тоже знали об упомянутых указаниях Верховного, поэтому, если возникала необходимость, принимали меня при первой возможности и помогали всем, чем могли. Во-первых, всем начальникам арсеналов, баз и складов было приказано ничьих указаний об отпуске вооружения и боеприпасов, кроме распоряжений ГАУ, не выполнять. И когда в октябре 1941 года один очень ответственный товарищ из Московской организации ВКП(б) все же настоял на выдаче с завода экспериментального автомата, ГКО тотчас же объявил ему выговор. И заставил вернуть автомат на завод. С тех пор больше уже никто не пытался действовать в обход ГАУ.

Планы месячного распределения я докладывал лично Верховному Главнокомандующему. Особых поправок, как правило, им не вносилось, так как план предварительно согласовывался с Генштабом. И при наличии каких-либо расхождений Генштабу все же приходилось считаться с имеющимися ресурсами. Так что обычно он соглашался с предложениями ГАУ.

По отдельным же заявкам фронтов мною представлялась И. В. Сталину докладная записка, которая чаще всего утверждалась им без поправок. Хочу заранее сказать, что за все время войны не было такого случая, чтобы Верховный остался неудовлетворенным представлениями ГАУ. Лишь глубокой осенью 1941 года, когда обстановка на фронтах была исключительно тяжелой, И. В. Сталин как-то не выдержал и предложил было снять меня с занимаемого поста и даже отдать под суд...

А дело было так. Начальник ГлавПУРа Л. З. Мехлис имел поручение контролировать формирование новых стрелковых дивизий резерва Ставки. ГАУ уже разработало определенный план обеспечения этих соединений вооружением и боеприпасами. И выполняло его в полном объеме, хотя нужды фронтов в

ноябрьские дни 1941 года были очень острыми.

Один из экземпляров сводки об обеспеченности этих дивизий мы посылали и Мехлису. Однако он считал нужным систематически вызывать меня где-то в 24.00 к себе и там с пристрастием проверять цифры. При этом в моем присутствии то и дело звонил командирам и комиссарам названных дивизий и справлялся у них о правильности поданных нами сведений. На это, как правило, уходило три-четыре часа.

А ведь в эти самые часы шла напряженная работа в наркоматах, в ГАУ, и мне надо было бы находиться там. А тут сиди и слушай, как тебя проверяют...

Появилась обида за недоверие ко мне, ответственному должностному лицу. Но больше всего - недовольство бесцельной тратой времени. И вот как-то находясь в кабинете начальника ГлавПУРа и слушая, как тот ведет бесконечные телефонные разговоры, я взорвался. Высказал Мехлису все, что думаю о процедуре этих унизительных проверок. Не скрыл, что меня подчас бесят его малоквалифицированные вопросы. И что под моим началом есть ГАУ, которое часами работает без своего начальника.

Вероятнее всего, Мехлис пожаловался Верховному. И вот однажды, когда Сталина также довела обстановка, он (это было в конце ноября) вдруг резко, сказал мне: "Вас надо судить и за неуважение к старшим, и за недостаток вооружения и боеприпасов!"

Я не особенно-то удивился этому. Ведь и в самом деле было очень трудное положение, и Верховному, если подходить по-человечески, надо было на ком-то разрядиться. Но "неуважение к старшим"... Это уже от Мехлиса...

И я не выдержал. Довольно резко ответил, что являюсь всего лишь строевым артиллеристом, на должность начальника ГАУ не просился и будет лучше, если меня отпустят на фронт. Сталин еще суровее взглянул, сжал в кулаке трубку. А затем, коротко повторив: "Будем судить", отпустил меня.

От Верховного я вышел вконец расстроенным. Еще бы! Раз сам Сталин сказал: "Будем судить", то это... Так что готовься, Яковлев, к самому худшему.

Помог случай. Точнее, очередные нападки на меня, как на начальника ГАУ. На этот раз с фронта, со стороны Г. К. Жукова. И случилось это буквально на следующий день после малоприятного обещания И. В. Сталина.

Поясню, что Г. К. Жуков в то время был уже командующим Западным фронтом. И естественно, жил тогда только его интересами. А как бедствовал этот фронт с боеприпасами в

тяжелые первые месяцы войны - известно. Это, к глубокому сожалению, было горькой правдой. И вот под впечатлением очередных трудностей Жуков и прислал на мое имя довольно резкую телеграмму, в которой обвинял меня в мизерном обеспечении 82-мм и 120-мм минометов минами.

Раздражение командующего фронтом было понятным. Но Г. К. Жуков, однако, не знал, что по установленному порядку телеграммы с заявками на вооружение и боеприпасы одновременно с адресатом рассылались по разметке как Верховному, так и ряду членов ГКО.

И вот звонок Поскребышева. Еду в Кремль, готовый ко всему. Сталин, сухо поздоровавшись, спросил меня, знаком ли я с телеграммой Жукова. Я ответил утвердительно...

И случилось непредвиденное. Верховный вдруг взял со стола телеграмму и... разорвал ее. Немного помедлив, сказал, что комфронтом Жуков просто не понимает обстановку, сложившуюся с боеприпасами. А она сложная. Ноябрь - самый низкий месяц по производству...

Высказав это, И. В. Сталин заметно подобрел. И уже почти дружеским тоном начал говорить, что, мол, если и судить кого-либо, то нужно предать суду работавших в Москве до войны, а, дескать, Яковлев здесь ни при чем, он человек новый. В недостатках материальных средств тоже нечего искать виновного, так как в свое время мы не успели сделать всего в этом отношении. Сейчас же нужно ожидать повышения поставок, а не заниматься беспредметными упреками.

Так, образно выражаясь, был снят с моей души тяжелый камень. Ну а что касается Западного фронта... Отлично понимая, что он прикрывает московское направление, ГАУ всегда отдавало ему предпочтение перед другими фронтами. Но, конечно, в пределах разумного. Вспоминается и еще один случай. В сентябре 1941 года теперь уже и не помню какой обком прислал И. В. Сталину телеграмму, в которой сообщал, что в одну из кавалерийских дивизий поступили с артсклада шашки, на клинках которых была надпись: "За веру, царя и отечество". Верно, такие надписи были на клинках шашек, оставшихся нам еще со времен первой мировой войны. Правда, на складах ГАУ они были предусмотрительно вытравлены. А вот на каком-то окружном артскладе подобные надписи своевременно не сняли. И теперь обком докладывал об этом самому Верховному.

Вызвав меня, Сталин спросил, что это за шашки. Я доложил (копию телеграммы я, естественно, получил), что шашки боевые. Но конечно же я, как начальник ГАУ, виноват, коль скоро артсклад, который их выдал, не устранил надпись. Видимо, на это

просто не было времени.

Выслушав меня, Сталин усмехнулся. А потом спросил:

- А скажите, товарищ Яковлев, можно ли этими шашками рубить врага?

* Конечно можно, товарищ Сталин! - ответил я.

Верховный, снова усмехнувшись, махнул рукой и сказал:

- Ну и пусть рубят "за веру, царя и отечество", не жалко. Ну а вы... не обращайте внимания на телеграмму, товарищ Яковлев. - И тут же порвал ее.

И. В. Сталина отличала величайшая четкость в работе. Он до конца доводил любое дело, даже, казалось бы, второстепенное. Осенью 1941 года я, например, получил копию еще одной телеграммы, адресованной Г. К. Жуковым и Н. А. Булганиным в адрес Верховного. В ней сообщалось, что на Западном фронте некий умелец небольшой переделкой самозарядной винтовки (СВТ) превратил ее... в автомат. Ознакомившись с телеграммой, И. В. Сталин позвонил мне и посоветовал проверить поступившее предложение. А затем доложить ему результат. При этом высказал вполне разумное мнение о том, что нам крайне необходимо усиление автоматического огня в стрелковых подразделениях. Так что...

Заканчивая этот телефонный разговор, Верховный добавил, что приказал наградить войскового рационализатора за проявленное рвение, но одновременно и посадить его на несколько суток под арест за порчу оружия в боевой обстановке.

Специалисты из Наркомата вооружения, а также вызванные военные инженеры, в свое время испытывавшие самозарядную винтовку, представили мне довоенные материалы об этих испытаниях. Я сверил их с предложением, поступившим с фронта. Рационализация заключалась в установке на СВТ переключателя на автоматический огонь. Но оказывается, что первоначально такой переключатель у винтовки тоже предусматривался. И она испытывалась с ним на стрельбище. Результаты не порадовали: после нескольких десятков выстрелов (обойма имела 10 патронов и быстро заменялась другой) ствол нагревался и при дальнейшей стрельбе терял свои баллистические качества. Вследствие этого и было решено от переключателя отказаться, он был снят, и на потоке СВТ пошла без него.

Тем не менее, уже в моем присутствии поставив переключатель, вновь отстреляли винтовку как автомат. И я и присутствующие убедились, что ствол действительно быстро нагревается, следовательно, предложение фронта не может быть принято.

Итак, новизны в предложении из войск не было. И я,

удостоверившись в этом, не счел нужным докладывать о результатах Верховному Главнокомандующему. Но примерно через полмесяца Сталин сам спросил меня, как обстоит дело с предложением, поступившим с Западного фронта. Я доложил о результатах испытаний, сослался и на то, что все это было проверено еще перед принятием винтовки на вооружение, в предвоенное время. Поэтому, дескать, предложение не представляет интереса.

Сталин, слушая меня, молчал. А потом как бы между прочим спросил:

- А у вас, у военных, как, принято докладывать о выполнении поручений?

Я смутился, но ответил утвердительно.

- Так почему же вы не доложили о выполнении моего поручения? - уже с заметным раздражением поинтересовался Верховный.

Что ответить? Неуверенно сказал, что, мол, посчитал дело маловажным, а у вас, дескать, и без того много забот, не хотелось отнимать зря время... Сталин, нахмурившись, твердо заявил, что впредь не позволит нарушать порядок, установленный в армии, будет требовать доклада об исполнении любого поручения, каким бы мелочным оно ни казалось исполнителю.

Что ж, упрек заслуженный. И я воспринял его со всей серьезностью и больше уже не допускал подобных промахов.

За время войны мною было хорошо усвоено: все, что решил Верховный, никто уже изменить не сможет. Это - закон! Но сказанное совершенно не значит, что со Сталиным нельзя было спорить. Напротив, он обладал завидным терпением, соглашался с разумными доводами. Но это - в стадии обсуждения того или иного вопроса. А когда же по нему уже принималось решение, никакие изменения не допускались.

Кстати, когда Сталин обращался к сидящему (я говорю о нас, военных, бывавших в Ставке), то вставать не следовало. Верховный еще очень не любил, когда говоривший не смотрел ему в глаза. Сам он говорил глуховато, а по телефону - тихо. В этом случае приходилось напрягать все внимание.

Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры - вполголоса. Помнится, когда И. В. Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, его по-прежнему следовало именовать "товарищ Сталин". Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов.

При всей своей строгости Сталин иногда давал нам уроки

снисходительного отношения к небольшим человеческим слабостям. Особенно мне запомнился такой случай. Как-то раз нас, нескольких военных, в том числе и Н. Н. Воронова, задержали в кабинете Верховного дольше положенного. Сидим, решаем свои вопросы. А тут как раз входит Поскребышев и докладывает, что такой-то генерал (не буду называть его фамилии, но скажу, что тогда он командовал на фронте крупным соединением) прибыл.

- Пусть войдет, - сказал Сталин.

И каково же было наше изумление, когда в кабинет вошел... не совсем твердо державшийся на ногах генерал! Он подошел к столу и, вцепившись руками в его край, смертельно бледный, пробормотал, что явился по приказанию. Мы затаили дыхание. Что-то теперь будет с беднягой! Но Верховный молча поднялся, подошел к генералу и мягко спросил:

- Вы как будто сейчас нездоровы?

- Да, - еле выдавил тот из пересохших губ.

- Ну тогда мы встретимся с вами завтра, - сказал Сталин и отпустил генерала...

Когда тот закрыл за собой дверь, И. В. Сталин заметил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

- Товарищ сегодня получил орден за успешно проведенную операцию. Что будет вызван в Ставку, он, естественно, не знал. Ну и отметил на радостях свою награду. Так что особой вины в том, что он явился в таком состоянии, считаю, нет...

Да, таков был он, И. В. Сталин. Это во многом благодаря ему в партийно-политическом и государственном руководстве страной с первого дня войны и до последнего было несокрушимое единство. Слово Верховного (а он же и председатель ГКО, генеральный секретарь ЦК партии) было, повторяю, законом.

Сталин не терпел, когда от него утаивали истинное положение дел. В этой связи мне вспоминается случай, когда я, сам того не желая, подвел наркома танковой промышленности В. А. Малышева. Произошло это в августе 1941 года. В ту пору шло укомплектование вооружением многих заново формировавшихся стрелковых бригад и дивизий. Естественно, в Ставке вскоре возник вопрос о сроках готовности некоторых из них. Его Сталин обратил ко мне. Я доложил, что окончательное обеспечение этих бригад и дивизий вооружением будет закончено лишь через несколько дней, так как промышленность запоздала с подачей передков для 76-мм полковых пушек. Немедленно последовал следующий вопрос: какой наркомат в этом повинен? Пришлось ответить, что наркомат танковой промышленности...

Тотчас же последовал вызов в Ставку Малышева. Ему Сталин

учинил очень серьезный разнос. Оказалось, что нарком танковой промышленности перед этим уже доложил, что передки готовы и отправлены по назначению. А выяснилось...

И хотя В. А. Малышев был сам повинен в случившемся, я, честно говоря, чувствовал себя перед ним неловко. Ведь мне и в голову не приходило подвести его. И потом откуда же я знал, что он, как говорится, уже подстраховал себя?

А теперь посмотрим, кто же решал в центре такой острейший вопрос, как обеспечение фронтов вооружением и боеприпасами.

Надо откровенно признать, что в первые два-три месяца войны сколько-нибудь стройной системы в этом деле не было. Оно и понятно. Ведь мы тогда еще не имели достаточного опыта ведения большой войны в современных условиях.

Предвижу возражения читателя: а, дескать, события на Халхин-Голе, Хасане, КВЖД? А освободительные походы в Западную Белоруссию и Западную Украину? Наконец, советско-финляндская война. Да, это все было. Но данные события не требовали, не могли создать по-настоящему сложной и напряженной военной обстановки для нашего государства. Во всех этих случаях в помощь командованию на местах направлялись ответственные представители Наркомата обороны или, как это имело место в период советско-финляндской войны, создавались фронты за счет приграничных военных округов. Кроме того, такие фронты усиливались общевойсковыми соединениями, артиллерией, танками и авиацией, изъятыми из других военных округов. Словом, материально-техническое снабжение действующих войск не требовало в этих случаях особого напряжения ни со стороны государственного аппарата, ни со стороны народа.

Далее. Весь контроль за ходом этих локальных боевых действий осуществлял Генштаб. Он же вносил и соответствующие коррективы в планы командования на местах, утверждая их предварительно в Наркомате обороны. Правительство и И. В. Сталин по мере необходимости заслушивали начальника Генштаба и наркома об обстановке и вносили те или иные коррективы, вплоть до смены командования на месте. При этом, естественно, учитывалось и мнение тех членов Политбюро, которые временно закреплялись за районом боевых действий (так, в период советско-финляндской войны членом Военного совета Северо-Западного фронта был член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов).

Вопросы снабжения войск в указанных случаях тоже разрешались довольно легко, в основном с помощью директив Генштаба, которые спускались соответствующим главным и

центральным управлениям. А вот для ведения большой и, главное, затяжной войны было предусмотрено далеко не все.

Но началась война. И в первые же ее недели в острейшей форме встали вопросы обеспечения фронтов автоматами, винтовками, полковыми и дивизионными пушками, зенитной артиллерией, боеприпасами (прежде всего к минометам и противотанковой артиллерии). Генштаб, естественно, тут же целиком переключился на удовлетворение этих нужд. Но по инерции мирного времени потребовал именно от ГАУ обеспечить фронты вооружением и боеприпасами. Но где нам было все это взять? Наши запасы оказались довольно скудными, а поставки промышленности, которой еще нужно было переключиться на военные рельсы, налаживались туго. Поэтому в первые месяцы часть стрелкового вооружения для фронтов Генштаба, например, вынужден был изъять из без того небогатых запасов Забайкальского и Дальневосточного военных округов. А поскольку никакой системы очередности в снабжении тогда еще не существовало, то к осени 1941 года все то, что было в запасах центра, и то, что изъяли с Дальнего Востока, образно выражаясь, "съели" фронты.

Прямо скажу, столь остро вставшие вопросы обеспечения войск вооружения и боеприпасами для многих из нас явились прямо-таки неожиданными. Да, ресурсы оказались незначительными. Но почему? Разбираться в этом очень деликатном, к тому же сулившем большие неприятности, деле мало кому хотелось.

Больше того, если до войны сводный план заказов сверстывали в Генштабе, а затем его руководство само отстаивало его в Госплане и в правительстве, то теперь, когда Генштаб занимался только фронтами, сверстывать план заказов было некому. А вот начальников, распоряжающихся отпуском вооружения и боеприпасов, оказалось много. В частности, сам начальник Генштаба и его заместители. Давал распоряжения заместитель наркома. Требовали стрелковое вооружение военкоматы и обкомы партии из приграничных областей, чтобы вооружить свои истребительные батальоны. Нарастали потребности фронтов. И ГАУ буквально лихорадило от этой лавины заявок, просьб, требований.

Тесные деловые связи поддерживались мной и со многими членами ГКО. Например, с секретарем ЦК А. С. Щербаковым. Последнего очень беспокоил вопрос прикрытия столицы с воздуха. Дело в том, что, когда в июле 1941 года войска Московской зоны ПВО отразили первый налет на нее вражеской авиации, сразу же резко встал вопрос о снабжении их зенитными

снарядами. Ибо произошел большой перерасход их. А 85-мм снаряды для зениток, кстати сказать, были довольно сложными и дорогими. Корпус - из высококачественной стали, взрыватель по сложности не уступал наручным часам. И когда расход таких снарядов за одну только ночь достигал нескольких десятков тысяч, то и пополнение ими, естественно, требовало особых забот.

Положение усугублялось тем, что, готовясь к войне, руководство ПВО страны не проявило должной предусмотрительности в обеспечении боеприпасами зенитной артиллерии даже в Московской зоне. Понадеялось, видимо, на ГАУ. Последнее же совершенно не рассчитывало столкнуться с той обстановкой, которая начала складываться в небе над столицей едва ли не с первых же недель войны, и лихорадочно искало пути обеспечения боеприпасами "прожорливой" Московской зоны ПВО. И, следует сказать, вскоре нашло их. Так, со стороны ГАУ были предприняты немедленные меры к созданию в районе Москвы сборочно-снаряжательных баз для ПВО.

Требовалось и вооружение для войск НКВД. Дело в том, что если до войны это ведомство имело в планах свои заказы отдельной строкой, то в войну единоличным заказчиком стало ГАУ. И лишь через нас, притом по указанию Верховного Главнокомандующего, НКВД выделялось вооружение для подчиненных ему войск.

В этой связи хочу рассказать такой случай. Однажды (дело было в июле 1941 года) ко мне в кабинет вошел неизвестный мне генерал-майор. Отрекомендовался генералом Масленниковым, сказал, что должен отправиться с такими-то частями НКВД к командарму Богданову. Все уже готово, а вот 76-мм пушек им до сих пор так и не прислали.

Пришлось пояснить Масленникову, что пушек действительно мало и отпустить их я ему не могу. То, что есть, идет сейчас на новые формирования по плану Ставки. Но я имею возможность дать в его части 122-мм гаубицы образца 1938 года.

От них генерал-майор И. И. Масленников вначале категорически отказался, ссылаясь на то, что они для него непригодны. Но затем все же согласился получить с основной базы ГАУ четыре гаубицы. Ушел он от меня явно неудовлетворенным. А через несколько недель, уже находясь на фронте, связался со мной по телефону и виноватым голосом стал умолять дать ему еще 8-12 гаубиц. Уж больно, говорит, они хороши в бою.

Что ж, в этом я и раньше не сомневался. Поэтому, пожурив

генерала за преждевременное охаивание 122-мм гаубиц, распорядился направить в армию, откуда звонил И. И. Масленников, еще 8 гаубиц.

А теперь мне хочется несколько отвлечься от непосредственной работы ГАУ и упомянуть о тех людях, кто в годы войны ведал производством вооружения, боевой техники и боеприпасов. Это - Д. Ф. Устинов, В. А. Малышев, А. И. Шахурин, Б. Л. Ванников, П. И. Паршин... Но особенно мне почему-то запомнился молодой (в 1941 году ему было всего лишь 33 года) нарком вооружения Дмитрий Федорович Устинов. Он, когда я писал эти воспоминания, стоял у меня перед глазами подвижный, с острым взглядом умных глаз, непокорной копной золотистых волос. Не знаю, когда он спал, но создавалось впечатление, что Дмитрий Федорович всегда на ногах. Его отличали неизменная бодрость, величайшая доброжелательность к людям.

На посту наркома вооружения Д. Ф. Устинов показал себя великолепным инженером, глубоким знатоком и умелым организатором производства. Он был сторонником быстрых и смелых решений, досконально разбирался в сложнейших технических проблемах. И притом ни на минуту не терял своих человеческих качеств.

Помнится, когда у нас буквально иссякали силы на долгих и частых совещаниях, светлая улыбка и уместная шутка Дмитрия Федоровича снимали напряжение, вливали в окружающих его людей новые силы. Казалось, ему было по плечу абсолютно все!

Никогда не забуду глубоко врезавшуюся мне в память встречу Д. Ф. Устинова со старыми кадровыми рабочими завода "Большевик", где Дмитрий Федорович был некогда директором. Произошла она уже весной 1944 года. Мы тогда приехали вместе с Д. Ф. Устиновым по своим делам в Ленинград.

Поясню: Дмитрий Федорович в свое время не просто директорствовал на "Большевике", но и прошел здесь большой трудовой путь, начиная с начальника бюро эксплуатации и опытных работ. И вот он снова на родном заводе...

В литейном цехе к нам подошли несколько ветеранов "Большевика". Д. Ф. Устинов каждого обнял, расцеловал. И они, пережившие блокаду Ленинграда, начали ему докладывать: "Дорогой ты наш Дмитрий Федорович! Можешь быть уверен, не подвели мы тебя! Как ни трудно было здесь, а сдюжили, не смог нас проклятый фашист сломить! А трудно, ой как трудно было! Но теперь-то уже все позади. Не-ет, нас, питерских пролетариев, твоих питомцев, не запугаешь! Уж чем могли, но помогли фронту! Думается, что даже большим, чем могли! Потому и можем сейчас тебе, народному комиссару, смело в глаза смотреть!"

Да, надо было видеть и слышать этих старых кадровых рабочих! На изможденных их лицах еще остались следы страшной блокады. Но они и в тех невероятно трудных условиях отдавали Родине весь свой опыт, все свои силы во имя победы над ненавистным врагом. И они выстояли, преодолели тягчайшую блокаду, ни в чем не преувеличивая своих заслуг, не ожидая за это каких-либо особых почестей. И не зная даже, что их дела и мужество уже сама История вписала золотыми буквами на одну из главных своих страниц!

Поистине незабываемая встреча. И я сам видел, как по щекам Дмитрия Федоровича, этого волевого, прямо-таки железного человека, неудержимо катились слезы. И он даже не пытался скрыть их...

Но вернемся снова к работе ГАУ по обеспечению боеприпасами и вооружением частей и соединений Красной Армии.

Сразу скажу, что в предвоенные годы кое у кого бытовало мнение, что промышленность вооружения и особенно промышленность боеприпасов не в состоянии значительно увеличить свои производственные мощности. И это мнение не было произвольным: оно подтверждалось в определенной степени и фактическими поставками. Так, в 1938 году заводами оборонной промышленности было изготовлено всего лишь 12,3 тыс. орудий; в 1939 году - несколько больше, 17,3 тыс. В 1940 году снова произошло некоторое снижение, примерно до 15 тыс. За эти же годы было изготовлено соответственно 12,4 млн., 11,2 млн. и чуть больше 14 млн. снарядов всех калибров (данные даются без учета минометов и мин к ним). Как видим, мощности промышленности в довоенное время, особенно по боеприпасам, были таковы, что на полное удовлетворение всех наших потребностей рассчитывать, конечно же, не приходилось.

Но грянула война. И в первый же год (имеется в виду второе полугодие 1941 года и первое полугодие 1942 года) промышленность дала армии 83,8 тыс. орудий и 12,8 млн. снарядов, бомб и мин! Короче говоря, орудий (без учета минометов) было изготовлено в несколько раз больше, чем намечалось первоначальной заявкой ГАУ и даже планировалось самим Комитетом Обороны!

То же самое произошло и в производстве минометного вооружения: если в 1940 году промышленность поставила нам где-то около 38 тыс. минометов, то уже за первый год войны мы получили их 165,1 тыс.! Или в четыре с лишним раза больше!

К сожалению, несколько по-иному обстояли дела с производством боеприпасов. Да, их выпуск в первый год войны

возрос по сравнению с 1940 годом. Выпуск снарядов, например, почти в 4 раза, мин - едва ли не в 2 раза. Но, по обоснованным расчетам ГАУ, опиравшимся на заявки, для удовлетворения нужд фронта необходимо было в это время увеличить поставки снарядов как минимум в 20 раз, а мин - хотя бы в 16. Однако промышленность не могла еще справиться с этим заданием. В результате возник снарядный голод. Был установлен строжайший лимит отпуска и расхода боеприпасов. Безусловно, эта, хотя и вынужденная, мера в совокупности с некоторыми другими причинами затрудняла ведение успешных боевых действий на фронтах.

На положение дел с производством боеприпасов в первую очередь повлияла потеря заводов, расположенных на временно оккупированной врагом территории. И при разработке плана следовало учитывать этот фактор.

Попутно замечу, что здесь сказалась и потеря запасов снарядов и мин, ранее находившихся в ведении западных приграничных округов. Однако это количество было не таким уж и большим.

Глава четвертая. Враг у стен столицы

Тем временем обстановка на фронтах складывалась для нас довольно-таки неблагоприятно. Враг упорно рвался к Москве, и в первой половине октября бои шли уже у Можайска и Волоколамска. Ставка Верховного Главнокомандования, Генштаб принимали в этих условиях все необходимые меры для организации обороны на ближних подступах к Москве.

Столичная партийная организация, возглавляемая секретарем ЦК ВКП(б) А. С. Щербаковым, отдавала фронту все, чем могла располагать промышленность Москвы и Московской области. Шло спешное доформирование и формирование все новых и новых войсковых частей и соединений. Этим занималось и командование Московской зоны обороны, возглавляемое очень энергичным генералом П. А. Артемьевым. Вооружение для этих полков и дивизий частью изыскивалось на окружных складах, бралось и из организаций Осоавиахима, военно-учебных заведений. На ряд формирований, производившихся по директивам Генштаба, отпускало вооружение ГАУ. Но количество возникавших повсюду истребительных батальонов, а затем и дивизий народного ополчения вскоре пришло в явное противоречие с возможностями поставок вооружения промышленностью. Шли и беспрерывные заявки с фронтов, началось переформирование ряда частей НКВД. И наконец, стал формироваться ряд стрелковых дивизий резерва Ставки Верховного Главнокомандования.

Из-за перечисленных выше обстоятельств для двенадцати дивизий народного ополчения мы вынуждены были отпустить (да и то далеко не до полной потребности, а примерно на 30-40 процентов) вооружение иностранных образцов, хранившееся на складах еще со времен первой мировой и гражданской войн. Ведь мы еще надеялись, что этим дивизиям не придется вступать в бой с фашистскими войсками на московском направлении, что враг будет остановлен на подступах к столице регулярными частями и соединениями Красной Армии. Но уже в августе первые дивизии народного ополчения начали выдвигаться на Вяземскую линию обороны, и ГАУ получило распоряжение Верховного об обеспечении этих соединений отечественным вооружением. Не буду описывать, с каким трудом, но все же приказ был нами выполнен.

В эти крайне тяжелые первые месяцы войны приходилось сплошь и рядом прибегать к эдакой вынужденной рационализации, изобретательности, чтобы дать фронту как можно больше вооружения и боеприпасов. Особенно боеприпасов! Ведь я уже упоминал, что сражающиеся войска испытывали тогда острейший снарядный голод.

Приведу несколько таких случаев. Недостаток бронебойных снарядов, например, был в какой-то мере восполнен . путем небольшой переделки устаревших шрапнелей. А все запасы боеприпасов на складах ГАУ с теми или иными дефектами, выявленными еще в мирное время, которые хранились для последующего ремонта, мы вновь пересмотрели. В некоторые их виды внесли небольшие конструктивные изменения - в основном произвели перекомплектацию некоторых элементов выстрелов. А затем на полигонах ГАУ такие боеприпасы апробировали отстрелом. И свыше десяти миллионов штук отправили фронтам, где они были успешно использованы в боях.

Естественно, большую изобретательность проявили в этом деле инженеры ГАУ. По их предложению у устаревших зенитных 76-мм шрапнелей Р-2 были сняты вторые ведущие пояски, а затем эти шрапнели (без взрывчатки и без взрывателей) собирались в выстрелы и использовались вместо недостающих штатных бронебойных снарядов. Были использованы и оставшиеся еще со времен первой мировой войны 76-мм и 122-мм шрапнели с подмоченными пороховыми столбиками и вышибными зарядами, не поддававшиеся, казалось бы, ремонту. Эти негодные шрапнели были исправлены методом, разработанным одним из наших инженеров (этот метод я раскрывать не буду), а затем собраны в выстрелы. Их тоже с успехом применяли наши артиллеристы вместо осколочно-фугасных снарядов.

Кроме того, были пущены в дело и 76-мм полковые артвыстрелы. Их применяли взамен недостающих унитарных патронов. Для этого гильзы (с трещинами по дульцу) обрезались, и они становились годными для артвыстрелов раздельно-гильзового заряжания.

На фронт были также отправлены 45-мм осколочные снаряды с нештатными пластмассовыми взрывателями М-50 (для минометных боеприпасов). Они использовались в артвыстрелах вместо штатного взрывателя КТМ-1.

Применялись 122-мм и 152-мм гаубичные выстрелы с минометными взрывателями ГВМЗ-1. Ими заменяли штатные взрыватели РГМ-2. А к 76-мм дивизионным артвыстрелам приспособили заряды из пороха, взятого из снарядов устаревших зенитных пушек, в смеси с порохом, предназначенным для артвыстрелов 122-мм гаубиц.

Да, времена были очень трудные. Но, как видите, мы находили выход, чтобы эти трудности преодолеть.

Однажды (дело было в конце июля 1941 года), уже под вечер, я был прямо с подмосковного полигона срочно вызван в Ставку, помещавшуюся тогда на улице Кирова. И. В. Сталин предложил отправиться в американское посольство, где как раз находился личный представитель Рузвельта - Гопкинс. Цель визита переговорить с ним по вопросу оказания нам помощи в вооружении и боеприпасах.

Отправился выполнять поручение Верховного. Со мной поехал переводчик из МИДа.

В особняке посла мы встретились с Гопкинсом. Правда, наша встреча происходила не в самом особняке, а в его подвале. Дело в том, что как раз была объявлена воздушная тревога.

Я впервые выступал в несвойственной мне роли некоего посланника, дипломата. К тому же и не представлял себе, чем все же может помочь нам далекая Америка, когда нужды у нас острые, а время горячее. Больше того, должен признаться, что мне вообще было не по душе иностранное вооружение. Словом, по многим причинам я чувствовал себя неловко. Но дело есть дело.

Еще по пути в посольство я вспомнил, что в первую мировую войну в США по заказам царского правительства было налажено производства русской трехлинейки системы Мосина. Часть этих винтовок Россия в 1916-1917 годах получила. Но только часть. Остальные заказы царского ГАУ (кстати, многомиллиардные) так и не были выполнены, хотя русское золото своевременно ушло за океан, где бесследно "затерялось" в сейфах американских банков. А как-то будет на этот раз?.. Посол и Гопкинс были одеты довольно просто - в рубашках, без галстуков. После взаимных

представлений Гопкинс спросил меня: а в чем конкретно нужна их помощь? Я ответил, что неплохо было бы получить из США винтовки, автоматы, может быть, зенитные и противотанковые пушки, танки... Выслушав этот перечень, Гопкинс поинтересовался, каков состав имеющейся у нас в стрелковых дивизиях и корпусах артиллерии и каково на данный момент ее состояние. Подумалось: а зачем ему это-то? Поэтому коротко пояснил: основная артиллерия, то есть тяжелая, сохранилась и, если есть возможность, желательно поставить нам то, о чем только что сказано.

Гопкинс, видимо, понял, что об организации наших соединений я говорить не намерен, поэтому, несколько смутившись, перевел разговор на другое. Сказал, что, насколько ему известно, русская винтовка у них на производстве не состоит, а автоматы есть. Имеются образцы зенитных и противотанковых пушек. Но о том, каковы будут возможности их изготовления и поставок, он намерен говорить лично со Сталиным.

Мне, как говорится, осталось лишь откланяться. Гопкинсу явно не понравилось мое нежелание отвечать на его слишком уж любопытные вопросы.

Позднее в одном из американских печатных трудов мне удалось прочитать о том, что на описанной мною встрече с Гопкинсом я вроде бы вообще... не дал ему ни одного положительного ответа. Вот как "объективно" передается содержание этой беседы: "Позже в тот же вечер (после встречи со Сталиным днем. - Прим. авт.) Гопкинс вел переговоры по техническим вопросам с генералом артиллерии Яковлевым...

Гопкинс спросил Яковлева, не может ли он припомнить какие-нибудь другие материалы, в которых армия может нуждаться, и Яковлев - несомненно, с величайшей неохотой - ответил отрицательно, сказав, что наиболее важные материалы уже перечислены. В протоколах этого совещания содержится следующее весьма показательное место: "Гопкинс заявил, что он удивлен тем, что генерал Яковлев не упомянул о танках и противотанковых орудиях. Генерал Яковлев ответил: "Я думаю, что у нас их достаточно". Гопкинс заметил, что против данного противника нужно много танков. Генерал Яковлев согласился. На вопрос же о весе самого тяжелого русского танка генерал Яковлев только и ответил: "Это хороший танк".

Генерала Яковлева спросили, оказалась ли русская артиллерия способной остановить немецкие танки. Он ответил: "Наша артиллерия подбивает любой танк, но условия бывают различными". После дальнейшего обсуждения вопроса о танках генерал Яковлев заявил, что русские могли бы использовать

дополнительное количество танков и противотанковых орудий, и сказал, что Америка могла бы снабдить ими Россию. Далее он сказал: "Я не уполномочен заявить, нужны нам танки или противотанковые орудия или нет"{3} .

Да, я и теперь уверен, что тот наш разговор с личным представителем Рузвельта носил весьма предварительный характер. Ведь США тогда еще не состояли в войне с фашистской Германией, поэтому и с оказанием нам помощи вряд ли собирались спешить. Пожалуй, Гопкинса настораживала и складывающаяся обстановка на советско-германском фронте. И надо было показать ему, что мы расценивали ее по-иному, более оптимистично. Именно этим и определялось мое поведение во время той беседы.

Остается добавить, что, вернувшись в Ставку, я доложил Верховному суть проведенных переговоров.

А Москва уже полностью приняла облик фронтового города. Часто звучали сигналы воздушной тревоги. Но фашистских стервятников наша ПВО встречала, как правило, еще на подходе к столице, так что донести свой бомбовый груз непосредственно до московских кварталов удавалось лишь единичным самолетам врага. Но и те не уходили от заслуженной кары...

16 октября с самого раннего утра я находился в районе Чернышевских казарм, где шло довооружение 85-мм зенитными пушками противотанкового артиллерийского полка. В ГАУ вернулся к 9 часам. И здесь узнал, что центральный аппарат Наркомата обороны и ряд других наркоматов по решению ГКО, переданному В. М. Молотовым, эвакуируются из Москвы.

Управления ГАУ тоже уже размещали свое имущество в поданные машины и отправлялись на станцию погрузки. В Москве, как мне доложили, оставалась только оперативная группа ГАУ из 35 человек. В том числе я и комиссар нашего управления.

Итак, нас осталось всего 35 человек. Но мы работали не покладая рук. Так же трудились и сокращенные наркоматовские группы. Как правило, рабочий день у нас кончался часов в семь-восемь утра. Чуть вздремнешь на диване в своем кабинете, а с десяти-одиннадцати начинаешь новый трудовой день.

В убежища при налетах вражеской авиации никто из оперативных групп не уходил. Привыкли. Да к тому же и надеялись на мастерство нашей ПВО.

Накануне 7 ноября 1941 года в метро на станции "Маяковская" состоялось торжественное собрание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад И. В. Сталина на нем был выслушан с огромным вниманием. И особенно нами, военными, знавшими о

титанических усилиях Ставки по укреплению фронтов.

Да, Москву уже защищали окрепшие в боях войска, командование армий и фронтов тоже приобрело определенный боевой опыт, что позволяло ему более твердо и уверенно управлять подчиненными соединениями. Партийные организации частей и подразделений умело цементировали ряды наших воинов, готовя их к решающим испытаниям, которые - это чувствовалось по всему - должны вот-вот последовать.

Вечером 6 ноября я связался по телефону с Н. Н. Вороновым - в это время он был в Ленинграде - и, рассказав ему о торжественном собрании на станции "Маяковская", в меру возможного намекнул на предстоящий утром военный парад на Красной площади, для которого мною уже даже выделена определенная часть орудий. Воронов, естественно, понял меня и несказанно обрадовался такому сообщению. И, как он говорил потом, весть о параде с огромным удовлетворением была встречена Ждановым, Кузнецовым, Попковым и Капустиным, которые тоже находились в те дни в Ленинграде.

В речи И. В. Сталина, прозвучавшей 7 ноября уже с трибуны Мавзолея В. И. Ленина, были названы имена Александра Невского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. И сделал он это далеко не случайно. С именами этих патриотов, военачальников и полководцев было связано немало славных страниц ратной истории Руси. И я абсолютно уверен, что, прозвучавшие с трибуны Мавзолея В. И. Ленина, эти имена глубоко запали в душу наших воинов, которые буквально через месяц перешли у стен Москвы в решительное контрнаступление, показав всему миру непоколебимую волю советского народа к победе.

Итак, в огромном здании Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского в эти напряженнейшие по накалу недели продолжала работу оперативная группа ГАУ, состоящая из нескольких десятков человек. В ней были представлены основные управления ГАУ, и именно этой опергруппе подчинялась теперь военная приемка московских предприятий. Она являлась непосредственной распорядительницей всего имеющегося запаса вооружения и боеприпасов - как сохранившегося еще на базах и складах, так и поступающего от промышленности. Другие управления ГАУ, эвакуированные в Куйбышев и далее на восток, тоже продолжали свою деятельность по связи с промышленностью и подчиненными им учреждениями. И все же главным в их работе было обеспечение московской опергруппы ГАУ всеми необходимыми ей данными.

Конечно, у нас, оставшихся в Москве, возникали подчас

немалые трудности. Оно и понятно. Ведь небольшой оперативной группе нужно было решать буквально все текущие вопросы как обеспечения новых войсковых формирований, так и потребностей фронтов. Но, как я уже говорил, в наркоматах тоже оставались хорошо скомплектованные оперативные группы во главе с наркомами. И следовательно, при любых затруднениях эти вопросы можно было разрешить.

Все текущие вопросы обычно решались при личных встречах с наркомами, а также во время коротких совещаний и даже путем передачи распоряжений на заводы по телефону. Но это - на ближние. А на дальние? Там, как правило, постоянно находились заместители наркомов, начальники главков или их замы, которые при получении распоряжений из Москвы решали их на месте. Причем весьма оперативно.

Мы в ГАУ, ведая делами формирований, конечно же, знали об имеющихся резервах Ставки. И по ходу всех событий явственно ощущали, что в войне вот-вот наступит желанный перелом. К тому же враг давно, еще после Смоленского сражения, постепенно и неумолимо начал терять свой наступательный порыв. У него уже не было той стремительности и пробивной силы, которыми он располагал, скажем, в первые месяцы после внезапного нападения на нашу Родину.

И еще. Мы, оперативная группа, с огромным удовлетворением видели, что военные поставки заводов день ото дня все больше увеличиваются, фронты уже в достаточном количестве получают стрелковое вооружение, противотанковые ружья, орудия всех калибров, минометы. Свелся на нет и снарядный голод. А это тоже говорило о приближении времени "Ч". Но пока...

Как-то в самом конце ноября, уже глубокой ночью, когда мы все вымотались до предела, позвонил Д. Ф. Устинов и предложил мне отдохнуть - отправиться на его дачу и поспать там несколько часов. Я согласился. И вот наркомовская машина, вырвавшись на загородное шоссе, покатила на запад, в район Николиной горы.

На даче, едва добрались до непривычных уже постелей, забылись в тяжелом сне. Проспали часа четыре, не больше. Поднялись с первыми проблесками зимнего утра. И - снова в Москву.

Короткий отдых в домашней, как говорится, обстановке взбодрил, прибавил сил. Но то, что мы услышали, приехав в ГАУ, заставило тревожно сжаться сердце. Оказывается, именно этой ночью в районе Николиной горы бродило несколько просочившихся через линию фронта вражеских разведгрупп...

Выходит, что и враг готовится к времени "Ч". Но к своему: старается все вызнать, вынюхать...

Да, гитлеровцы готовились к зимнему наступлению на советскую столицу. Но наше командование преподнесло "сюрприз" фашистским генералам: б декабря 1941 года советские войска перешли под Москвой в контрнаступление. Оно, как известно, увенчалось успехом. Немецко-фашист-ским армиям на полях Подмосковья был нанесен сокрушительный удар, они вынуждены были на сотни километров откатиться от стен столицы первого в мире государства рабочих и крестьян.

Уже к середине декабря 1941 года положение под Москвой значительно улучшилось. А это дало возможность эвакуированным ранее управлениям ГАУ к Новому году вновь вернуться в столицу. Работа нашего ведомства начала входить в нормальную колею.

* * *

Не могу не отметить такого факта, что до середины июля 1941 года Красная Армия не имела начальника артиллерии РККА. Его функция в какой-то мере исполнял начальник ГАУ, который, однако, сделать многого не мог, так как центр его непосредственных интересов и обязанностей не лежал в сфере боевых действий.

И все-таки кое-что мною было сделано. Наиболее крупным мероприятием, которым я горжусь и по сей день, явилось принятое по моей рекомендации категорическое распоряжение Ставки об отводе всей артиллерии большой и особой мощности в тыл. Причем отвода немедленного, без ссылок на тяжелейшую обстановку первых дней войны.

Конечно, выходя на Ставку с подобным предложением, я прекрасно понимал, как будет встречен этот приказ в сражающихся войсках. Но иного выхода просто не было. Надо было учитывать ограниченную подвижность тяжелых и дорогостоящих орудий БМ и ОМ. А танковые и мотомеханизированные соединения врага в самом начале войны иной раз только за день проходили в глубь нашей территории до ста километров!

Поэтому, как ни негодовали наши славные артиллеристы, жаждавшие обрушить свои тяжелые снаряды на врага, им все-таки приходилось грузиться в эшелоны и увозить орудия на восток, подчас вместе с эвакуировавшимся мирным населением.

Да, при вынужденном отходе, а также в период оборонительных боев 1941 года мы сохранили эту артиллерию. Все орудия калибра 203 и 280 мм, а также 152-мм дальнобойные пушки (потеряны были всего лишь единицы) с кадровым составом вовремя оказались в глубоком тылу, где их расчеты продолжили занятия по боевой подготовке. До поры. Ибо мы знали, что придет, обязательно придет такое время, когда артиллерия большой и особой мощности вновь займет свое место в боевых порядках наших войск, повернувших уже на запад, и будет прокладывать им путь могучим огнем.

Но вернемся снова к разговору о должности начальника артиллерии РККА. 19 июля 1941 года последовал приказ НКО о введении этой должности вновь. Но ГАУ продолжало некоторое время подчиняться еще непосредственно НКО. И лишь в сентябре И. В. Сталин переподчинил наше управление начарту РККА.

Работали мы дружно. Моя подчиненность Н. Н. Воронову, как я и ожидал, свелась в основном к тому, что один лишь только начальник управления артиллерийскими формированиями генерал П. Е. Васюков, как представитель начарта РККА, стал

поддерживать связь с управлениями снабжения ГАУ. Воронов же попросил (именно попросил, а не приказал) оказывать ему любезность - регулярно снабжать его экземпляром сводной ведомости обеспеченности фронтов вооружением и боеприпасами, чтобы при необходимости он мог давать квалифицированные справки на совещаниях в Ставке. Словом, по работе у меня никаких недоразумений с начартом РККА никогда не возникало, в своей деятельности я остался полностью самостоятельным. Правда, начальник ГАУ не только пользовался правами первого заместителя начальника артиллерии, но и был членом Военного совета артиллерии РККА. Военный же совет собирался довольно регулярно и обсуждал на своих заседаниях целый ряд внутренних вопросов, касавшихся хода формирований, деятельности военно-учебных заведений, расстановки кадров.

Кстати сказать, в нашем объединении были и свои положительные стороны. Мы с Николаем Николаевичем Вороновым теперь чаще посещали Ставку, Верховного и уже вдвоем решали вопросы, связанные с использованием артиллерии, формированием новых частей. А при его поддержке делать это было гораздо легче.

Глава пятая. Обстановка улучшается

Итак, в ходе войны в начале 1942 года наметилось некоторое улучшение обстановки в нашу пользу. Конечно, это не было тем коренным переломом, который произойдет позднее, после блистательной победы наших войск на Курской дуге. Но все же... Враг уже почувствовал силу ударов Красной Армии, был даже отброшен от стен Москвы на сотни километров. Его военная машина начала явно пробуксовывать.

Произошло улучшение и в работе нашей оборонной промышленности. Ее эвакуированные на восток заводы начали работать более ритмично, мы стали получать во всевозрастающих количествах орудия и боеприпасы. Поэтому появилась возможность увеличить число артчастей резерва Верховного Главнокомандования, которые могли бы быть использованы для усиления армий на тех или иных оперативных направлениях.

Снова на повестку дня был поставлен вопрос, ждавший своего решения еще с мирного времени. Уже во время битвы под Сталинградом И. В. Сталин утвердил начало первых формирований артиллерийских дивизий РГК. А в 1943 году были сформированы и артиллерийские корпуса прорыва РГК. Все это позволило усиливать фронты при проведении ими больших наступательных операций крупными артиллерийскими соединениями.

Командующие (так стала теперь называться должность

начартов) артиллерией армий и фронтов, получая на усиление артдивизии и арткорпуса прорыва РГК, могли теперь создавать на ударных направлениях большие плотности орудий на километр фронта, имели для управления этими группами артиллерии и квалифицированные штабы.

Были созданы также зенитные артдивизии, дивизии контрбатарейной борьбы, минометные бригады, дивизии и бригады РС, увеличилось число противотанковых артбригад.

Не могу не отметить, что нашу артиллерию в годы войны возглавляли довольно компетентные, увлеченные своим делом люди. Начальник штаба артиллерии РККА генерал Ф. А. Самсонов, например, с большим знанием дела занимался вопросами повышения боевой готовности и правильного использования артиллерии. И, насколько мне известно, в полной мере удовлетворял всем требованиям Н. Н. Воронова.

Хочется особо сказать и еще об одном человеке из аппарата командующего артиллерией РККА. А именно - о генерал-майоре артиллерии Иване Давыдовиче Векилове. Имея довольно фундаментальную военную подготовку, он дотошно вникал во все данные артразведки, в организацию планирования артиллерийского огня и управления им. Причем получалось у него это все скромно, без показухи. Сделал он для артиллерии много. Но никогда не приписывал себе каких-то особых заслуг, работал, что называется, не за страх, а за совесть.

Заместителем командующего артиллерией РККА был генерал М. Н. Чистяков. Позднее, уже в 1944 году, ему было присвоено звание маршала артиллерии. Сразу скажу, что в период войны он чаще всего находился в сражающихся войсках, на каком-либо из фронтов. И здесь, прямо на месте, оказывал помощь командующим артиллерией фронтов и армий. Опытный, отлично знающий свое дело артиллерист, М. Н. Чистяков был хорошим помощником для Н. Н. Воронова.

* * *

А теперь мне хочется рассказать о том, как осуществлялась связь ГАУ непосредственно с фронтами.

Поскольку я, начальник ГАУ, то и дело отвлекался на всевозможные совещания и заседания, то фронтовые артиллерийские начальники по многим вопросам обращались к моим заместителям, которые могли решать, да и решали, часть из них совершенно самостоятельно. Разумеется, всякий раз докладывая мне об этом.

Наиболее тесную связь с ГАУ поддерживали, естественно, начальники артиллерийского снабжения фронтов. Все эти товарищи являлись опытными людьми и вели свое довольно

нелегкое дело с высоким чувством ответственности. Да, трудностей и забот у них было действительно не счесть. Начартснаб фронта не только подчинялся своему командующему артиллерией, но и обязан был не терять связи с начальником тыла фронта, его штабом. Ведь это от них зависела вся перевозка грузов от распределительных станций в войска.

Больше того, вопросы материально-технического обеспечения войск были на контроле и у члена Военного совета фронта. Следовательно, он тоже являлся начальником для начартснаба. Да и командующий фронтом зачастую лично интересовался вопросами артиллерийского обеспечения. В результате начартснаб фронта должен был успеть везде, ибо за нехватку вооружения и боеприпасов в той или иной армии с него спрашивалось в первую очередь...

Кстати сказать, органы артснабжения и до войны работали с большим перенапряжением ввиду сложности и большого объема учетных данных. Ну а в войну тем более. И что самое обидное, труд начартснаба не всегда правильно понимался некоторыми общевойсковыми начальниками и иногда оценивался далеко не так, как он того заслуживал. А ведь это его аппарат кроме снабжения войск боеприпасами и вооружением проводил ремонтные работы на вышедшей из строя боевой технике (предварительно эвакуировав ее с поля боя), заботился о сборе и возврате в центр стреляных гильз, тары из-под снарядов и о многом другом. В его обязанности входила и правильная эксплуатация вооружения, от чего зависела его безотказность в бою. А требования по эксплуатации надлежало довести до каждого бойца, орудийного расчета, экипажа танка...

Труд поистине всеобъемлющий, в деталях не всегда представляемый. О нем, как правило, мало пишут мемуаристы. Да это и понятно. Ведь ярко сказать о нем подчас просто невозможно, увлекательное в этом не каждый рассмотрит. Но я прошу помнить и знать: в грохоте артподготовки, когда на километр фронта плотность артиллерии и минометов достигала сотен стволов, а также потом, в артиллерийской канонаде, сопровождавшей развитие боя в глубине, помимо доблести и геройства артиллеристов-строевиков был вложен большой труд и артснабженцев всех категорий!

Да, деятельность начартснабов в годы войны была трудной и многообразной. И они исполнили свой долг перед Родиной умело и с честью, за что заслуживают самого доброго отзыва. Я с благодарностью вспоминал таких начальников артснабжения фронтов, как генералы Г. Д. Голубев, А. П. Байков.М. В. Кузнецов, А. С. Волков, Е. И. Иванов, В. И. Шебанин, В. А. Ольшанский, П. А.

Рожков, С. Г. Алгалов, Д. К. Деминов.

Заслуживает самой высокой оценки и работа аппарата артснабжения от фронта до дивизий, кропотливая, незаметная, но такая нужная для обеспечения войск вооружением и боеприпасами.

* * *

Но наряду с общим улучшением обстановки в 1942 году нашу страну постигли и новые тяжкие испытания. Они заключались в том, что, воспользовавшись отсутствием обещанного нашими союзниками второго фронта, немецко-фашистские войска в это время снова перешли в наступление. Они захватили Донбасс, Крым, Ростов-на-Дону. Гитлеровские полчища рвались к Волге и кавказской нефти. Перед службой тыла Красной Армии, ГАУ и службой артснабжения встала трудная задача: обеспечить эти два направления (Сталинград и Кавказ) вооружением и боеприпасами.

Сразу скажу, что в это время нам всем пришлось крепко поломать голову. Чтобы в этом убедиться, рассмотрим хотя бы порядок снабжения боеприпасами и вооружением тех наших войск, которые дрались с противником в районе Сталинграда.

Основными коммуникациями здесь у нас остались, во-первых, три железнодорожных участка с маршрутами: Мичуринск - Грязи - Поворино Сталинград; Мичуринск - Тамбов - Балашов - Камышин и Мичуринск - Тамбов Саратов - Урбах - Баскунчак.

Во-вторых, водный путь по Волге на Саратов - Камышин - Сталинград. И наконец, действовало еще шоссе Саратов - Камышин - Сталинград (по обоим берегам Волги).

Правда, все эти коммуникации едва ли не с самых первых дней сражения за Сталинград находились под постоянным воздействием авиации противника. В августе, например, железнодорожный участок Поворино - Сталинград был вначале очень сильно разбит воздушными налетами, а затем даже перерезан фашистскими войсками, после чего мы уже не могли, естественно, пользоваться им. Одновременно были перерезаны шоссейные и грунтовые дороги, ведущие к Сталинграду с севера, а Волга заминирована. Это сделали части противника, прорвавшиеся к реке в районе населенного пункта Рынок.

Таким образом, в нашем распоряжении осталась лишь Рязано-Уральская железная дорога с однопутной веткой Саратов - Урбах - Баскунчак, по которой и подавались сталинградским войскам вооружение и боеприпасы.

А о том, насколько была перегружена эта единственная железнодорожная коммуникация, можно судить хотя бы по таким примерам. Транспорт номер 75/0633 вышел из пункта

отправления 23.10 1942 года. Проделал путь в 1088 км. К станции разгрузки прибыл 21.11 1942 года. Суточный пробег его составил 33 км. А вот график движения транспорта номер 80/0197. За полмесяца пути он прошел 584 км, покрывая за сутки 41 км.

Но еще медленнее шел транспорт номер 80/0212. Расстояние в 305 км он преодолел за 18 дней. Его суточный пробег в среднем составил 16 км {4} .

И все же наиболее сложные условия для работы службы артиллерийского снабжения начинались непосредственно в районе Сталинграда. Ведь на пути к сражающимся войскам находилась очень серьезная водная преграда - Волга с ее многочисленными разветвлениями и притоками. Естественно, что переправа через реку проходила не всегда гладко. Гибли люди, шли на дно или взлетали на воздух такие нужные там, на противоположном берегу, снаряды и патроны...

Да, противник то и дело бомбил не только переправы, но и наши тылы. А это требовало от службы артиллерийского снабжения особой гибкости, оперативности и маневренности в работе. В целях уменьшения потерь боеприпасов от авиации противника, например, было необходимо рассредоточивать их путем выделения фронтовых и особенно армейских складов, периодически меняя их дислокацию. Так же оперативно приходилось менять станции выгрузки, то приближая, то удаляя их от линии фронта, производить перевозку грузов преимущественно в ночное время, маневрируя разными видами транспортных средств, чередовать места переправ и тому подобное. Словом, забот хватало.

Прибывающие под Сталинград транспорты разгружались, как правило, на разных станциях прифронтового железнодорожного участка. Этими станциями были Эльтон, Джаныбек, Кайсацкая, а иногда и Красный Кут. Отсюда с целью рассредоточения перевозок боеприпасы отправлялись на передовые фронтовые или армейские склады и их отделения частично железнодорожными "летучками" (по 5-10 вагонов в каждой), а частично автомобильными колоннами (по 10-12 машин) по строго определенным маршрутам.

Автомобильные колонны передвигались ночью, старшим в каждой назначался офицер. При таком способе подвоза случаев потерь боеприпасов почти не было, но темпы, темпы! Их следовало как-то ускорить.

И еще. Необходимость переброски большого количества боеприпасов, притом на значительные расстояния, вызвала напряженность в работе автотранспорта. Штатные транспортные средства фронта были практически бессильны справиться с такой

работой. И тогда на помощь пришел тыл: в распоряжение артснабжения фронта были переданы дополнительно два автомобильных батальона. Дела пошли веселее: даже в самый напряженный период боев под Сталинградом задача подвоза боеприпасов в основном выполнялась.

А сражение на берегах Волги тем временем разгоралось все сильнее. Немецко-фашистские войска любой ценой стремились сбросить в реку героических защитников города. Схватки шли подчас и не за дом, а за кучи кирпичного крошева. Об их ожесточении красноречивее всяких слов могут сказать хотя бы вот эти несколько цифр: расход боеприпасов с нашей стороны только за период с 12 июля по 19 ноября 1942 года (сюда же входят и потери при транспортировке, то есть общая убыль) составил 7 610 000 снарядов и мин, 182 млн. патронов и около 2,3 млн. ручных гранат. А всего это 4728 вагонов!{5}

Но и это еще не все. В период оборонительных сражений производилось и накопление вооружения и боеприпасов для перехода фронтов под Сталинградом в контрнаступление. Следовательно, требовались еще новые и новые тысячи вагонов с военными грузами.

Но и здесь нужно иметь в виду, что одновременно со Сталинградским сражением развернулась и грандиозная битва за Кавказ. Причем на огромном фронте, простирающемся от Черного до Каспийского моря. И если снабжение вооружением и боеприпасами наших войск в районе Сталинграда было трудным, то кавказская эпопея в этом отношении вообще явилась непревзойденной по своей сложности.

Обрисую все это на конкретных примерах. Начну с пояснения, что с отходом наших войск к предгорьям Кавказа основные железнодорожные коммуникации, связывающие Кавказ с центром, были намертво перерезаны противником. Следовательно, подача обороняющимся здесь войскам вооружения и боеприпасов, так же как и других предметов артиллерийского имущества, должна была идти кружным путем - через Среднюю Азию, Красноводск, Баку. Правда, отдельные транспорты поступали и через Астрахань на Баку или Махачкалу, но это было весьма редким исключением.

Значительное удлинение пути следования транспортов и необходимость перевалки грузов с железнодорожного на водный и обратно, конечно же, намного увеличивали время доставки грузов фронту. Приведу такой пример: транспорт с боеприпасами за номером 83/0418, отправленный с Урала 1 сентября 1942 года, прибыл к месту назначения лишь 1 декабря. Другой, под номером 83/0334, чтобы дойти до адресата, должен был преодолеть расстояние в 7027 км!

Однако транспорты шли. И тысячи вагонов с боеприпасами, преодолевая подчас невероятные расстояния (иногда путь, равный пробегу от Москвы до Владивостока), доходили-таки до фронта.

Да, путь военных грузов с центральных баз до складов фронта и армий был сложен. Но еще сложнее он тянулся к войскам, оборонявшим горные проходы и перевалы.

Наиболее трудным был подвоз боеприпасов к войскам из района Сухуми, Зугдиди. Здесь от дивизионных складов непосредственно на боевые позиции их приходилось доставлять в основном с помощью армейских и войсковых вьючных рот. Что это были за подразделения?! В каждом из них кроме солдат-погонщиков имелось в среднем до 100 ишаков. Эти выносливые животные, хотя имели и небольшую загрузку (до 40 кг на каждого ишака), были буквально незаменимы на узких горных тропах.

Примерно так же был организован подвоз боеприпасов и для 20-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшей белореченское направление. Вначале, от Сухуми до Сочи, они доставлялись морем. От Сочинского порта и до дивизионного склада - автомобильным транспортом. А уже дальше, до полковых пунктов боевого питания, - вьюком.

394-й стрелковой дивизии подвоз боеприпасов производился воздушным путем, самолетами У-2 с аэропорта Сухуми. Кстати сказать, точно так же обеспечивались и другие дивизии 46-й армии.

Большую помощь советским воинам, оборонявшимся на перевалах Главного Кавказского хребта, оказывали и местные жители. Это они в короткий срок сумели доставить на позиции более 60 тыс. различных вещей с военных складов (главным образом теплой одежды), около миллиона винтовочных патронов, 4 тыс. ручных гранат, 2 тыс. патронов для противотанковых ружей, большое количество мин и снарядов.

С огромной нагрузкой работали и промышленные предприятия Закавказья. Под руководством Центральных Комитетов Коммунистических партий Грузии, Армении, Азербайджана они, переключившись на военное производство, дали фронту тысячи орудий, минометов и боеприпасов.

В это трудно поверить, но было и так. Как-то мне доложили, что в Баку создано нечто подобное снаряжательному заводу. Причем на базе... городского утильсырья. А в Тбилиси для этого приспособили здания бойни. И вот на таких-то "заводах" за пять месяцев работы было снаряжено 647 тыс. ручных гранат, 1,2 млн. мин, 549,5 тыс. артиллерийских снарядов! Это ли не проявление беззаветной преданности трудящихся Закавказья своей

социалистической Родине!

А ведь немецко-фашистские захватчики, планируя проникновение через Главный Кавказский хребет, возлагали надежды на то, что им удастся обмануть, подкупить местных жителей и склонить их на свою сторону. Но народы Кавказа, как и все советские люди, не щадя сил и самой жизни, боролись во имя победы над врагом. Мне рассказывали массу случаев, когда горцы, особенно сваны, прекрасные альпинисты, проводили наших бойцов по никому не ведомым тропам, указывая им пути обхода флангов противника для нанесения ударов с тыла.

Да, время было трудным. И все-таки глубокой осенью 1942 года благодаря героическому сопротивлению советских войск и проведению важных мероприятий военными советами Закавказского фронта и 46-й армии (именно на эту армию была возложена оборона перевалов через западную часть Главного Кавказского хребта и Черноморского побережья от Лазаревского до устья реки Сарп, а также прикрытие границы с Турцией до горы Уч-Тепеляр), а также местными партийными и советскими органами по усилению обороны перевалов наступление фашистов было остановлено. Угроза выхода врага в Закавказье на этом направлении миновала. 19 ноября 1942 года залпы более 15 тыс. орудий и минометов (в два раза больше, чем в контрнаступлении под Москвой) возвестили миру о начале нового этапа в ходе Великой Отечественной войны. Началось историческое контрнаступление наших войск под Сталинградом.

Да, советский тыл, социалистическая промышленность дали действующим здесь фронтам более 15 тыс. орудий и минометов. А это примерно столько, сколько имели Россия и Германия, вместе взятые, в начале первой мировой войны (точная цифра - 15 493 ствола).

Ставка ВГК передала фронтам сталинградского направления для проведения этой грандиознейшей операции 75 артиллерийских и минометных полков. А всего во фронтах находилось 250 артиллерийских и минометных полков. Кроме того, фронты имели 1250 боевых машин и станков реактивной артиллерии, способных за один залп выпустить 10 тыс. снарядов!

Для прикрытия войск и важнейших объектов тыла использовалось 1100 зенитных орудий.

Но такое огромное количество стволов требовало и немалого количества боеприпасов. И ГАУ обеспечило ими операцию. Фронты начали контрнаступление, имея около 6 млн. снарядов и мин, 380 млн. патронов для стрелкового оружия и 1,2 млн. ручных гранат. Подача боеприпасов за период наступления и уничтожения окруженной группировки войск противника

проводилась непрерывно. А всего фронтам за период с 19.11 1942 по 2.2 1943 года было подано 3923 вагона боеприпасов. За этот же период фронты израсходовали: снарядов и мин - около 7,5 млн. и боеприпасов для стрелкового оружия - свыше 228 млн.

Общий расход за Сталинградскую операцию составил (округленно в штуках): боеприпасов для стрелкового оружия - 0,5 млрд. (1200 вагонов), мин и снарядов - 15,2 млн. (8339 вагонов). А всего - 9539 вагонов. Общая же подача боеприпасов за операцию составила 9311 вагонов{6} .

Таким образом, разница между расходом и подачей составила всего 228 вагонов. Это говорит о том, что фронты сталинградского направления в соответствии с указанием Ставки ВГК и Генштаба были все время в центре внимания ГАУ, а службы тыла помогли артснабжению выполнить свои задачи по своевременной доставке войскам боеприпасов.

Отмечу, что расход боеприпасов в Сталинградской операции не имел еще себе равных в истории войн. Он составил примерно 1/3 расхода всей русской армии за период первой мировой войны.

* * *

Одновременно с грандиозными сражениями под Сталинградом начались активные боевые действия наших войск и на Северном Кавказе. Здесь важное место в стратегическом наступлении, развернувшемся в начале 1943 года, по праву занимает операция Южного и Закавказского фронтов. Она проводилась (во взаимодействии с Черноморским флотом) с целью разгрома вражеских группировок и освобождения промышленных и сельскохозяйственных районов Дона, Кубани и Терека.

Рассмотрим же, каково было соотношение сил и средств в полосах действий Южного и Закавказского фронтов на 1 января 1943 года. По личному составу это соотношение являлось 1,4:1 (советские войска- 1054316, немецко-фашистские764000). По танкам- 1,8:1, по боевым самолетам - 1,7:1. Что же касается артиллерии, то здесь соотношение исчисляется цифрами 2,1:1. Другими словами, войска наших двух фронтов имели на 1 января 1943 года 11 341 орудие и миномет, а немецко-фашистские - 5290.

Итак, наша артиллерия по количеству стволов в два с лишним раза превышала вражескую. Но ее еще нужно было обеспечить достаточным количеством боеприпасов. А сделать это мешали огромные трудности. В частности, базы снабжения Южного фронта находились от войск в 300-350 километрах. А приблизить их было невозможно до ликвидации окруженной

группировки противника под Сталинградом, который являлся крупным узлом коммуникаций. К тому же бездорожье между реками Дон и Маныч, неустойчивая погода с частыми оттепелями и даже дождями, нехватка автотранспорта тоже довольно сильно усложняли подвоз грузов в войска.

В не менее трудном положении находился и Закавказский фронт, который должен был еще и произвести сложную перегруппировку своих войск, а затем в короткий срок до начала операции снабдить их всем необходимым, в том числе значительно усилить черноморскую группу танками и артиллерией. А горная местность и слаборазвитая сеть дорог затрудняли переброску большого количества войск и боевой техники.

Основная нагрузка по снабжению Закавказского фронта легла на Каспийскую военную флотилию и Черноморский флот. Еще раз напомню, что каспийские коммуникации длительное время были едва ли не единственными путями подвоза личного состава и материальных средств из восточных и центральных районов страны в Закавказье.

Перевозку пополнения и материально-технических средств для войск черноморской группы, действовавших на новороссийском и туапсинском направлениях, осуществлял в период подготовки операции Черноморский флот. Наибольшей интенсивности перевозки достигли еще в октябре - декабре 1942 года. В отдельные дни в них было занято до 70 судов и боевых кораблей. В среднем ежедневно в черноморскую группу доставлялось свыше тысячи человек личного состава и около 2 тыс. тонн грузов. А всего за эти три месяца было перевезено до 100 тыс. бойцов и командиров и свыше 170 тыс. тонн военных грузов. В том числе многие тысячи тонн боеприпасов.

Таким образом, несмотря на неимоверные трудности, наши службы артснабжения сделали все от них зависящее, чтобы обеспечить готовящуюся операцию советских войск достаточным количеством и артиллерии, и боеприпасов. А это во многом обусловило ее успех, изгнание немецко-фашистских захватчиков с территории Северного Кавказа.

* * *

Хорошо помню тот вечер в Ставке, когда пришло известие об окончательном разгроме группировки фашистских войск в районе Сталинграда. В кабинет И. В. Сталина вошел А. Н. Поскребышев и доложил, что через несколько минут будут передавать по радио приказ наркома обороны в связи с победой наших войск в Сталинграде.

В кабинете Сталина радиоприемника не было - он находился

в кабинете Поскребышева. Поэтому Верховный предложил Г. К. Жукову и мне, оказавшемуся в этот час в Ставке, пройти туда и послушать Левитана...

Слушая торжественный голос известного всей стране диктора, передававшего приказ, я краем глаза наблюдал за Сталиным. Расправив плечи и став как будто выше ростом, он, попыхивая трубкой, гордо поглядывал то на Жукова, то на меня, не скрывая своего удовлетворения и гордости за блестящий успех наших войск.

Но особенно он подтянулся и приосанился в тот момент, когда Левитан начал читать раздел приказа о пленении гитлеровских генералов. И первым в этом списке шел фельдмаршал Паулюс. Сталин даже хмыкнул многозначительно. Дескать, знай наших. Вон каких китов уже заставляем в плен сдаваться! Но то ли еще будет! Да, это был великий праздник! И не только для нашего народа. Весь прогрессивный мир, до этого с тревогой следивший за событиями на советско-германском фронте, вздохнул с облегчением: на заснеженных полях России зарвавшимся фашистским маньякам, возомнившим себя властелинами мира, преподнесен еще один поучительный урок!

Гитлеровская Германия оделась в траур...

Ну а мы, воодушевленные грандиознейшим успехом наших войск в Сталинграде, с еще большей энергией принялись за свою работу. Ведь победой на Волге война далеко еще не закончилась.

Как я уже говорил, работа центрального аппарата Наркомата обороны в годы войны шла едва ли не все двадцать четыре часа в сутки. Лишь ранним утром руководители ведомств и их подчиненные могли выкроить для сна часа три-четыре. И то здесь, в кабинетах, как говорится, не отходя от рабочих мест. А затем снова за дела.

В годы войны ГАУ регулярно снабжало наш Генеральный штаб сведениями о ресурсах и возможностях военной промышленности, обеспечивая ими и оперативное управление Генштаба. Здесь следует сразу же с большим удовлетворением сказать, что в работе постепенно сложилась довольно стройная система. Генштаб твердо определял, например, лимит месячного расхода по боеприпасам на каждый фронт. Досконально знал степень их обеспеченности вооружением и боеприпасами. А получая еще от ГАУ данные о ресурсах, которыми оно будет располагать в течение ближайшего месяца, мог прикинуть возможности на ближайшее будущее. То есть, вычтя то количество боеприпасов, которое ГАУ было обязано при всех условиях поставить фронтам на текущий расход, учесть тот запас, который можно будет использовать дополнительно для

обеспечения тех или иных операций наших войск.

Но фронтовая обстановка вносила подчас свои коррективы. То нужно было проводить частные операции, то под воздействием противника на том или ином фронте вспыхивали непредусмотренные по своей ожесточенности бои. Тут уж менялись и обеспеченность, и потребность. Вот почему представители Генштаба, прежде чем подготавливать ту или иную директиву для доклада в Ставке, всегда запрашивали ГАУ о его реальных возможностях. И затем неукоснительно руководствовались этими цифрами.

И все же подчас между данными ГАУ и подсчетами Генштаба возникали разночтения. Это случалось в тех случаях, если какой-нибудь фронт слишком уж рьяно настаивал на удовлетворении завышенных норм расхода боеприпасов, увеличивал процент потерь вооружения. Здесь сказывалось вполне понятное желание командования этого фронта иметь определенный резерв боеприпасов и орудий на случай непредвиденных обстоятельств. Но нам-то от этого было не легче!

Разночтения возникали и тогда, когда опять же тем или иным фронтом давался заранее завышенный расход на проведение артподготовки перед операцией. Но тут уж мы были, что называется, начеку. Да, расчет в ГАУ производился на все орудия фронта. Но ведь не все они использовались на направлении главного удара. Поэтому часть отпускаемых боеприпасов и без того оставалась у фронта своеобразным резервом. Вот почему мы твердой рукой перечеркивали подобные заявки.

На нас, естественно, жаловались. Но поставить под сомнение осведомленность ГАУ в решаемых им вопросах было невозможно. Ведь мы опирались только на конкретные данные.

Поясню, как велся, например, нами учет обеспеченности фронтов боеприпасами и вооружением. Еще в 1942 году по нашему предложению нарком обороны издал приказ о введении табеля срочных донесений. Проект этого табеля буквально выстрадал наш великий труженик начальник отдела оргпланового управления генерал М. С. Григорьев. В нем имелись графы наличия вооружения на первое число каждого текущего месяца, обеспеченности в боекомплектах, количества тех или иных выстрелов, находящихся в пути к данному фронту. Предусматривалось количество запланированных к отправке выстрелов и сроки их прибытия. А на основании среднесуточного расхода - возможный расход за месяц в боекомплектах.

Затем эти данные сверялись с табельными донесениями фронтов. И докладывались мне, начальнику ГАУ. Так что при вызове в Ставку я имел самые свежие и исчерпывающие сведения

об обеспеченности каждого фронта вооружением и боеприпасами, а также о наших плановых возможностях.

Несколько слов о том, как ГАУ осуществляло поставки в преддверии той или иной операции наших войск.

Когда план поставок на эту операцию уже утверждался Ставкой, его надо было выполнять незамедлительно. Ведь сроки нам, как правило, определялись жесткие.

Генерал А. В. Хрулев и начальник ВОСО И. В. Ковалев, а также их аппарат и соответствующие службы НКПС тут же получали график первоочередности транспортов ГАУ. И, надо сказать, делали все от них зависящее для своевременной доставки наших грузов соответствующему фронту. Продвижение транспортов ежедневно контролировалось, поэтому у меня всегда была полная ясность относительно того, где и что на данном этапе находится. И как ни сложна была вся эта статистика, ее нужно было иметь под рукой. А еще лучше - в голове. Ведь в Ставке И. В. Сталин то и дело интересовался, как идет обеспечение готовящегося к операции фронта.

* * *

Мы в ГАУ прекрасно понимали, что успех любой операции в первую очередь зависит от своевременности и полноты обеспечения ее. И не раз бывало так, что тому или иному фронту еще и не поставили задачи на операцию (они еще находились в стадии разработки), а Генштаб, стремясь выиграть время и учитывая трудности с железнодорожным транспортом, уже требовал начать туда отправку боеприпасов. Как говорится, авансом, в счет будущего. И ГАУ, как правило, отправляло эти транспорты.

Конечно, этим мы в какой-то степени снижали секретность подготовки предстоящей операции. Ведь командующий артиллерией фронта, получив доклад от своего начальника артснабжения об усилении поставок боеприпасов в их адрес, настораживался и первым понимал, что фронт будет выполнять какое-то важное задание Ставки. Да и от других начальников рангом пониже не могло укрыться то, что к ним непрерывной чередой подходят эшелоны. С чем - это другой вопрос. Но ведь подходят и разгружаются! Значит, жди жаркого дела, скорее всего предстоящего наступления.

Но тайна есть тайна, а сроки есть сроки. Во имя их приходилось иногда идти и на определенный риск.

Кстати, ГАУ, делая эти "авансовые" поставки, никогда не добивалось точной информации о том, какими же, собственно, силами фронт будет наносить удар и, следовательно, какое количество орудий привлекается на его главное направление. Нас

не интересовало даже то, где будет проводиться артподготовка, то есть где предстоит наибольший расход боеприпасов. При подсчете, как уже указывалось, нами бралось сразу все вооружение фронта с учетом даже войск усиления. И расход боеприпасов определялся тоже на все орудия. Сразу скажу, что такая система подсчета себя, как правило, оправдывала.

Итак, боеприпасы на нужный фронт нами доставлены. По закрытым каналам до его командования доведены и задачи на операцию. В назначенное время все приходило в движение. Вот тут-то мы, в ГАУ, настоятельно добивались, чтобы нам уже в первой половине дня начала операции сообщали о результатах артподготовки да и самих боевых действий. И если нас информировали, что бой идет за третью линию траншей, то мы успокаивались. Ну а если даже к вечеру наши войска дрались всего лишь за вторую или даже первую линию траншей, тогда уже спокойствия не жди. Ведь нужен будет новый - и значительный! - расход боеприпасов...

Но мы, повторяю, удовлетворяли только разумные потребности фронтов. Такая позиция ГАУ была неизменной всю войну - и в первое время, когда у нас ощущался снарядный голод, и тогда, когда боеприпасов и вооружения было уже достаточно.

В этой связи вспоминается такой случай. Как-то (дело было уже в 1944 году) штаб Ленинградского фронта заявил в Ставке свои потребности в боеприпасах до девяти боекомплектов по тяжелым калибрам. Заявка привела нас в недоумение. Девять боекомплектов, притом по тяжелым калибрам!

Пришлось мне доказывать в Ставке необоснованность подобных расчетов. Справедливости ради скажу, что штаб Ленинградского фронта вскоре и сам понял, что хватил, как говорится, через край и вышел на нас с новой, уже реальной заявкой.

А вот еще один случай. Весной 1945 года враг, оказывая упорное сопротивление, ввел против войск 3-го Украинского фронта мощную танковую группировку. Завязались тяжелые бои в районе озера Балатон. Штаб фронта обратился к нам с просьбой о срочной доставке ему бронебойных снарядов. При этом в телеграмме пояснялось, что определенный запас таких снарядов у фронта есть, но при затяжных боях их может не хватить...

Просьба штаба фронта не являлась для нас невыполнимой. И ГАУ, конечно, помогло бы ему, если бы не то обстоятельство, что в это время основная масса боеприпасов шла как раз по плану, утвержденному в Ставке, 1-му Белорусскому фронту. Ведь предстоял штурм Берлина.

Почувствовав, видимо, наши колебания, товарищи из штаба

3-го Украинского фронта решили, что называется, перейти в атаку: уже по телефону пригрозили пожаловаться в Ставку. И прогадали. Я не только не испугался их угрозы, но, напротив, сам посоветовал им обратиться лично к Сталину.

Этот телефонный разговор состоялся днем, и до вечера никаких распоряжений по поводу 3-го Украинского фронта из Ставки мне не поступило. И только уже вечером Сталин как бы мимоходом спросил:

- Вам звонили из штаба 3-го Украинского фронта? Я подтвердил: да, звонили. И доложил, что ответил отказом. Верховный, кивнув, сказал:

- Правильно.

На этом вопрос с жалобой на ГАУ был исчерпан.

Да, удовлетворение заявок фронтов подчас было делом довольно хлопотным. Но мы во всех случаях старались проявлять сдержанность, не шли на стычки даже в мелочах.

Конечно, в 1944-1945 годах, когда наша промышленность уже давала значительное количество боеприпасов и вооружения, начальник ГАУ и сам мог решать целый ряд вопросов по обеспечению фронтов. Но ведь существовала Ставка, высший руководящий военный орган. И то, что она утверждала, изменять уже не полагалось.

* * *

Генеральный штаб в годы войны, поглощенный прежде всего оперативными вопросами, не мог держать связь по поставкам с Госпланом СССР, так как и сама структура планирования поставок к этому времени изменилась. Довоенный стиль работы, когда Генштаб обобщал у себя все материальные потребности Красной Армии и передавал их затем в Госплан (не в деталях, естественно, а по общим объемам, так как главки давали свои обобщенные заявки уже обработанными в наркоматах и аппарате Госплана), с началом войны перестал себя оправдывать. Ведь все потребности резко возросли, а времени на прохождение лишних бумаг не осталось.

Госплан свою работу, конечно же, продолжал, но наркоматы уже нуждались в более тесной связи с военным ведомством. Это-то и побудило ГКО вскоре установить такой порядок, который бы соответствовал требованиям военного времени. Поясню его.

Каждому из членов Государственного Комитета Обороны было поручено единолично отвечать: одному - за выполнение плана поставок по авиационной технике, другому - по танкам, третьему - по вооружению и боеприпасам и т. д. При члене ГКО, отвечавшем за поставки вооружения и боеприпасов, в конце 1941 года были созданы группы из ответственных работников Госплана

и Совнаркома во главе с П. И. Кирпичниковым (вооружение) и Н. А. Борисовым (боеприпасы). После этого процесс планирования пошел через эти группы, державшие постоянную связь с наркоматами и ГАУ.

При участии представителей этих государственных органов сверстывались квартальные и месячные планы поставок, и Генштаб получал уже готовое постановление ГКО, которым были определены их объемы. От ГАУ же в Генштаб спускались данные по обеспеченности фронтов, которые были намного детальнее, чем сводки штабов. После этого руководству Генштаба требовалось лишь знать надежность поставок (не будет ли срывов) и общие ресурсы ГАУ. Эти сведения мы тоже давали.

Несколько слов о П. И. Кирпичникове и Н. А. Борисове. Это были специалисты высокой квалификации, исключительно трудолюбивые люди. Они имели у себя тоже очень знающих инженеров, подчинялись непосредственно ГКО, обладавшему непререкаемой властью по отношению к наркоматам. Обе руководимые ими группы с полным знанием дела и высокой требовательностью проработали всю войну. Естественно, держа постоянную связь с наркоматами и заводами, с представителями ГАУ. Люди Кирпичникова и Борисова сверстывали квартальные планы поставок, а уже на их основе корректировали месячные. В этих планах определялись количественные показатели поставок, их сроки, поставки комплектуемых изделий головным заводам поставщиками и вообще все мероприятия, обеспечивающие план. В том числе поставки сырья, полуфабрикатов, разного профиля металлов, электроэнергии, инструмента, станков, разного вида моторов и т. д. А если было нужно - обеспечение рабочей силой, пайками и прочими.

Да, это была трудоемкая, исключительно нервная работа. Она отнимала у подчиненных Кирпичникова и Борисова массу времени и сил. И лишь в 1944 году, когда поставки пошли в размерах, в полной мере обеспечивающих фронт, группы вздохнули несколько свободнее.

Не могу не сказать, что представителей этих групп подчас не очень-то жаловали некоторые ответственные работники оборонных наркоматов. И в первую очередь - за их жесткий контроль. Но уверен, что в душе и они были согласны с необходимостью такого бескомпромиссного планирования. Сама реальная действительность настоятельно подсказывала, чтобы я работал в самом тесном контакте с указанными выше руководителями групп, наркомами и их заместителями. Ведь здесь решались вопросы поставок. Но в то же время мне вряд ли бы хватило даже суток на личную связь со всеми этими людьми и

ведомствами. Значит, нужно было или до предела спрессовывать свое рабочее время, или... Или уметь находить в массе дел и связей то безусловно важное и необходимое, что обязательно потребует моего личного присутствия или просто вмешательства. В остальном же опираться на помощь своих заместителей, других работников ГАУ.

Так и начал поступать. Личные контакты - с членами ГКО, наркомами (иногда с их заместителями), руководителями Госплана и Генштаба. С другими начальниками ведомств - связь по телефону.

С главками наркоматов, заводами, начартснабами фронтов все вопросы, как правило, решали мои заместители. Я же вмешивался в их действия лишь при крайней необходимости.

Нужно иметь в виду, что проект квартального плана поставок вначале согласовывался со всеми заинтересованными наркоматами. А уже затем представлялся председателю ГКО. И обязательно - с визой начальника ГАУ. Почему? Да в силу того, что наше ведомство полнее других располагало всеми необходимыми данными, имея в промышленности своих инженеров и широко разветвленную военную приемку. При помощи этих людей, досконально знавших практические возможности заводов, на которых они находились, и достигалось согласие (правда, иногда после горячих споров с представителями наркоматов) по всем деталям представляемого в ГКО квартального плана.

Конечно, план представлял собой не просто перечень квартальных цифр поставок. К нему, кроме того, прилагался довольно солидный перечень мероприятий, при условии осуществления которых этот план только и мог быть выполнен. То есть нужно было предусмотреть тысячи и тысячи вопросов, причем конкретно по каждому заводу: что-то в случае надобности с него снять или что-то добавить к заданию.

Итак, во главу угла сразу же ставилось непременное выполнение плана. А для этого были нужны средства, труд, огромная энергия и беспрерывная забота о ходе дела от руководителей на местах до наркоматов включительно, от первичных парторганизаций до обкомов ВКП(б), от парторгов ЦК ВКП(б), имевшихся на крупнейших заводах, до центрального аппарата партии,

В ходе претворения в жизнь принятого плана следовало тщательно контролировать выполнение всех намеченных во имя его реализации мероприятий. И здесь помимо руководства промышленности такой контроль вел аппарат ГАУ. Он совместно с представителями групп при ГКО и наркоматами изучал, в

частности, возможности дальнейшего повышения производства боеприпасов, так как их исход по мере всевозраставшего ожесточения боев на фронтах неизменно увеличивался.

А теперь снова возвращаюсь к деятельности Дмитрия Федоровича Устинова и возглавляемого им наркомата.

Думается, нет нужды еще раз повторять, как трудно было Наркомату вооружения удовлетворять острейшие потребности фронтов. Но не могу не остановиться на том факте, что на долю Дмитрия Федоровича выпало, помимо прочего, и тяжкое бремя исправления (причем буквально на ходу, в кратчайшие сроки) ошибок, допущенных кое-кем непосредственно уже перед войной, до прихода Д. Ф. Устинова в наркомат.

Начну с того, что тогда по совету бывшего начальника ГАУ Кулика Сталин распорядился снять с производства ряд ходовых видов вооружения и приступить к выпуску тех их образцов, которые не оправдали себя уже в первые месяцы войны. Так было, например, с самозарядной винтовкой СВТ, показавшей во фронтовых условиях довольно плохую надежность. Пришлось срочно заменять ее, организовав на Урале производство уже знакомых бойцам русских трехлинеек и карабинов, А одновременно наладить и массовую поставку в войска автоматов ППШ. Вновь возродить замороженное производство противотанковых ружей. А в связи с эвакуацией военных заводов организовать на Урале выпуск станковых пулеметов "максим". До их же массового производства дать армии в резко увеличенном количестве ручные пулеметы конструкции замечательного советского вооруженца В. А. Дегтярева.

Вновь налаживается выпуск 76-мм полковых пушек. Их, как и 45-мм противотанковые орудия, необоснованно сняли с производства в январе 1941 года.

Правда, к 1941 году армия была обеспечена этими калибрами полностью. Но в запасе их почти не было. А война есть война, на ней потери происходят не только в личном составе войск. Поэтому, пока шла разработка новых орудийных систем и запуск их в серий, необходимо было возобновить производство старых, хотя бы в сокращенных размерах.

Да, в это время шла отработка новой, более мощной 57-мм противотанковой пушки. Но к началу войны ее опытные образцы только-только начали выпускаться. Следовательно, восстановление производства 45-мм противотанковой и 76-мм полковой пушек требовало своего скорейшего разрешения.

Сразу скажу, что, несмотря на все усилия Наркомата вооружения, это тоже потребовало определенного времени. Названные калибры вновь начали поступать в войска лишь

осенью 1941 года.

Одновременно резко возросла потребность фронтов и в 76-мм дивизионных пушках. Кстати, в армии имелось несколько образцов этих орудий. Кое-где, например, оставались на вооружении стрелковых полков 76-мм полевые пушки образца 1902 года. А в стрелковых дивизиях внутренних округов состояли 76-мм пушки образца 1902/30 года. Основной же дивизионной пушкой, не считая орудий марки Ф-22, была 76-мм пушка образца 1939 года - УСВ, которая поступала в артиллерию приграничных военных округов.

Это орудие по своим боевым характеристикам было в общем-то неплохим. Оно имело раздвижной лафет и, следовательно, большие углы горизонтального и вертикального обстрела. Было легче, чем Ф-22, конструктивно лучше доработано и успешно прошло все войсковые испытания.

И все-таки некоторая сложность конструкции пушки УСВ не позволяла резко увеличить ее поставки. К тому же и ее вес был несколько великоват. Но самое главное, УСВ почти не годились для стрельбы по танкам. Следовательно, для орудия дивизионной артиллерии нужно было искать какое-то другое решение.

И оно было найдено. Уже в 1942 году мы приняли на вооружение новую 76-мм пушку ЗИС-3 конструкции В. Г. Грабина. Ей и суждено было стать на весь период войны наиболее массовым орудием для нашей артиллерии.

Эта пушка прекрасно показала себя в боях. И в первую очередь в борьбе с бронированными целями. Высоко оценили ее боевые качества даже враги. Помнится, мне как-то рассказали, что консультант Гитлера по артиллерии заявил по поводу этого орудия буквально следующее: "Пушка ЗИС-3 является самой гениальной конструкцией в истории ствольной артиллерии". Как я уже говорил, в первые месяцы войны шла эвакуация многих заводов Наркомата вооружения с запада на восток. А некоторые из тех, что остались на стационарной базе, но находились на удалении примерно рубежа Волги, подвергались в 1941 году налетам вражеской авиации. Все это, естественно, сказывалось на количестве выпускаемой ими продукции.

А фронты умоляли, просили, требовали боеприпасов и вооружения. И их нужно было дать! Поэтому эвакуированные на восток заводы, подчас установив свое оборудование под открытым небом, начинали работу. В декабре 1941 года с уральских заводов потоком пошли станковые пулеметы. Возникла острая нужда в снарядах для 25-мм и 85-мм зенитных орудий, и они были даны. В неимоверно трудных условиях увеличивалось производство 122-мм гаубиц, творцом которых был

замечательный артиллерийский конструктор Ф. Ф. Петров.

И за всем этим, понятно, стоял Наркомат вооружения, возглавляемый Д. Ф. Устиновым. И Дмитрий Федорович, и его заместители Василий Михайлович Рябиков, Владимир Николаевич Новиков, работники наркомата совершали подчас, казалось бы, невозможное. Но - совершали, подчиненные им заводы давали продукцию!

* * *

Наиболее напряженным выглядело обеспечение войск боеприпасами и вооружением на 1 января 1942 года. Потери первого полугодия войны по хорошо известным причинам были значительными. В вооружении нуждались не только фронтовые части, но и формирования, проводившиеся Ставкой. А в каких труднейших условиях находилась в это время наша оборонная промышленность, я рассказал только что.

И все-таки снова и снова хочется отдать должное героическому труду вооруженцев. Во втором полугодии 1941 года они поставили армии, например, 1,6 млн. винтовок и карабинов, 106,2 тыс. пулеметов (не считая пистолетов-пулеметов, которых тоже было поставлено 89,7 тыс.), 9,9 тыс. артиллерийских орудий, в том числе калибра 76 мм и крупнее. Промышленность Наркомата минометного вооружения за это же время дала 19,1 тыс. минометов.

В 1942 году наши войска постигла неудача на Керченском полуострове, потом на Юго-Западном фронте и, наконец, в боях под Воронежем, при отходе к Волге и на Кавказе. В этих условиях сложившаяся обстановка требовала особых усилий для повышения боеспособности Красной Армии. И данная задача нами успешно решалась. К этому времени уже определился перелом в военном производстве. Достаточно сказать, что только в марте 1942 года от промышленности поступило 5016 полевых и зенитных орудий всех калибров - в два раза больше, чем, например, в ноябре 1941 года!

Возросло и производство стрелкового вооружения. Среднемесячный выпуск одного только автоматического оружия в первом полугодии 1942 года увеличился в 3,5 раза по сравнению со вторым полугодием 1941 года.

Несколько возрос и выпуск боеприпасов. За первое полугодие 1942 года их было произведено 65,8 млн. штук (включая авиабомбы и мины), на 2,9 млн. больше, чем за такой же период в 1941 году.

Из всех приведенных выше цифр видно, что наше военное производство из месяца в месяц набирало темп. А это вселяло уверенность, что не за горами и то время, когда Красная Армия

уже не будет испытывать недостатка ни в боеприпасах, ни в самом совершенном вооружении.

Да, в течение всей войны шло неустанное совершенствование имевшегося в войсках вооружения, его модернизация. Принимались все новые и новые его образцы. Правда, их выпуск, естественно, требовал довольно серьезной перестройки производства. Но на это шли без колебаний.

В годы Великой Отечественной войны была, например, завершена работа по созданию более простого и маневренного станкового пулемета, который со временем заменил тяжелый (до 64 кг) "максим". Им стал 7,62-мм станковый пулемет Горюнова. Принято на вооружение 6 новых образцов стрелкового оружия, среди которых - 7,62-мм пистолет-пулемет ППШ, 7,62-мм пистолет-пулемет ППС, 7,62-мм карабин, 7,62-мм станковый пулемет СГ-43. Неплохо зарекомендовали себя 14,5-мм противотанковые ружья ПТРД и ПТРС (оба образца 1941 года).

Заслуга в создании всех этих образцов нового оружия принадлежит таким талантливым оружейникам, как Г. С. Шпагин, П. М. Горюнов, В. А. Дегтярев, С. Г. Симонов.

Шло, как уже говорилось, и развитие артиллерийских систем. Это было вызвано в первую очередь тем, что у вражеских конструкторов боевой техники мысль не стояла на месте. В сражениях против наших войск противник вскоре начал применять, в частности, новые танки, пробить броневую защиту которых было уже не под силу, например, 45-мм противотанковым орудиям и ПТР. И на смену им пришли 57-мм пушка ЗИС-2, а также уже упомянутая мной 76-мм пушка ЗИС-3. В мае 1944 года на вооружение была принята 100-мм полевая пушка системы В. Г. Грабина, которая, имея начальную скорость полета снаряда порядка 900 м/с, явилась довольно эффективным средством для борьбы с такими мощными танками и самоходными орудиями врага, как "тигр", "пантера", "фердинанд".

В начале того же 1944 года был принят на вооружение и поступил в войска 160-мм миномет. Вес его мины достигал 40 кг, дальность стрельбы - 5 км. Этот миномет наряду с артиллерией применялся не только для уничтожения живой силы противника, но и для разрушения его полевых укреплений. Были созданы отдельные минометные бригады РГК, вооруженные этими минометами.

Таким образом, Красная Армия обеспечивалась вооружением не только в количественном, но и в качественном отношении. Я имею в виду, что ее войска получали все больше и больше такого вооружения, которое полностью отвечало запросам фронтового времени. И даже, если хотите, в чем-то опережало его.

С конца 1942 года войска Красной Армии начали все чаще проводить наступательные операции. Вот тут-то и сказалась наша предусмотрительность в отношении артиллерии большой и особой мощности. Ее полки, простоявшие до времени в тылу, теперь были направлены на фронт. И при организации прорывов в общем грохоте артиллерийской канонады зазвучали "прекрасные голоса" 203-мм гаубиц и 280-мм мортир. А иногда, перекрывая все и всех, вступали в дело и 305-мм гаубицы.

Огонь тяжелой артиллерии был сокрушительным не только по мощи, но и по точности стрельбы. Ее расчеты были обучены выше всяческих похвал. Оно и понятно: к довоенной, тоже в общем-то неплохой подготовке прибавились полтора года учебы в тылу. Причем учебы в самый тяжелый период Великой Отечественной войны.

Итак, артиллерия БМ и ОМ вступила в дело. Но не только одни ее снаряды крушили укрепления вражеской обороны. К этому времени значительно возросла ударная мощь и наших механизированных, танковых соединений. На вооружение уже поступали такие мощные самоходные артиллерийские установки, как СУ-76, ИСУ-122, ИСУ-152, современные тяжелые и средние танки. Под их ударами тоже нередко трещала по всем швам вражеская оборона. Да, наш доблестный тыл за эти полтора года здорово поработал! Это руками его тружеников были созданы все те танки, САУ и орудия, которые теперь крушили хваленую крупповскую сталь. И что еще очень отрадно - у наших воинов было безотказное оружие и боевая техника.

А качество производимого вооружения обеспечивалось помимо ОТК заводов еще и строгой военной приемкой ГАУ. Обеспечивалось так квалифицированно, что я просто не помню случая, чтобы наша винтовка, автомат, пулемет или орудие когда-нибудь серьезно отказали в бою. А ведь это оружие использовалось в Заполярье и в предгорьях Кавказа, использовалось летом и зимой, в сушь и ненастную погоду. Но всегда служило верно. Причем при довольно несложном уходе за ним.

В военное время массовое производство вооружения потребовало пересмотра некоторых требований к нему с целью упрощения ряда технологических операций. При этом, естественно, этот пересмотр не должен был ухудшить качество вооружения, то есть не нарушить соответствия тактико-техническим требованиям, утвержденным для каждого конкретного образца. А они сводились примерно к следующему: живучесть оружия, безотказность его в бою, взаимозаменяемость запасных частей.

На заводах оборонной промышленности, и прежде всего на тех, которые производили вооружение, еще до войны был создан резерв специальных металлов, металлургических заготовок, полуфабрикатов по всем переходам, то есть операциям технологического процесса на весь производственный цикл. Однако настоятельные требования резкого повышения производства вооружения, повторяю, заставили вооруженцев пойти и на известные отступления от этих операций.

В чем же заключались эти отступления? Для пояснения приведу несколько конкретных примеров. Так, в ряде орудийных систем вместо скрепленных стволов и стволов со свободными трубами были внедрены моноблоки, что позволило резко увеличить их производство. Была внедрена и штампо-сварная конструкция кожухов орудийных стволов. А раньше для этого применялась трудоемкая поковка. Станины для лафетов тоже разрешалось изготовлять сварными вместо клепаных. Шире применялось литье под давлением.

Что это давало производству, показывает хотя бы такой пример: применение штампованных осей для прославленной пушки ЗИС-3 вместе кованых сократило цикл их обработки в 20 раз!

Для экономии дефицитных металлов, в частности никеля и молибдена, разрешалось применение менее легированных сталей. А стали из ковкого чугуна шли, например, вместо цветных сплавов.

Добавлю еще, что в это время были снижены требования к внешней отделке минометов и отменена чистовая обработка наружных поверхностей деталей в стрелковом вооружении, не принимающих участия в автоматике. Механическая обработка деталей заменялась горячей штамповкой. Были уменьшены и нормы ЗИП запасных частей, инструмента и принадлежностей. Например, к ручному пулемету ДП вместо 22 дисков давалось теперь 12. К автоматам взамен круглых дисков, довольно сложных в изготовлении и эксплуатации, был разработан и внедрен рожковый магазин.

Но, повторяю, какие бы замены ни производились, как бы ни ускорялось производство вооружения, требования к его надежности в бою не снижались.

К началу июля 1943 года советское командование в основном завершило подготовку к битве теперь уже на Курской дуге. Войска, действовавшие в районе Курского выступа, получили значительное усиление. Так, в состав Центрального и Воронежского фронтов с апреля по июль влилось 10 свежих стрелковых дивизий, 10 истребительно-противотанковых

артбригад, 13 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских полков, 14 артполков, 8 гвардейских минометных полков, 7 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков. С марта по июль в распоряжение этих фронтов было передано в общей сложности 5635 орудий и 3522 миномета.

Значительное усиление получили также Степной военный округ, части и соединения Брянского и левого крыла Западного фронтов.

А вот как выглядело соотношение средств (я, естественно, имею в виду в первую очередь артиллерию) конкретно по каждому фронту. В составе Центрального фронта к началу июля было (с учетом войск ПВО) 5282 орудия всех калибров, 5637 минометов (82-мм и 120-мм), 1783 танка и самоходно-артиллерийских установок. Против него противник имел около б тыс. орудий и минометов и до 1200 танков и штурмовых орудий.

В войсках Воронежского фронта имелось на тот же период 4029 орудий всех калибров, 4150 минометов (тоже 82-мм и 120-мм), 1661 танк и самоходно-артиллерийская установка. А у противостоящего противника соответственно 4 тысячи орудий и минометов и до 1500 танков и штурмовых орудий.

В составе Степного военного округа было 3397 орудий, 4004 миномета и 1551 танк и САУ.

Таким образом, общее соотношение сил и средств на северном фасе складывалось в пользу советской стороны. Здесь наши войска превосходили противника по танкам и САУ в 1,5 раза, по артиллерии - в 1,8 раза. Правда, на направлении главного удара - в полосе обороны 13-й и правого фланга 70-й армий - гитлеровское командование создало перевес в людях в 1,2 раза и добилось равенства в танках. И лишь в артиллерии советские войска сохраняли небольшой перевес.

На южном фасе Курского выступа советские войска превосходили врага в артиллерии в 2, а в танках и САУ в 1,1 раза. Однако на направлении готовящегося удара немецко-фашистское командование и здесь добилось временного перевеса в силах и средствах. Следовательно, сосредоточение превосходящих сил на направлениях главных ударов севернее и южнее Курского выступа позволяло врагу нанести мощные первоначальные удары по войскам Центрального и Воронежского фронтов.

Но ведь был еще и Степной военный округ с его тысячами орудий и танков, довольно большими людскими ресурсами (с учетом ВВС - 573 тыс. человек). Ему-то Ставка и поставила задачу не допустить возможного прорыва крупных группировок врага в восточном направлении как со стороны Орла, так и Белгорода,

для чего подготовить контрудары в направлениях Малоархангельск, Щигры, Курск, Обоянь, Белгород. Таким образом, Степной военный округ как заранее подготовленное формирование резерва Ставки не только увеличивал глубину обороны советских войск, но и был готов к решению наступательных задач стратегического значения.

А пока штабы и войска готовились к этой новой стратегической операции, ГАУ по заданию Ставки ВГК усиленно обеспечивало фронты вооружением и боеприпасами. Так, в период с марта по июль им из центра было отправлено: винтовок и автоматов - свыше 0,5 млн. единиц, пулеметов, ручных и станковых, - 31,6 тыс., крупнокалиберных - 520 штук, противотанковых ружей - 21,8 тыс., орудий и минометов - 12 326 единиц. Таким образом, только вооружения за этот период фронтам было отправлено 3100 вагонов и платформ. Такой подачи вооружения на обеспечение одной лишь стратегической операции история еще не знала. Да это было новым и для ГАУ {7}
.

Я не буду подробно описывать здесь ход оборонительной операции советских войск под Курском. Это дело полководцев, непосредственных участников тех событий. Скажу лишь, что в ходе Курской оборонительной операции войска Центрального и Воронежского фронтов сорвали все попытки гитлеровского командования окружить и уничтожить более чем миллионную группировку советских войск. Сражения носили исключительно упорный характер. По своему размаху и напряженности они стоят в ряду крупнейших сражений второй мировой войны. Ведь с обеих сторон в операцию в целом было вовлечено до 2,5 млн. человек, 37,8 тыс. орудий и минометов, 8 тыс. танков, САУ и штурмовых орудий, 6 тыс. боевых самолетов!

Но главное все-таки было в другом. В летнем сражении 1943 года Красная Армия сорвала наступление фашистов в самом его начале, буквально за несколько дней. Никогда еще наступательная стратегия гитлеровцев не терпела такого краха в столь короткие сроки!

Контрнаступление Красной Армии, открывшее новый этап Курской битвы, началось тогда, когда на белгородско-харьковском направлении шло еще оборонительное сражение, а на орловском продвижение противника было только-только остановлено. Более конкретно это выглядело так:

войска левого крыла Западного и Брянского фронтов, не связанные отражением вражеского натиска, нанесли удар на орловском направлении 12 июля. Армии правого крыла Центрального фронта перешли в контрнаступление 15 июля.

Воронежский и Степной фронты во взаимодействии с Юго-Западным начали его на белгородско-харьковском направлении позднее всех - 3 августа.

Итак, орловское направление. К началу наступления на этом направлении нами было сосредоточено огромное количество огневых средств - более 21 тыс. орудий и минометов, 2400 танков и САУ! А в ходе контрнаступления наших войск на белгородско-харьковском направлении - еще 12 тыс. орудий и минометов и 2400 танков и самоходно-артиллерийских установок. Итого на новом этапе Курской битвы в деле участвовало 33 тыс. артиллерийских и минометных стволов! И это не считая танков, САУ, реактивной артиллерии. Представляете, какое море карающего огня обрушивалось в эти незабываемые дни на противника!

А как обеспечивалась эта стратегическая операция боеприпасами? Начну с ее оборонительного этапа.

По тяжелым калибрам фронты перед началом операции имели от 3 до 5 боекомплектов снарядов. А всего около 20 млн. снарядов и мин, 630 млн. боеприпасов для стрелкового оружия и 7 млн. ручных гранат.

Но подача боеприпасов проводилась, естественно, в течение всей операции. А это составило довольно внушительную цифру - 4781 вагон!

Если говорить о среднесуточной подаче, то она составляла: Центральному фронту - 51 вагон, Воронежскому - 72 вагона. Брянскому - 31 вагон. Всего трем фронтам в среднем за сутки подавалось 154 вагона, то есть 6 железнодорожных составов{8} !

Весьма показательны и данные о расходе боеприпасов в этой операции. Только за период с 5 по 12 июля 1943 года войска Центрального фронта израсходовали 1083 вагона боеприпасов, то есть 135 вагонов в каждые сутки.

Но это - войска фронта. А представьте себе, что только одна 13-я армия за 8 суток ожесточенных боев выпустила по противнику 817 вагонов снарядов! Просто диву даешься, как выдержали это адское напряжение стволы ее артиллерии!

О накале же боев с танками противника говорят следующие цифры:

- на Центральном фронте было израсходовано 387 000 патронов ПТР (на день боя 48 370 штук);

на Воронежском фронте - 754 000 (на день боя 68 250 штук).

А всего за оборонительный период было израсходовано около 3 млн. снарядов и мин (2165 вагонов).

Но еще более впечатляющие цифры за всю Курскую битву. В ходе ее наши войска выпустили по противнику 14 млн. мин и

снарядов, 500 млн. винтовочных и автоматных патронов, 3,3 млн. патронов для пулеметов ДШК, 3,6 млн. патронов для противотанковых ружей, израсходовали почти 4 млн. ручных гранат. А чтобы подвезти все это, потребовалось 10 640 вагонов!

Одним словом, за 50 дней Курской битвы был перекрыт расход Сталинградской операции, которая продолжалась 201 день.

В этом огромном расходе интересно выделить использование основных групп боеприпасов в процентах. А эти цифры таковы: боеприпасов для стрелкового оружия - 9,7%; мин - 32,1%; выстрелов зенитной артиллерии - 2,6%; снарядов всех калибров наземной артиллерии - 55,6% {9} .

Эти цифры, думается, со всей наглядностью показывают, как важен дифференцированный подход к определению общих потребностей боеприпасов. А у нас это делалось далеко не всегда.

Итак, подведем некоторые итоги отгремевшей Курской битвы.

Из всего вышесказанного уже видно, что эта битва стала одним из важнейших этапов на пути к победе Советского Союза над фашистской Германией. По размаху, напряженности и результатам она по праву стоит в ряду крупнейших битв второй мировой войны.

Курская битва длилась менее двух месяцев, всего 50 дней и ночей. Но какие это были дни и ночи! В течение их на сравнительно небольшой территории произошло ожесточенное столкновение громадных масс войск с привлечением самой современной по тому времени боевой техники. В сражения с обеих сторон было вовлечено более 4 млн. человек, свыше 69 тыс. орудий и минометов, более 13 тыс. танков, САУ и штурмовых орудий и до 12 тыс. боевых самолетов!

А танковые сражения! Они явились величайшими во второй мировой войне!

Да, надежды, которые возлагало военно-политическое руководство фашистской Германии на операцию "Цитадель", не сбылись. Войска Красной Армии в ходе Курской битвы разгромили 30 дивизий, вермахт потерял до полумиллиона своих солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков (причем новейших конструкций), 3 тыс. орудий и более 3,7 тыс. боевых самолетов.

Потери огромные. И полностью возместить их фашистская Германия уже не могла. Об этом со всей откровенностью скажет позднее в своих мемуарах "Воспоминания солдата" и бывший генеральный инспектор бронетанковых войск Германии генерал-полковник Гудериан. Вот его слова:

"В результате провала наступления "Цитадель" мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с

таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на восточном фронте, а также для организации обороны на Западе, на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос... и уже больше на восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику".

Западногерманский историк В. Хубач в одной из своих работ вторит Гудериану:

"На восточном фронте немцы сделали последнюю попытку перехватить инициативу, но безуспешно. Неудавшаяся операция "Цитадель" оказалась началом конца немецкой армии. С тех пор немецкий фронт на Востоке так больше и не стабилизировался".

Планируя операцию "Цитадель", военно-политическое руководство фашистской Германии и вермахт большие надежды возлагали на свою новую технику - танки "тигр" и "пантера", штурмовые орудия "фердинанд". Они полагали, что это оружие превзойдет советскую боевую технику и принесет им победу. Не вышло! Советские конструкторы создали новые образцы танков, самоходно-артиллерийских установок, противотанковой артиллерии, которые по своим тактико-техническим данным не уступали, а часто и превосходили подобные системы противника.

Сокрушительный разгром немецко-фашистских армий на Курской дуге свидетельствовал и о возросшей экономической, политической и военной мощи Советского Союза.

* * *

А теперь расскажу об одном довольно неприятном случае, происшедшем только потому, что я отступил от той требовательности, которая вообще-то всегда была присуща ГАУ и исходила из твердых указаний на этот счет правительства и лично И. В. Сталина.

Для начала поясню, что все образцы танкового вооружения - орудия, пулеметы, оптические приборы - испытывались представителями арткома ГАУ и танкистами совместно с представителями наркоматов вооружения и танковой промышленности. И лишь после успешного прохождения таких испытаний принимались на вооружение, а следовательно, и в валовое производство. За соответствие этих образцов всем тактико-техническим требованиям отвечало ГАУ.

В 1943 году исходя из опыта битвы на Курской дуге стало ясно, что наш превосходный танк Т-34, равного которому по своим боевым данным не было ни у врагов, ни у союзников, все же нуждается в более мощной, чем 76-мм, пушке. К декабрю этого

же года В. Г. Грабиным было отработано и изготовлено новое, 85-мм, танковое орудие с начальной скоростью полета снаряда 800 м/с, в связи с чем увеличивалась дальность прямого выстрела и повышалась бронепробиваемость этого снаряда.

Сталин очень торопил нас с новым заказом. И вот 29 декабря 1943 года вместе с наркомами Д. Ф. Устиновым, В. А. Малышевым, Б. Л. Ванниковым и командующим бронетанковыми войсками Я. Н. Федоренко я вылетел на испытательный полигон ГАУ. Здесь должны были проводиться испытания танка Т-34 уже с 85-мм пушкой.

К нашему приезду из этого орудия было уже сделано почти все то количество выстрелов, которое требовалось по существовавшей программе. В том числе и так называемых усиленных. Результаты были вполне удовлетворительные. Поэтому, пробыв полдня на полигоне, мы всей группой отправились на завод, получивший заказ на новую пушку. Нужно было ускорить дело, мобилизовать дирекцию завода да и весь коллектив на то, чтобы с 1 февраля 1944 года танки Т-34 поступали бы уже в войска с 85-мм орудием.

По возвращении в Москву вооруженцы из группы П. И. Кирпичникова совместно с представителями заинтересованных ведомств подготовили проект постановления ГКО о производстве 85-мм пушек, о поставке их танковым заводам и о валовом выпуске Т-34 с этим орудием с 1 февраля 1944 года. И поздно вечером 31 декабря 1943 года этот проект лежал у одного из членов ГКО, который с нетерпением ожидал, когда же этот документ подпишу я.

Присутствовавшие горячо ратовали за немедленное представление проекта на утверждение И. В. Сталину и упрекали меня в нерешительности. А я действительно колебался. Ведь знал же, что из пушки осталось еще отстрелять несколько десятков выстрелов (чтобы полностью закончить программу испытаний), а это... Поэтому, не имея окончательного заключения полигона, воздерживался от подписи.

Но в конце концов, поддавшись уговорам, а может быть, и пребывая в предновогоднем настроении, я все же подписал проект. И в час ночи 1 января 1944 года было уже получено постановление ГКО, утвержденное Сталиным.

А утром...

Часов в девять мне неожиданно позвонили с полигона и сообщили, что после окончания испытаний по одному из узлов противооткатных устройств орудия получены неудовлетворительные результаты. А это значило, что пушка считается не выдержавшей испытаний и подлежит отправке на

доработку.

Вот это сюрприз так сюрприз!

Немедленно еду в Наркомат вооружения. Здесь уже собрались все, кто имел хотя бы какое-то отношение к созданию и испытаниям новой пушки. В том числе и. ее конструктор В. Г. Грабин.

Тут же с его помощью и при участии достаточно компетентных инженеров был проанализирован выявленный при испытаниях дефект, найден путь к его устранению. Руководство завода, с которым связались по телефону, заверило, что справится с доделкой в срок. Появилась уверенность, что все обойдется по-хорошему: пушку в январе доиспытают, а с 1 февраля 1944 года танки Т-34 пойдут в войска уже с нею. Словом, так, как и было обусловлено постановлением ГКО.

Но тем не менее этот малоприятный факт утаивать от И. В. Сталина было нельзя. И где-то около двух часов дня я все-таки позвонил ему и доложил о происшедшем.

Сталин молча выслушал доклад и, ничего не ответив, положил трубку. А уже вечером в своем кабинете, медленно прохаживаясь, остановился напротив меня и, глядя довольно сурово, погрозил пальцем. Потом негромко сказал:

- Это вам урок на будущее, товарищ Яковлев...

Я, покраснев, постарался заверить Верховного, что, по нашему твердому убеждению, все теперь будет в порядке и постановление ГКО мы не сорвем.

На этом, к счастью, тот инцидент и закончился. В заключение хочу сказать, что Д. Ф. Устинов лично выехал на доводящий пушку завод и буквально сутками не выходил из его цехов. Уже на четвертый день была готова в высшей степени сложная деталь пушки - стальная люлька. Причем Дмитрий Федорович сам проследил ее путь от белков (чертежей конструкторов) до отливки и окончательной доделки.

Последующие испытания 85-мм танковая пушка выдержала успешно.

* * *

Но если Наркомат вооружения в своей огромной деятельности опирался на ряд крупнейших заводов, созданных волею партии в годы минувших пятилеток и являвшихся хорошей базой для выполнения заказов Наркомата обороны СССР, то с производством боеприпасов вопрос обстоял несколько по-иному. Наша химическая промышленность в начале сороковых годов еще не получила того развития, которого потребовала война.

Итак, одни заводы Наркомата боеприпасов не могли удовлетворить всех потребностей фронта в своей продукции.

Необходимо было спешно изыскивать в промышленности почти всех других наркоматов нужные материалы и оборудование, на котором можно было бы производить корпуса снарядов и мин, капсюльные втулки, корпуса взрывателей, а также побочное - картонаж и укупорку. Остро стоял и вопрос с сырьем для производства порохов и взрывчатки.

Конечно, часть этой продукции, и прежде всего пороха и взрывчатка, производилась на заводах Наркомата боеприпасов. Но вместе с тем в это время не осталось практически ни одного промышленного наркомата, который бы не участвовал в производстве боеприпасов.

Перечислю только основные из них. Конечно, это в первую очередь Наркомат вооружения под руководством Д. Ф. Устинова. Затем - Наркомат легкой промышленности, который возглавлял А. Н. Косыгин. Немало сделал Наркомат химической промышленности, наркомом которой был опытный инженер и организатор М. Г. Первухин, а также Наркомат черной металлургии, во главе которого стоял И. Т. Тевосян. Кстати, от поставок этого наркомата зависело прежде всего производство корпусов снарядов, бомб и мин.

Заводы Наркомата цветной металлургии, которым ведал П. Ф. Ломако, обеспечивали поставку металлов для производства снарядных гильз, а также вольфрама для подкалиберных снарядов. Наркомат минометного вооружения, возглавляемый П. И. Паршиным, позаботился о производстве установок для РС ("катюш") и корпусов мин. Я уже не говорю о том, что свою лепту в это дело внесли наркоматы танковой промышленности, судостроительной и Наркомат путей сообщения.

Чертежами на производство тех или иных элементов выстрелов заводы снабжало ГАУ. Его же военная приемка контролировала качество производимого, а подчас даже и поступающего сырья.

Наркомом боеприпасов в годы войны был Б. Л. Ванников, высокоэрудированный, с большим производственным опытом инженер. Борис Львович обладал хорошими организаторскими способностями, был напорист, умел поставить работу не только на заводах своего наркомата, но и у смежников, от поставок которых зависело многое.

В этой нелегкой и хлопотливой работе Б. Л. Ванникову очень помогали его заместители П. Н. Горемыкин, М. В. Хруничев и Н. В. Мартынов, тоже отличные руководители, вкладывавшие весь свой опыт и знания в дело увеличения производства боеприпасов, объем поставок которых все время возрастал.

* * *

И все же положение с боеприпасами оставалось довольно напряженным и в 1942 году, и даже в 1943-м. Правда, операция по разгрому немецко-фашистской группировки войск под Сталинградом, а также наши последующие наступательные операции 1943 года (имеется в виду в первую очередь сражение на Курской дуге) были обеспечены боеприпасами вполне удовлетворительно. Но, подчеркиваю, лишь удовлетворительно. И только в 1944 году положение в этом вопросе улучшилось довольно существенно.

Но именно с 1944 года у ГАУ возникли с боеприпасами заботы иного плана. Дело в том, что наши артиллеристы при продвижении вперед подчас оставляли на прежних огневых позициях завезенные, но неизрасходованные снаряды. На головных отделениях армейских складов из-за напряженного положения с транспортом также лежали не включаемые в дело запасы боеприпасов. А все это, вместе взятое, искусственно снижало боеобеспеченность фронта в целом.

Требовалась твердая рука, чтобы навести в деле порядок. И ГАУ этим занималось. Во-первых, спустило в войска строгое указание (естественно, по линии командования), чтобы артиллеристы не оставляли на позициях неизрасходованные боеприпасы, а в любом случае забирали их с собой, Во-вторых, в силу своих возможностей помогало фронтам решать транспортную проблему.

В ходе войны сложился (и надо сказать, полностью себя оправдал) довольно четкий порядок отпуска боеприпасов фронтам. План этих поставок сверстывался, как правило, в группе Госплана при члене ГКО. Эту группу возглавлял неутомимый труженик и умелый организатор Н. А. Борисов, получивший впоследствии высокое звание Героя Социалистического Труда. Потребность заявлялась ГАУ. При этом мы и исходили из нужд фронтов, которые складывались из того минимума боеприпасов для месячного расхода, которые необходимы были фронту на каждую единицу оружия. Естественно, в первую очередь учитывалось положение фронта, то есть какую роль он на данном этапе выполнял. Карельский и Северо-Западный фронты в 1942-1944 годах, например, занимали довольно устойчивую оборону. Для них нормы одни. Ленинградский же фронт, хотя и получал часть боеприпасов за счет производства на предприятиях осажденного города, все равно нуждался в возможно больших поставках из центра, так как находился в невероятно трудных условиях блокады. В первую очередь ему нужны были боеприпасы тяжелых калибров, в основном пушечные, необходимые для контрбатарейной борьбы.

Я специально не говорю здесь о том, как обеспечивались нами операции крупных масштабов. Потому как речь сейчас идет лишь о том минимуме снарядов, который всегда должны были иметь фронты.

Начиная уже с 1942 года в отпуске боеприпасов для ряда калибров определился тот постоянный и разумный объем, с которым действующие войска вполне могли мириться. Но вот так называемых ходовых выстрелов требовалось все больше и больше. К ним относились снаряды для 76-мм полковых и дивизионных (они же и танковые) пушек, 122-мм гаубичные, 122-мм пушечные и 152-мм гаубично-пушечные выстрелы, 82-мм и 120-мм мины, реактивные снаряды М-13 и М-31. В числе 85-мм зенитных и танковых, а также 45-мм снарядов органически входили подкалиберные и бронебойные.

Кстати, до войны, кроме обычных бронебойных снарядов для 45-мм и 76-мм дивизионных пушек, других типов снарядов для противотанковой борьбы у нас не было. Лишь уже во время войны такие снаряды были созданы. Так, в апреле 1942 года был принят на вооружение подкалиберный снаряд к 45-мм противотанковой пушке. В том же году отработан кумулятивный снаряд для 76-мм полковой пушки. В 1943 году начато производство 57-мм подкалиберного снаряда и кумулятивного снаряда к 122-мм гаубице. В феврале 1944 года был принят на вооружение 85-мм подкалиберный снаряд, что резко повысило мощь противотанкового огня наших прославленных тридцатьчетверок, которые, как уже говорилось выше, именно в это время начали оснащаться 85-мм пушкой.

В общей сложности за период Великой Отечественной войны были отработаны и приняты на вооружение 12 новых видов бронебойных снарядов, а также подкалиберные бронебойные снаряды для 37, 45, 57, 76 и 85-мм артсистем. Не могу не отметить, что действие наших снарядов и мин у цели было, как правило, безотказным. Правда, были и отдельные случаи неразрывов, но это происходило лишь тогда, когда при установке взрывателей на фугасное действие снаряды попадали в глубокое болото или в какую-нибудь иную топь.

Не было у нас особых бед и с зарядами, то есть с гильзами. Их состояние тщательно проверялось при сборке артвыстрелов в стационарных снаряжательных цехах арсеналов ГАУ или в подвижных (железнодорожных) артиллерийских снаряжательных мастерских - ПАСМ. Гильзы с трещинами на дне или на стенках у дна к сборке не допускались во избежание прорыва газов через затвор во время выстрела. Ведь это могло повлечь за собой выход из строя орудия и, что самое главное, вызвать у расчетов чувство

неуверенности в надежности своего оружия.

И уже совершенно недопустимо было такое положение при стрельбе из танков. Здесь выход из строя орудия мог вообще привести к трагическим последствиям.

Повторюсь: наши боеприпасы были безотказными в действии как при выстреле, так и при разрыве. Между тем по докладам из войск процент неразрывов немецких снарядов наблюдался весьма значительный. Следовательно, производство выстрелов мы сумели наладить гораздо лучше, чем враг.

Качество мин тоже было очень высоким. Особенно если их корпуса изготовлялись из стали с механической обработкой. Эти мины имели некоторое преимущество перед минами из сталистого чугуна - лучшую кучность.

Качество наших винтовочных патронов, имевших разнообразные виды пуль, от обыкновенных до бронебойно-зажигательных, не вызывало никаких нареканий воинов. То же самое в отношении патронов к крупнокалиберным пулеметам и противотанковым ружьям. Хвалили они и ручные и противотанковые гранаты за их безотказность в бою. Все это также свидетельствовало о добротном производстве названных боевых средств, поставки которых ежемесячно выражались в сотнях миллионов штук.

Большую и довольно острую проблему для ГАУ представляло налаживание многократного использования стреляных снарядных гильз. Ведь они производились из крайне дефицитной латуни. А объемы выпуска боеприпасов были столь велики, что обеспечить все поставляемые с заводов снаряды новыми гильзами промышленность, конечно же, не могла. Вот почему приказом наркома обороны вскоре был установлен порядок обязательного возвращения с фронта на арсеналы ГАУ стреляных гильз.

Для поощрения в сборе гильз выделялись даже немалые суммы для премий. И следует сказать, что работники артиллерийского снабжения фронтов хорошо понимали нужду промышленности в гильзах. Поэтому принимали все зависящие от них меры для их сбора. И в этом деятельно помогали тыловые органы.

Гильзы на арсеналах ГАУ обновлялись, для чего существовал особый технологический процесс, а затем вновь шли на сборку готовых артвыстрелов. И получалось, что значительная их часть выдерживала... десятикратное использование! Легко понять, как это было ценно с экономической точки зрения.

Всего же на арсеналах ГАУ за годы войны было обновлено более шестнадцати тысяч вагонов гильз.

Непростым оказался и вопрос с укупоркой боеприпасов.

Количество ящиков, требовавшееся для их укладки и перевозки, превосходило подчас возможности нашей лесной промышленности. Сушилки не могли справиться с подачей огромного количества пиломатериалов определенного стандарта. Поэтому освобождающуюся на фронте укупорку тоже приходилось собирать и с железнодорожными порожняками возвращать на склады и базы ГАУ. Но и эта трудоемкая работа выполнялась успешно, возврат укупорки был достаточно большим, что во многом способствовало своевременному обеспечению отправки транспортов с боеприпасами на фронт.

Глава шестая. Ближе к войскам

При всей значимости работы в ГАУ я все же считал себя строевым командиром, место которому, конечно же, в войсках. И честно скажу, мне зачастую было в высшей степени обидно, что за боевыми действиями приходилось наблюдать как бы со стороны, из Москвы, а не являться их непосредственным участником.

И вот как-то уже летом 1942 года, когда поставки вооружения и боеприпасов приняли сравнительно устойчивый характер, я во время одного из докладов в Ставке попросил Верховного отпустить меня на фронт. Со стороны И. В. Сталина на это последовала неожиданно бурная реакция. Он враз нахмурился и довольно резко бросил: "Работайте, где работаете!" Распрощался сухо.

А в приемной Поскребышева меня остановили вышедшие вслед за мной из кабинета Верховного два члена ГКО и, перебивая друг друга, отчитали за бестактность по отношению к Сталину. Дескать, он, руководя фронтами, опирается в своей работе на центральный аппарат Наркомата обороны, а один из них, то есть я, еще смеет просить отпустить его на фронт, как будто бы Сталин занят чем-то другим, а не фронтами. И неужели я думаю, что здесь легче, чем там!

И тем не менее во время очередных докладов в Ставке я стал упрямо повторять, что для лучшей организации дела в ГАУ мне полезно собственными глазами взглянуть на боевое использование артиллерии. Сталин сначала сердился, отмахивался от меня, но в конце концов уступил.

В марте 1943 года я вместе с К. Е. Ворошиловым был послан на Волховский фронт. Этот фронт совместно с Ленинградским проводил как раз частную операцию. Она подготавливалась в довольно сложных погодных условиях, на трудной местности и имела скорее отвлекающий характер.

Расположились мы с Ворошиловым в поезде члена Военного совета Волховского фронта, который маскировался в выработанном песчаном карьере неподалеку от небольшой

станции. Точнее, станции, как таковой, уже давно не было: она сгорела. И все-таки фашисты бомбили эти пожарища едва ли не каждую ночь.

Еще в поезде, когда мы только ехали из Москвы, я проспал мертвым сном целые сутки. И теперь, отдохнув, был готов к любой самой напряженной работе.

Командовал Волховским фронтом К. А. Мерецков. Был он тогда весьма бодр, энергичен, то и дело вызывал: "Борода!" - такую фамилию носил его адъютант.

В войсках этого фронта мы с Ворошиловым пробыли несколько дней. А затем ночью на машинах проскочили мимо Синявинских высот в Ленинград.

В лунную мартовскую ночь город произвел на нас исключительное впечатление. Ведь это был город героических ленинградцев, не вставших на колени перед врагом и сейчас еще, после прорыва в феврале блокады, находившихся в весьма тяжелом положении. Ведь враг еще не был окончательно отогнан от его стен.

Ночные улицы фронтового города были пустынными и на удивление чистыми. Серебристый свет заливал широкие проспекты, площади. И мы, проезжая по ним, испытывали чувство гордости и радости за то, что колыбель Великого Октября по-прежнему прекрасна, живет и уже доказала врагу свою неприступность.

К. Е. Ворошилов, а вместе с ним и я побывали в 55-й армии, которой командовал бывший артиллерист генерал В. П. Свиридов. Добирались даже до некоторых НП командиров стрелковых дивизий. Один из них, помнится, располагался на пятом этаже полуразрушенного дома, и оттуда хорошо просматривалась оборона противника.

В штабе фронта долго беседовали с его начальником Д. Н. Гусевым. Кстати, этого генерала я знал и раньше, с 1934 года, когда он был еще командиром стрелкового полка. И теперь мы встретились как старые друзья. Гусев довольно оптимистически смотрел на дальнейший ход боевых действий, твердо веря в то, что сейчас все зависит лишь от тех средств, которые даст им Ставка, да еще от сроков.

Из той памятной поездки в Ленинград у меня в рабочем блокноте сохранились записи, содержанием которых и хочется сейчас поделиться.

Но начну, так сказать, с некоторого отступления.

Еще в ходе напряженных боев в январе - июне 1942 года войска Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов не только сковали вражескую группу армий "Север", облегчив действия Красной Армии в зимнем контрнаступлении под Москвой, но и окончательно сорвали план гитлеровского командования по захвату Ленинграда, соединению немецких и финских войск.

К тому же скованная здесь группа армий "Север" в ближайшее время не имела возможности возобновить наступление на Ленинград, поскольку все стратегические резервы и маршевое пополнение немецко-фашистских войск весной и в начале лета 1942 года перебрасывались на юг для подготовки и проведения главной операции на южном крыле восточного фронта. Тем не менее вынужденное прекращение активных действий Волховского и Ленинградского фронтов на любанском направлении, где наши войска не сумели ликвидировать группировку врага в районе Кириши, Любань, Чудово, и успех противника в деблокаде демянской группировки существенно осложнили обстановку для советских войск. На блокированной территории вокруг Ленинграда оставались 42, 55 и 23-я армии, приморская и невская оперативные группы Ленинградского фронта и Краснознаменный Балтийский флот.

Эти войска, естественно, нужно было снабжать вооружением, боеприпасами, продовольствием.

И снова позволю себе небольшое отступление. 9 сентября 1941 года, с занятием фашистами Шлиссельбурга и выходом их на южный берег Ладожского озера, были прерваны всякие сухопутные связи Ленинграда со страной. Ближайшими районами, через которые этот город мог еще как-то поддерживать связь с глубоким тылом, были те, что лежали восточнее Ладожского озера, отделенные от него и водным пространством озера, и Шлиссельбургской губой.

Но эти районы находились под постоянным воздействием как

немецкой авиации, так и дальнобойной артиллерии. И все же, несмотря на это, прерванный ледоставом подвоз грузов Ленинграду через Ладожское озеро был возобновлен. В ноябре - декабре 1941 года через Ладогу проложили автомобильную ледовую трассу, которая вошла в историю героической обороны города как знаменитая Дорога жизни.

Дорога жизни была единственным (естественно, если не считать воздушного) путем сообщения осажденного города со страной. По ней ГАУ отправило героическому Ленинграду только за первую зиму десятки тысяч единиц стрелкового оружия, около тысячи орудий и минометов, свыше полутора миллионов снарядов и мин. А всего до прорыва блокады туда было подано из центральных баз ГАУ 6208 вагонов (общепринятая тогда единица измерения) вооружения, боеприпасов и элементов выстрелов. И все это прошло по Дороге жизни на Ладожском озере{10} .

Подготовка к навигации 1942 года на Ладожском озере началась еще задолго до весеннего ледохода. Зимой приступили к сооружению новых причалов, пирсов и портов, подъездных путей к ним. Особенно большие работы в этом направлении велись на западном и восточном берегах Шлиссельбургской губы. Здесь возводились Осиновецкий и Кобоно-Кареджский порты. К началу навигации они уже имели многочисленные пирсы, довольно мощные железнодорожные узлы и были способны обеспечить перевалку поступавших для Ленинграда грузов и эвакуационные перевозки.

К весне Ладожская военная флотилия и Северно-Западное речное пароходство имели в своем составе 116 пароходов, барж, катеров и других судов общей грузоподъемностью 32 765 тонн. Но этого было все-таки мало. И тогда по решению ГКО развернулось строительство деревянных и металлических барж. Причем деревянные баржи строились на верфи, которая была создана на базе Сясьского целлюлозно-бумажного комбината, а металлические - на ленинградских судостроительных заводах. Всего в течение года было построено 31 деревянная баржа (грузоподъемностью в 350 тонн каждая) и 14 металлических (грузоподъемностью от 600 до 800 тонн). Кроме того, судостроительные заводы Ленинграда за это же время спустили на воду более 100 небольших (грузоподъемностью по 25 тонн) самоходных тендеров. Это уже было хорошей прибавкой к общему тоннажу действовавших на Ладоге плавсредств.

Навигация открылась в конце мая. Перевозки по Ладожскому озеру осуществлялись по так называемым малой и большой трассам. Малая (протяженностью 29 км) проходила от Кобоны до Осиновца; большая (протяженностью 150 км) - от Новой Ладоги

до Осиновца. Ежесуточный объем перевозок в Ленинград вначале был определен в 4,2 тыс. тонн. Но затем их довели до 7 тыс тонн.

Таким образом, артиллерийские части блокированного города-фронта стали получать значительно больше боеприпасов. В том числе и снарядов крупных калибров (по 5 тыс. ежемесячно). В борьбе с артиллерией противника появилась реальная возможность перейти от оборонительной тактики к наступательной, то есть начать контрбатарейную борьбу.

Контрбатарейной борьбой руководили командующий артиллерией фронта генерал Г. Ф. Одинцов, начальник штаба артиллерии фронта полковник Н. Н. Жданов, а также командующие артиллерией 42-й и 55-й армий генералы М. С. Михалкин и В. С. Коробченко, командующий артиллерией Балтийского флота контр-адмирал И. И. Грен. Много внимания ей уделяли и начарт РККА Н. Н. Воронов, командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров и член Военного совета фронта А. А. Жданов.

Фронтовая контрбатарейная группа, находившаяся в подчинении командующего артиллерией фронта, имела в своем составе 3 корпусных артиллерийских полка, пушечную артбригаду, морскую артиллерийскую железнодорожную бригаду и мощную артиллерию Балтфлота. В дальнейшем к контрбатарейной борьбе стали широко привлекать и авиацию фронта и флота. Она производила разведку расположения батарей врага, наносила по ним бомбардировочно-штурмовые удары, корректировала огонь нашей артиллерии.

Уже к июню 1942 года в контрбатарейной борьбе произошел резкий перелом в нашу пользу. Так, если до июня противник ежемесячно выпускал по городу 3-4 тысячи снарядов, то в июле - 2010, в августе - лишь 712...

27 апреля 1942 года у Вагановского спуска, откуда начинался путь по озеру из Ленинграда, появился большой щит с надписью: "Ледовая дорога закрыта". Да, в связи с начавшейся интенсивной оттепелью Дорогу жизни пришлось закрыть до следующей зимы. Но и в первую блокадную зиму Ладожская военная магистраль сослужила нам хорошую службу. Я уже упоминал о том количестве военных грузов, которые нам удалось перевезти по ней за это время. Добавлю лишь, что по Дороге жизни в ту сверхтрудную первую зиму в Ленинград шли войска и даже... бронетанковая техника! В частности, для усиления войск 54-й армии, входившей тогда в состав Ленинградского фронта, прибыли с полным вооружением 80, 115, 117, 198 и 256-я стрелковые дивизии, а также 124-я танковая бригада, имевшая на вооружении тяжелые танки КВ.

Помню, командир этой бригады полковник А. Г. Родин рассказывал, с какой тревогой он наблюдал, как под тяжестью боевых машин (танки шли со снятыми башнями и без орудий, их они тянули за собой на специальных волокушах) гнется и трещит ладожский лед. И все-таки танки прошли! И едва ли не с ходу вступили в бой.

Но вернемся снова в март 1943 года. Частную операцию Волховский и Ленинградский фронты провели тогда удовлетворительно. Но ее конца мне дождаться не пришлось, так как Сталин распорядился, чтобы я вернулся. С аэродрома под Тихвином вылетел в Москву.

В Ставке доложил о тех разговорах, которые вели со мной командующие обоими фронтами и начальники штабов.

Затем разговор зашел о предложении К. А. Мерецкова ввести в стрелковых войсках современных гренадер. Причем командующий Волховским фронтом предлагал создать из этих гренадер отдельные подразделения (в 1704 году по указу Петра I во всех пехотных и кавалерийских полках уже вводились гренадерские роты), вооруженные противотанковыми гранатами и ПТР.

- А зачем нам возвращаться в восемнадцатый век? - прохаживаясь по кабинету и рассуждая вроде бы сам с собой, говорил Верховный. - Возможно, Мерецкова привлекает громкое название-гренадер! А так... У нас ведь есть гвардейские части, ударные армии, бойцы которых тоже вооружены тем же, чем и предполагаемые гренадеры. - Остановился, пососал потухшую трубку и решительно закончил: - Нет, никаких гренадер! И вообще, к чему все эти фантазии?..

В июне 1943 года мне вновь было разрешено съездить в действующую армию. Но только теперь уже на Брянский фронт.

Здесь побывал в 61-й армии генерала П. А. Белова, ознакомился с действиями ее артиллерии в наступательной операции. Но особенно меня интересовал вопрос боевого применения артиллерийского корпуса прорыва под командованием П. М. Королькова. Поехал туда. Комкор встретил меня очень приветливо, ведь мы с ним были знакомы еще с 1931 года, когда вместе служили в IX корпусном артполку: я - командиром этого полка, а Корольков некоторое время - его начальником штаба.

Разговор у нас состоялся довольно предметный, мне удалось почерпнуть от своего бывшего сослуживца, прекрасного артиллериста, много интересного, поучительного. Хотелось бы побыть у П. М. Королькова еще денек-другой, но поджимали сроки командировки.

Следующим объектом моей работы стала 17-я артиллерийская дивизия прорыва, которой командовал в то время С. С. Волкенштейн, тоже хороший мой знакомый по совместной службе в Киевском Особом военном округе. Там Волкенштейн был сначала начальником артиллерии 6-го стрелкового корпуса, а уже перед самой войной - начальником 1-го артиллерийского училища.

Что я вынес из бесед с командиром 17-й артдивизии прорыва? Если выражаться коротко, то - гордость. Гордость за мощь нашей артиллерии. И еще - радость, что наконец-то она приобрела четкие организационные формы.

А что это давало на практике? Да то, что ударная мощь подобных артсоединений использовалась теперь значительно продуктивнее, чем было раньше, когда эта мощь дробилась, попадая подчас в положение бесхозного придатка. Сейчас же все дивизионы, входившие в состав бригад дивизии, управлялись не случайно назначенными командирами групп, а своими комбригами со штабами.

И наконец, командир артиллерийской дивизии был теперь полноправным хозяином соединения, знающим досконально уровень боевой готовности своих бригад, расстановку и деловые качества командного состава до дивизиона включительно. А это, согласитесь, немало. В этом - залог успеха в бою.

* * *

Ранней весной 1944 года мы вместе с Н. Н. Вороновым прибыли на Карельский перешеек, в армию, которой командовал заслуженный командир еще времен гражданской войны генерал А. И. Черепанов.

Еще до выезда сюда мы знали, что армия Черепанова хорошо укомплектована и снабжена всем необходимым для боя. А на месте убедились и в том, что ее полки и дивизии успели занять прочную, прекрасно оборудованную в инженерном отношении оборону.

Итак, оборона. По одну сторону - наши войска. И в частности, части и соединения армии генерала Н. А. Черепанова. По другую - финны, не проявляющие в данный момент особой активности.

Бывая на переднем крае и разглядывая в бинокль финскую оборону, я часто ловил себя на том, что мне просто-таки жалко тех солдат, что притихли в окопах на вражеской стороне. Во имя чего они воюют? Что их толкнуло стать соучастниками преступной блокады Ленинграда, города, носящего имя того самого человека, который едва ли не одним из первых декретов Советской власти подписал декрет о предоставлении государственной независимости Финляндии? Неужели они

забыли это? Неужели поверили в бредовую идею своих продажных правителей о "Великой Финляндии"?

Но это, так сказать, были мои мысли вслух. Таких минут раздумий имелось у нас с Вороновым крайне мало. Днем и ночью мы ездили по частям и соединениям армии, осматривали, прикидывали, беседовали с людьми. И пришли в конце концов к общему мнению, что на этом направлении положение наших войск прочное, от нас потребуется не так уж много усилий, чтобы обеспечить фронт необходимым вооружением и боеприпасами для окончательного разгрома финской группировки.

Во время этой командировки мне особенно запомнился командующий артиллерией Ленинградского фронта Г. Ф. Одинцов. Досконально знающий свое дело генерал, он благодаря разумной распорядительности и изобретательности смог и в тяжелейших блокадных условиях сохранить едва ли не всю артиллерию фронта, и сейчас даже имеющимися средствами создать если не полное превосходство, то, во всяком случае, заметное преимущество в мощи огня над вражеской артиллерией.

Да, побольше бы таких командующих!

И наконец, хочется рассказать о самой памятной поездке в сражающиеся войска.

Когда еще только определялись цели и задачи Белорусской наступательной операции 1944 года, Г. К. Жуков вдруг обратился к И. В. Сталину с просьбой отпустить меня вместе с ним на 1-й Белорусский фронт. Верховный, выслушав Жукова (разговор проходил в моем присутствии), нахмурился. Но, встретившись с моим умоляющим взглядом, махнул рукой и крайне неохотно согласился.

Так я оказался на 1-м Белорусском фронте в качестве помощника по артиллерии у представителя Ставки. Больше того, мои функции одновременно распространялись и на 2-й Белорусский. На 3-й Белорусский фронт поехал М. Н. Чистяков. Н. Н. Воронов остался в Москве.

Работать мне предстояло не в одиночку: на 1-м Белорусском фронте уже находилась небольшая группа специалистов из управления командующего артиллерией.

Не скажу, чтобы моим появлением на фронте остался доволен командующий артиллерией фронта В. И. Казаков. Уже при первой беседе я почувствовал в нем какую-то скованность. Его хмурое лицо как бы говорило: и зачем мне эта лишняя пара глаз из центра!

Зато командующий войсками фронта К. К. Рокоссовский и член Военного совета Н. А. Булганин приняли меня радушно.

Сразу же по приезде Г. К. Жуков провел обстоятельные

рекогносцировки, побывал на наблюдательных пунктах всех стрелковых дивизий ударной группировки фронта. С ним туда непременно выезжали Рокоссовский, Булганин, Казаков и я, а также соответствующие командармы.

В каждой из армий фронта вскоре были оборудованы довольно обширные макеты местности (для них, как правило, подбирались лесные поляны), на которых во всех деталях, показывался противник и положение наших войск. На этих макетах командармы А. В. Горбатов, П. Л. Романенко, П. И. Батов и А. А. Лучинский докладывали представителю Ставки свои решения на предстоящую операцию. Г. К. Жуков внимательно слушал и при необходимости вносил коррективы.

У первых трех командармов я побывал лично, занимаясь во вверенных им частях и соединениях вопросами планирования артогня, проверкой поступления транспортов с боеприпасами. А вот у Лучинского, к сожалению, не успел, ограничившись лишь телефонными разговорами с его командующим артиллерией.

Вскоре мы вместе с Жуковым побывали и на 2-м Белорусском фронте, где также проверяли ход подготовки войск к наступлению. Здесь потребовалось оказать помощь фронту в получении мощных артсредств, что и было сделано. Из резерва Ставки 2-му Белорусскому выделили дивизион 305-мм гаубиц, который командующий артиллерией фронта очень грамотно использовал в самом начале операции, хотя перед этим дивизион и принес ему много хлопот при скрытом развертывании.

На 2-м Белорусском фронте мною были согласованы и совместные боевые действия артиллерии с авиацией фронта, которой в то время командовал К. А. Вершинин. Теперь оставалось ждать только времени "Ч".

* * *

Итак, все было готово к началу грандиозного наступления наших войск. Перед началом его мы с Г. К. Жуковым вновь вернулись на 1-й Белорусский фронт и обосновались на НП 3-й армии генерала А. В. Горбатова, которой была поставлена задача наносить главный свой удар на бобруйском направлении.

23 июня 1944 года в предрассветных сумерках началась наша мощная артиллерийская подготовка. В первый же день операции успех обозначился на левом крыле ударной группировки войск фронта. У нас же, в 3-й армии, все еще шли тяжелые бои по овладению траншеями противника. Сказалась плохая работа разведки, в свое время и до конца не выявившей систему огня противника. И теперь враг имел возможность оказывать частям и соединениям армии довольно упорное сопротивление.

Командующим артиллерией 3-й армии был генерал И. Н.

Семенов. Его личная подготовка не вызывала каких-либо сомнений. Вот и сейчас со своего НП, оборудованного на высоком дереве, он, наблюдая в стереотрубу, умело руководил артогнем, его переносами.

В этой обстановке командарм А. В. Горбатов, человек, прошедший уже немалый армейский путь и хорошо понимавший всю сложность ратного труда, вел себя сдержанно, пожалуй даже спокойно. И в этом спокойствии чувствовалась его твердая уверенность в том, что командиры корпусов, дивизий и полков его армии, несмотря ни на что, достойно выполнят свой воинский долг. Поэтому старался не особенно-то тревожить их телефонными звонками, а терпеливо ждал дальнейшего развития событий.

Г. К. Жуков тоже ничем не выдавал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а, прогуливаясь по рощице, в которой располагался НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о боевой обстановке в целом на фронте и у соседа - в войсках 2-го Белорусского фронта. Так же выдержанно он вел себя весь день, вечер и ночь, а потом даже и следующий день. Такому хладнокровию можно было только позавидовать.

Но затем усилия 3-й армии с согласия Жукова были соответственно скорректированы, и 26 июня обозначился успех и в ее полосе наступления.

Поскольку ход боевых действий наших войск в Белорусской стратегической наступательной операции уже многократно освещался во многих трудах ее участников, мне, думается, нет нужды еще раз повторяться. Расскажу лишь о том, что особенно резко запечатлелось в памяти. Это - действия нашей бомбардировочной авиации.

Помнится, на третий день боевых действий, во второй половине его, при совершенно безоблачном небе свыше сорока наших бомбардировщиков начали волнами выходить к дамбе, ведущей к переправе через Березину. К ней как раз хлынули отступавшие немецкие войска. Вот бомбардировщики и стали ссыпать свой смертоносный груз на эту массу людей и техники. Что там начало твориться! Скажу только, что по этой дамбе потом было не только проехать, но и пройти в освобожденный Бобруйск нелегко, настолько она была усеяна трупами и покореженными, сгоревшими машинами, танками, орудиями... Со взятием Бобруйска мне следовало переехать на левое крыло фронта, под Ковель, где тоже намечалось горячее дело. Такое пожелание высказал накануне Г. К. Жуков.

Но едва я собрался в путь, как Жуков снова позвонил и сообщил, что мне приказано немедленно вернуться в Москву.

Начал было уже горевать, что в действующие войска больше не попаду, как буквально через неделю И. В. Сталин сам предложил мне побывать на 3-м Прибалтийском фронте. Пояснил: туда уже отправился С. М. Штеменко, мне же следует, как и раньше, подготовить артиллерию фронта к проведению утвержденной Ставкой операции.

По дороге к месту назначения заехал на КП командующего 2-м Прибалтийским фронтом А. И. Еременко. Его войска тоже готовились к переходу в наступление. Лично у Еременко выяснил нужды фронта. Затем обстоятельно побеседовал с командующим артиллерией фронта П. Н. Ничковым. Совместно составили заявку на дополнительные поставки боеприпасов, средств материально-технического обеспечения (естественно, в разумных пределах) и отправили ее в ГАУ моему заместителю. И - снова в путь.

Командующий 3-м Прибалтийским фронтом И. И. Масленников встретил меня очень приветливо. Тут же представил командующего артиллерией фронта С. А. Краснопевцева. Он мне понравился: прекрасно подготовленный артиллерист. Хотя кое-что в его проектах планов пришлось подкорректировать. Словом, едва ли не с первых минут с головой ушел в дела подготовки артиллерии фронта к предстоящей операции.

К сожалению, и с этого фронта меня вскоре вновь отозвали в Москву. И потом уже больше не отпускали в действующую армию.

Я сознательно в очень общей форме рассказал о своих выездах на фронты. Думается, не стоит во всех подробностях (тем более называя фамилии конкретных людей) обрисовывать те формы и методы, с помощью которых приходилось подчас приводить в чувство эдаких любителей барабанной орудийной канонады или же тех, кто любыми путями хотел "отоварить" свою заведомо завышенную заявку, чтобы иметь на всякий случай "запасец" боеприпасов и вооружения. Скажу только, что истинные нужды фронтов нами всегда удовлетворялись. И этим мы вносили и свою лепту в успехи сражающихся войск.

Глава седьмая. Военная приемка

Как я уже упоминал выше, безотказность в бою вооружения и боеприпасов обеспечивалась как ОТК заводов, так и военной приемкой ГАУ. Теперь же хочу остановиться на этом подробнее.

Для начала поясню, что в массовом производстве, а тем более по некоторым видам вооружения (и особенно боеприпасам, производившимся на разных заводах), при изготовлении требовалось строжайшее соблюдение указаний технической документации, утвержденной для данного образца уже после его испытаний. Вот за этим-то и следили как заводской ОТК, так и

наша военная приемка.

И еще считаю необходимым напомнить следующее. При поставке боеприпасов десятки заводов нашей оборонной промышленности изготовляли (причем каждый по своему профилю) просто элементы выстрелов. К ним относились корпуса снарядов, гильзы, взрыватели, заряды, капсюльные втулки и тому подобное. А вот комплектация их, то есть сборка выстрелов (кроме патронов и малокалиберных снарядов), производилась в основном на арсеналах и базах ГАУ.

Сам процесс такой сборки требовал, естественно, и соответствующего технологического оборудования. И еще - значительного количества хорошо подготовленных рабочих. Ведь нужно прежде всего помнить, что это было взрывоопасное производство, где один неверный шаг мог привести к роковым последствиям. А работали на арсеналах и базах ГАУ в основном женщины. Поэтому перед местной военной приемкой стояла еще задача в возможно короткий срок обучить их нелегким и опасным специальностям. И надо сказать, что наши люди из базовой и арсенальской приемки с этой задачей справлялись хорошо.

Не подводила нас и военная приемка, находившаяся непосредственно на заводах. Элементы выстрелов, производимые на них, причем подчас с разным уровнем технологического оборудования, все равно полностью соответствовали утвержденным техническим условиям и чертежам. Так что при сборке снарядов у нас никогда не возникало недоразумений.

Такое положение было достигнуто благодаря организации еще в предвоенный период разумной отработки, хранения и размножения технической документации как на вооружение, так и на боеприпасы. Во-первых, как я уже упоминал, все утвержденные на данный образец чертежи (кальки) хранились на специальной базе ГАУ. А уже отсюда в виде синек рассылались на все заводы, в том числе и на новые, временно переключаемые на военное производство. Там, на заводах, никто не имел права вносить какие-либо изменения в полученные чертежи без ведома конструкторов и ГАУ. Вот этим-то и достигалось полное соответствие тех или иных элементов (а нередко и их взаимозаменяемость при сборке) чертежу. А следовательно, обеспечивалась безотказность вооружения и боеприпасов в бою.

Думается, что эта оправдавшая себя в годы войны практика заслуживает внимания и в настоящее время. С учетом, естественно, более сложной современной военной техники.

Сразу скажу, что наша военная приемка была наделена исключительно широкими полномочиями и большими правами. Ведь она занималась приемкой изделий не только по количеству,

но и по качеству, то есть контролировала на предприятиях оборонной промышленности точное выполнение технологической дисциплины, следила за своевременным научным и техническим совершенствованием военной продукции, за систематическим улучшением производства, за внедрением в него прогрессивных методов труда.

Она же контролировала выполнение заданий по снижению себестоимости производимой на заводах продукции, проводила проверку предварительных и отчетных калькуляций.

Санкции военной приемки тоже были довольно строгими. Например, в случае нарушений соответствующей технологии или отступлений от утвержденных чертежей она имела право прекращать приемку, то есть останавливать производство. Могла оказывать на руководство заводов и финансовый нажим, если те по каким-либо причинам отклонялись от заранее оговоренных технических и экономических условий. Но, к счастью, причин для применения военной приемкой подобных санкций почти не возникало. Ведь и руководство заводов знало, к чему могут привести в бою любые нарушения утвержденной (а следовательно, уже и апробированной в условиях, близких к фронтовым) технологии.

* * *

В зависимости от степени отработки конструкций и технологического процесса в годы войны была введена так называемая литерная оценка. Она подразделялась на чертежи литеры "А" и чертежи литеры "Б". Вся документация (чертежи, технологический процесс и т. д.), отработанная по литере "Б", подлежала утверждению наркомом промышленности и наркомом обороны (практически же это делалось ответственными руководителями наркоматов в Наркомате обороны - ГАУ). Вот в документацию-то по литере "Б" руководство заводов и не имело права вносить никаких изменений и поправок без разрешения ГАУ и наркоматов оборонной промышленности.

Но, естественно, не по всем видам военной продукции отработка документации доводилась до литеры "Б". Это было, например, нецелесообразно делать в отношении той продукции, которая изготовлялась не в крупных сериях, а лишь партиями, в которые вносились какие-либо новшества. То же самое - если производимая продукция являлась составной частью другой военной техники, которая при первичном выпуске вообще не доводилась до состояния литеры "Б" (например, те же САУ не доводились до литеры "Б", так как они сравнительно быстро морально устаревали).

Следовательно, до литеры "Б" доводились в обязательном

порядке лишь массовые виды оружия (винтовки, пулеметы, автоматы, пушки малого и среднего калибра и т.п.), к которым военной приемкой предъявлялись исключительно высокие требования. В частности, она требовала стабильности качества, стандартности, высокой взаимозаменяемости изделий в целом и по всем узлам и деталям без исключения.

Не могу не отметить, что в военной приемке работали в высшей степени квалифицированные и объективные люди. Неподходящие работники в нее не допускались. А если они каким-то чудом и попадали сюда, то от них немедленно избавлялись.

Но что греха таить, не всегда и не все руководители промышленности правильно понимали значение военной приемки. Иной раз можно было услышать такие суждения, что военная приемка, мол, излишне усложняет производство, даже сдерживает, дескать, выпуск продукции. Но так ли это? Чтобы можно было получить исчерпывающий ответ на этот вопрос, приведу такой пример.

Один из наших артиллерийских заводов за годы войны дал фронту тысячи дивизионных, танковых и противотанковых пушек. Возглавлял его Герой Социалистического Труда А. С. Елян, один из крупнейших организаторов производства, высококвалифицированный и энергичный человек.

Но в один из периодов А. С. Елян, к сожалению, переоценил и себя, и возможности действительно прекрасного заводского коллектива. Короче говоря, он поставил перед ЦК ВКП(б) вопрос о снятии с его завода военной приемки. Мотивировал свою просьбу тем, что возглавляемый им коллектив, дескать, настолько квалифицированный и сознательный, что сам может взять на себя полную ответственность за качество выпускаемой продукции. Ну а военная приемка... Она-де лишняя инстанция на заводе, которая мелочными придирками сдерживает выпуск продукции. А с ее снятием Елян обещал, не снижая качества, увеличить выпуск вооружения, даже снизить его себестоимость.

Доводы директора завода звучали вроде бы убедительно, и военную приемку от него отозвали. И что же? Почти сразу же на завод пошли рекламации на низкое качество продукции. Пришлось выслать туда компетентные комиссии. Расследование причин брака показало, что аппарат ОТК завода не справился со своими задачами.

Пришлось Еляну бить, как говорится, отбой, вновь просить к себе военную приемку. С тех пор разговоры о "ненужности" военной приемки прекратились.

Военпреды ГАУ были и при конструкторских бюро. Здесь они

строго наблюдали за процессом отработки опытных образцов вооружения от их аванпроекта до конца всех видов испытаний. Ведь было очень важно, чтобы создаваемый образец от самой начальной стадии разработки точно соответствовал тактико-техническим требованиям, утвержденным правительством.

И еще. Он должен был соответствовать и технологии производства, тем техническим возможностям, которыми реально располагал завод, который предназначался затем для валового производства. Ведь это тоже ускоряло организацию массового выпуска вооружения.

А теперь представим себе такую картину. Вот заводы (будем иметь в виду по производству боеприпасов) выпустили свою продукцию, ее качество (элементы выстрелов) строго проконтролировала военная приемка. А дальше? Дальше слово, естественно, предоставлялось транспортникам. Ведь заводскую продукцию нужно еще куда-то перевезти.

Да, четко работавший транспорт был важнейшим звеном во всей нашей работе. ГАУ и ВОСО совместно с представителями Наркомата боеприпасов всегда очень детально отрабатывали план перевозок элементов выстрелов с заводов. Ведь изготовленные корпуса снарядов надо было вначале доставить на снаряжательные заводы Наркомата боеприпасов, а уже затем, снаряженные взрывчатыми веществами, отправить на арсеналы ГАУ, где происходил уже описанный выше процесс сборки выстрелов. Забот и хлопот хоть отбавляй.

К тому же планировать перевозки надо было так, чтобы элементы для сборки не шли, как говорится, в куче, а по калибрам, причем именно на те арсеналы, на которых эти калибры собираются. О сроках же доставки говорить вообще не приходится.

Но вот боеприпасы собраны. Наступал следующий этап - доставка их на фронт. А это было ой как нелегко! Ведь на подходе к фронтовым станциям железнодорожные составы часто подвергались налетам вражеской авиации. К тому же и подавать сюда составы приходилось, как правило, в ночное время. Следовательно, от железнодорожников требовалось и незаурядное мужество, и мастерство.

И они проявляли и это мужество, и это мастерство. Поэтому-то потери вооружения и боеприпасов при транспортировке за всю войну (по отношению к общему количеству, доставленному в действующую армию) были минимальными.

Конечно, сюда не входят потери при их перевозках в сражающиеся полки и дивизии автомобильным и гужевым транспортом. Но и в этих случаях вследствие принимаемых

командованием мер они также оказывались незначительными.

Как уже говорилось выше, военная приемка должна была строго следить за качеством выпускаемого заводами вооружения. Но подчас ей приходилось мириться и с тем обстоятельством, что через ее контроль беспрепятственно проходило заведомо непригодное к бою оружие. Поясню свою мысль. Речь здесь идет о таком оружии, как, например, 37-мм миномет-лопата, опрометчиво (во всяком случае, вопреки мнению ГАУ) принятый в июле 1941 года к производству. К счастью, выпускался он недолго, всего где-то около двух месяцев. Фронтовая обстановка сама подсказала, что этот миномет малоэффективен в бою.

50-мм ротный миномет уже на первом году войны тоже показал себя довольно заурядным оружием. Дальность его огня, составлявшая всего несколько сот метров, заставляла расчет миномета сближаться с противником на предельно малые расстояния. А это, в свою очередь, приводило к демаскировке стреляющих, поражению их врагом даже из стрелкового оружия.

В результате вышеназванных причин 50-мм ротный миномет также не пользовался особой симпатией в войсках и все реже и реже применялся в бою. Нам в Главном артиллерийском управлении следовало вместе с наркомом минометного вооружения поломать голову, чтобы заменить это неэффективное оружие другим, более мощным.

А вот 82-мм миномет показал себя в боевой обстановке с самой лучшей стороны и использовался нашими войсками довольно широко. Об этом говорит хотя бы такой факт, что только за один июль 1943 года расход 82-мм мин превысил расход таких мин за все первое полугодие войны!

Да, в войсках полюбился 82-мм миномет. Но вскоре к нам начали поступать тревожные доклады о несчастных случаях с расчетами этих минометов в бою. Особенно при ведении из них беглого огня. Заботой ГАУ явились поиски такого приспособления к 82-мм миномету, чтобы сделать его совершенно безопасным для расчетов.

Но отчего происходили эти несчастные случаи? Для начала порассуждаем вот о чем. Например, в артиллерийских системах устройство затворов таково, что с момента нажатия на педаль (или дерганья за шнур) спуска и до выстрела, то есть до вылета снаряда из канала ствола, замковый номер не сможет даже при желании открыть клин затвора. Поэтому-то при любом темпе артиллерийского огня орудийные расчеты действуют без малейшего опасения каких-либо несчастных случаев по вине материальной части или боеприпасов.

Правда, единственной опасностью для них являются

посторонние предметы, могущие оказаться перед дульным срезом стволов орудий. В частности, высокий кустарник или ветви деревьев. Вот в этих случаях взрыватель осколочнофугасного действия может вызвать преждевременный разрыв снаряда при вылете его из канала ствола орудия.

Естественно, пострадает расчет.

Здесь выход может быть один: командиру орудия необходимо более тщательно выбирать огневую позицию. И первым делом расчищать ее, заранее устранив все помехи перед дульным срезом ствола.

У минометов же такого клина затвора, как известно, не существовало. Здесь заряжающий по команде "Огонь" просто опускал сверху мину в ствол. И если стрельба, к примеру, минометной батареи велась в нормальном темпе, то есть особой спешки в заряжании не было, то все шло благополучно.

Но совсем другое дело, когда та же минометная батарея в особо горячие периоды боя получала приказ перейти на беглый огонь. В этой ситуации оглушающий шум боя, к тому же и частые выстрелы своей батареи сливались в общий грохот. Вот тут-то командиру минометного расчета нужно было смотреть в оба. Ведь не уследи он момент выстрела, и может произойти двойное заряжание миномета, следствием чего явится разрыв в стволе миномета двух мин. А за этим - почти верная гибель расчета.

Да, такие случаи, к сожалению, имели место. Но нас о них подчас не информировали. И это происходило вовсе не из-за того, что командование на местах пыталось скрыть факты ЧП. В горячке боя далеко не всегда было возможно установить истинную причину случившейся трагедии. Ну а подрыв миномета и гибель его расчета... Все это, как правило (и вполне искренне), относили к прямому попаданию вражеского снаряда.

Такое наведение истинных причин происходившего продолжалось до тех пор, пока один из чудом оставшихся в живых командиров расчета не рассказал о случае двойного заряжания. Тут уже по всем инстанциям забили тревогу. Доложили, как уже говорилось, и в ГАУ.

Меры были приняты незамедлительно. В частности, по нашей заявке конструкторы в короткий срок отработали некое съемное приспособление к дульной части 82-мм и 120-мм минометов. Суть его кратко заключалась в том, что после выстрела на наружной части ствола миномета появлялся указатель, свидетельствующий о том, что выстрел произошел.

Этим указателем в первую очередь предупреждался заряжающий. Именно он должен был следить за появлением такого указателя. И если его не было, то это говорило о том, что

миномет заряжать еще нельзя - в его стволе мина.

Кстати сказать, созданное нашими конструкторами приспособление было несложным. Но оно сделало наши минометы более надежными при боевом применении.

Хочу добавить, что на трофейных минометах мы страхующих приспособлений от двойного заряжания не замечали. Видимо, мысль вражеских конструкторов работала хуже, чем мысль наших.

* * *

Не могу не отметить такого прискорбного факта, что наши войска были довольно плохо обеспечены таким, например, оружием, каким являлся у немцев фаустпатрон.

А ведь он прекрасно зарекомендовал себя в противотанковой борьбе.

Но буду самокритичен: ГАУ, а следовательно, и я, как его начальник, не проявили должной настойчивости, чтобы доказать боевую ценность подобного рода противотанковых средств.

Правда, в 1942 году у нас появилась так называемая шомпольная граната. Но дальность стрельбы ее была невелика, да и точность попадания невысока. И все-таки именно в этой гранате, думается, нужно было увидеть те направления, которые при соответствующей доработке могли привести к созданию мощного противотанкового средства.

Однако весь ход обсуждений, проходивших в Ставке едва ли не с первых недель войны, сводился к скорейшему созданию прежде всего противотанковых ружей. Осенью 1941 года, например, было принято решение в кратчайшие сроки наладить производство трофейного 7,92-мм немецкого противотанкового ружья. И это было сделано, несмотря на труднейшее положение в нашей промышленности. Сделано, но в совершенно недостаточных количествах.

Одновременно появились и отечественные 14,5-мм противотанковые ружья. И хотя по весу они значительно превосходили немецкие, зато по калибру патрона, да и по дальности прямого выстрела, оказались гораздо мощнее,

Затем пошли рассуждения о ценности подкалиберных и кумулятивных снарядов, дававших возможность на сравнительно больших дальностях вести борьбу с фашистскими танками. Но все это было не то, не то! Такие снаряды - это хорошо. Но ведь речь должна была идти о более мощных средствах ближнего боя!

Повторяю, в ГАУ не нашлось активных сторонников таких средств противотанковой борьбы, как фаустпатрон. Считалось, что коль скоро в войсках из-за малой дальности не пользуется популярностью даже 50-мм миномет, то зачем, дескать, создавать

наряду с ПТР еще какое-то средство ближнего боя. К тому же, мол, есть и противотанковые гранаты.

В итоге у нас так и не было создано оружия, подобного тому, которое имелось у противника. А ведь враг, повторяю, очень эффективно, особенно в последние месяцы войны, применял фаустпатроны и против танков, и в боях в населенных пунктах.

Конечно, ссылки на кого-либо теперь, спустя десятилетия после окончания войны, надо признать несостоятельными. В первую очередь ГАУ и я, его начальник, не проявили в данном случае должной предусмотрительности, дальновидности.

Глава восьмая. В тесном содружестве

Соразмерно с масштабами войны расширялись и функции ГАУ. Едва ли не с первых дней сражения на нашем, как говорится, балансе оказались, например, и Войска противовоздушной обороны страны. Кроме обычного стрелково-пулеметного вооружения мы снабжали их 25, 37 и 85-мм зенитными орудиями, а также боеприпасами к ним, радиолокаторами, прожекторами, оптическими приборами и, наконец, даже аэростатами заграждения.

Да, этот вид Вооруженных Сил требовал от ГАУ постоянной заботы. И я хочу без преувеличения сказать, что буквально все потребности ПВО за время войны неукоснительно удовлетворялись. И командующий ПВО генерал М. С. Громадин, и Военный совет ПВО особых претензий к ГАУ не имели.

Военно-Морские Силы, начавшие уже с 1941 года формирование морских бригад и, кроме того, нуждавшиеся в прикрытии ряда портов зенитными средствами, тоже требовали (в немалом количестве) тех образцов вооружения, которыми ведало ГАУ. Помнится, заместитель наркома ВМФ и начальник его артиллерийского управления были довольно частыми посетителями ГАУ.

Хочу особо подчеркнуть воспитанность этих адмиралов, их большую скромность. Прекрасно понимая все сложности и трудности с обеспечением вооружением и боеприпасами, они "торговались" в ГАУ терпеливо и корректно. И честно скажу, что подчас именно поэтому мы старались во всем помочь нашим доблестным морякам.

Вопросы оказания помощи со стороны наших западных союзников ГАУ в годы войны практически не занимали. Хотя я, как начальник Главного артиллерийского управления, и был назначен в конце 1942 года заместителем по боевому снабжению члена ГКО А. И. Микояна, который ведал тогда и внешней торговлей. Но все равно поставки ленд-лизу полностью входили в компетенцию Микояна.

А эти поставки подчас были просто абсурдными. Однажды, например, не знаю уж из каких таких соображений и по чьему заказу, из США была поставлена довольно крупная партия 40-мм зенитных орудий. Но к моменту их доставки завод Наркомата вооружения, дававший хорошие 37-мм зенитные пушки, перед этим эвакуированный на восток, уже на новом месте наладил свое производство. Таким образом, в 40-мм американских зенитных пушках просто уже не было нужды. А тут прислана целая партия!

Забегая вперед, скажу, что из всей этой партии в деле были использованы лишь единицы. Остальные же бесцельно простояли всю войну на базах ГАУ.

* * *

Особое значение для деятельности ГАУ имели связи с органами тыла, во главе которых стоял генерал А. В. Хрулев. Андрей Васильевич отличался высокой трудоспособностью, неистощимой энергией, всегда оперативно решал все возникавшие вопросы.

А их оказалось немало. Как я уже упоминал в предыдущей главе, шел колоссальный поток грузов, в частности вооружения и боеприпасов. И все эти перевозки надо было спланировать, согласовать.

План на формирование транспортов ГАУ отрабатывало совместно с Управлением военных сообщений. Кстати, вначале это управление подчинялось непосредственно Генштабу. Но затем было передано в подчинение Начальнику тыла, то есть А. В. Хрулева. И Андрей Васильевич сумел так нацелить работу ВОСО, что его начальник И. В. Ковалев совместно со своим аппаратом (будучи, естественно, тесно связан с НКПС) всю войну безотказно обеспечивал ГАУ транспортом.

Работники ГАУ были постоянными представителями в ВОСО, поэтому-то мы всегда и имели исчерпывающие данные о том, где на любой час находятся те или иные транспорты, когда они прибудут на разгрузочные станции фронтов. Но это о наших связях с органами тыла и транспорта. Вернемся же теперь снова, так сказать, к внутренней жизни и деятельности ГАУ.

В начале главы я уже говорил, что функции ГАУ непрестанно расширялись. Количественно рос и его аппарат. За годы войны в наш состав вошло, например, управление заказов и производства реактивных систем ("катюш"), выведенное из подчинения командования гвардейских минометных частей. Из ВВС нам переподчинили управление воздухоплавания, а от командующего бронетанковыми войсками - тракторное управление. Передача всех этих управлений, конечно же, усложнила работу ГАУ,

принесла немало новых забот. Но к чести начальников принятых к нам управлений, они довольно быстро вошли в общий ритм работы нашего ведомства, нашли свое место в уже сложившемся, очень опытном, технически квалифицированном коллективе ГАУ. И это было отрадно. Ведь мне, честно говоря, не хватило бы никакого времени для ввода в строй "новичков".

Конечно, мне большую помощь оказывали заместители. Я уже упоминал этих людей - исключительно трудолюбивых, с высоким чувством ответственности за порученное дело. Это они освобождали меня от массы текущих дел, в общем-то и не требующих моего личного вмешательства. Но есть ведь люди с такой психологией: с любой мелочью, но только - к начальнику! Вот от них-то мои замы и освобождали меня. Поэтому основное время я и мог посвящать главному - связям с промышленностью.

Сразу скажу, что уже за первые несколько месяцев войны я познакомился с сотнями до той поры неизвестных мне людей, занимавших довольно ответственные посты как в промышленности, так и в армии. Ведь куда только не приглашали, где я только не побывал! С наркомами оборонной промышленности встречался едва ли не каждый день. Часто заходил в Госплан, был на приемах у членов ГКО, так как каждый член ГКО обязательно чем-то ведал в народном хозяйстве и у него надо было отстаивать интересы своего ведомства, каковые в конечном счете были все же интересами фронта.

Справедливости ради надо сказать, что отношение членов ГКО к Главному артиллерийскому управлению было безупречным. Первое время, правда, меня удивляла (потом привык) их реакция на запросы и звонки по телефону, Бывало, позвонишь - члена ГКО нет на месте. Но можно было быть уверенным, что, когда он появится, обязательно позвонит тебе сам. Такого я не знал по своей службе в довоенное время. А ведь члены ГКО одновременно были и членами Политбюро ЦК ВКП(б), так что дел у них хватало и без меня.

Такой же порядок был и у наркомов. И это постоянное внимание создавало ту деловую обстановку, когда работа спорилась.

* * *

До войны да и едва ли не в первые два ее года наша армия не имела самоходной артиллерии. Среди руководящих военачальников Наркомата обороны были разногласия в определении основных средств, необходимых для борьбы с танками врага. Артиллерийские начальники настаивали на приоритете артиллерии. Начальники бронетанковых войск - на приоритете танков. Теперь это, конечно, уже прошлый спор. Но

именно он привел к тому, что, несмотря на тревожную обстановку, еще более усугубившуюся с середины 30-х годов, наша артиллерия в стрелковых дивизиях так и осталась с 45-мм и 76-мм орудиями на конной тяге.

Вопросы механической тяги для артиллерии перед войной, а тем более в ходе ее являлись одними из самых злободневных. Повторяю, дивизионная артиллерия имела лишь конную тягу. Надежность ее была низкой. Почему? А давайте поразмыслим. Превосходство немецкой авиации над нашей в первый период войны было подавляющим. О причинах такого положения рассказывать, думается, не стоит: они и так уже достаточно глубоко раскрыты в официальных трудах по истории Великой Отечественной войны. Скажу только, что в этих условиях конная тяга оказалась довольно уязвимой. Требовалось заменить ее в кратчайшие сроки другими средствами. И ими на первых порах явились обычные колесные автомашины.

Но проходимость таких тягловых средств вне дорог с твердым покрытием была, конечно же, невысокой, а надежность незначительной. Специальных же машин трехосного автомобиля ЗИС-6, а тем более полугусеничного ЗИС-42 - было крайне мало. А то количество машин, которое все же имелось, не могло полностью заменить собой конную тягу.

Специальных артиллерийских тягачей тоже недоставало. Даже такие маломощные, как "Ворошиловец", "Коминтерн" и "Комсомолец", созданные в тридцатых годах, мы имели в весьма ограниченных количествах. Поэтому приходилось, как говорится, пускаться во все тяжкие, приспосабливать под тягачи для орудий даже тракторы ЧТЗ-65, а иногда и ЧТЗ-60!

Но что было делать? Наша страна, энергично развивая в довоенное время тракторостроение, заботилась в соответствии с решениями партии в первую очередь об оснащении ими сельского хозяйства. А решить полностью за две с небольшим пятилетки такие разносторонние задачи, как оснащение сельского хозяйства тракторами, а армии - специальными арттягачами в требуемых для этого количествах, было, конечно же, нам не под силу. Поэтому, хотя жалобы старших артиллерийских начальников на необеспеченность тягачами (я опять же имею в виду довоенный период) и были обоснованны, все же нельзя было не учитывать и народнохозяйственные нужды.

А тут грянула война, к этому времени еще не во всем имелся нужный достаток, в том числе, к сожалению, и в механической тяге для артиллерии.

И совсем по-иному был решен этот вопрос у противника. Немецко-фашистские захватчики, разгромив западноевропейские

армии и оккупировав территорию почти всей Европы, получили в качестве трофеев всю механическую тягу этих армий. Но самое главное - возможность производить ее на заводах порабощенной Европы. Естественно, что той нужды, которую мы испытывали в механической тяге, гитлеровская армия не знала.

Итак, дивизионная артиллерия вступила в войну на конной тяге. И перевести ее на механическую, особенно в тяжелейшем 1941-м и даже в 1942-м году, было весьма сложно. Но мы искали и находили выход. Правда, импровизациям не было конца.

И только уже с 1943 года в войска пошел специальный быстроходный артиллерийский тягач Я-12. Но пошел, вполне понятно, не в таком уж большом количестве, чтобы разом свести на нет проблему. В целом муки ГАУ с мехтягой были неописуемыми, данная проблема оставалась одной из нерешенных едва ли не до самой победы. Вот на этом-то фоне я хочу рассмотреть вопрос о самоходной артиллерии.

Начну с того, что в ходе боев резко обострилась и без того крайняя нужда в непосредственной поддержке пехоты артиллерийским огнем. Воины 45-мм противотанковых батарей, 76-мм и 122-мм батарей дивизионной артиллерии делали все от них зависящее, чтобы справиться с этой задачей. Но конная тяга являлась довольно уязвимой для вражеского огня на поле боя. И танки противника, которые им широко применялись, во многих случаях не встречали с нашей стороны должного отпора.

Не могли в полной мере поддержать пехоту и наши "бэтушки". А танков Т-34 было еще крайне мало.

Но и это еще не все. Ведь вполне понятно, что наши танки на поле боя и сами подвергались артогню как со стороны танков противника, так и его артиллерии. И следовательно, тоже нуждались в огневой поддержке. Да и атаки нашей пехоты из-за отсутствия своевременной поддержки артогнем то и дело захлебывались. Возникла острейшая необходимость в артиллерии сопровождения как пехоты, так и танков на поле боя.

Но вновь появились разные мнения относительно того, как штатная батальонная, полковая и дивизионная артиллерия должна сопровождать пехоту и танки при атаке, а также при бое в глубине. В любом случае для этого нужна была артиллерия повышенной проходимости и с более надежной защитой орудийных расчетов от огня противника. Ну хотя бы стрелково-пулеметного. А ею могла стать только самоходная артиллерия.

Но в противовес этому от некоторых артиллеристов исходили такие суждения. Ведь если противник, говорили они, подобьет тягач, буксирующий пушку, то его можно легко заменить другим, и орудие вновь будет способно вести бой. А вот если враг поразит

самоходку, допустим, даже только ее ходовую часть, то она дальше уже действовать не сможет. Следовательно, нужна ли самоходная артиллерия?

Подмечу, что вопрос о том, где же брать тягачи вместо подбитых, как-то в этих спорах не возникал. Дескать, откуда-нибудь, но добудем. А поэтому, мол, надо оставить все так, как и было. Ну а если что-то и менять... Можно будет придать или даже ввести в штаты танковых соединений артиллерийские части общего типа, то есть те же, что в общеармейских соединениях. Вот таким образом и обеспечить танки поддержкой артогнем...

Да, мнения высказывались разные. Но ратующие за старое упускали одну существенную деталь. Ведь поднятый вопрос по своей сути сводился не к простой, а к непрерывной поддержке пехоты и танков. Притом в любых условиях.

Больше того, нужно было учесть и то, что пехота, даже не поддерживаемая танками, но имея самоходные артиллерийские установки, при бое в глубине обороны противника будет чувствовать себя более уверенно, чем, скажем, в том случае, когда приходилось ждать, подойдет ли артиллерия на конной тяге или даже буксируемая автомашинами. Ведь и у нее защиты от вражеского огня никакой.

Долго дебатировался вопрос о том, кому же должна подчиняться в конечном счете самоходная артиллерия. Н. Н. Воронов ратовал за то, чтобы ее подчинили ему, а командующий бронетанковыми войсками Я. Н. Федоренко требовал, чтобы танкистам.

Но кто будет создавать САУ? На этот счет договорились довольно быстро. Решили, что над вооружением будут работать по заданиям ГАУ, но согласованным с командующими двух родов войск, конструкторы Наркомата вооружения. А непосредственно САУ, то есть шасси и броневую защиту, доведут конструкторы танковой промышленности. Заказчиком в танковой промышленности являлось Главное бронетанковое управление РККА. ГАУ там своей военной приемки не имело. Ремонтная база танков тоже находилась в ведении Главного бронетанкового управления. У Н. Н. Воронова такой базы не было. Следовательно, танкистам, как говорится, и карты в руки.

Кстати, годы войны ГАУ получило тракторное управление, имевшее обязанности по заказам на тягачи. Но это управление было выделено нам без ремонтной базы.

Словом, вопрос о том, кто и в каком объеме будет работать созданием САУ, был в принципе решен. Но вот кому будет подчинена самоходная артиллерия? Это пока так и висело в воздухе.

Конец спорам на эту тему положил И. В. Сталин. Вернее, 25 ноября 1942 года вышло постановление ГКО, согласно которому у нас в ГАУ было создано управление мехтяги и самоходной артиллерии, в обязанности которого входило производство, снабжение и ремонт САУ. Оперативное руководство самоходной артиллерией возлагалось на Н. Н. Воронова. Правда, со временем это решение было пересмотрено, и очередным постановлением ГКО от апреля 1943 года части самоходной артиллерии перешли в подчинение командующего БТ и МВ.

* * *

Но вернемся конкретно к созданию самоходной артиллерии. К осени 1942 года появилась, так сказать, первая ласточка - СУ-76, вооруженная 76-мм орудием с баллистикой дивизионной пушки. Эта установка прекрасно выдержала все испытания и с декабря пошла в серию. Следом за ней была выпущена и СУ-122. Из этих самоходных установок вскоре были сформированы первые полки.

Здесь хочу отметить одно обстоятельство. Когда в войска поступили СУ-76, то некоторые общевойсковые командиры ввиду отсутствия танков решили на первых порах даже использовать их в качестве танков непосредственной поддержки пехоты. Но самоходки, конечно же, не были приспособлены для этого. Вмешалась Ставка, решительно осудив все эти поползновения, и СУ-76 стали выполнять те боевые задачи, для которых они и были созданы.

В 1943 году пошли самоходные установки СУ-152, а затем СУ-85, вооруженные 85-мм орудием. Они, а также тяжелый танк ИС (а с весны 1944 года и самоходная установка ИСУ-122) стали мощными огневыми и ударными средствами в борьбе с фашистскими танками.

Все это было большим событием для армии. А вот мне, начальнику ГАУ, неожиданно принесло личные огорчения. Дело в том, что летом 1943 года Верховный Главнокомандующий предложил мне взять в свое ведение, то есть включить в состав ГАУ, Главное бронетанковое управление. Мотивировкой служило то, что ГАУ, как заказчик, принимает на заводах Наркомата вооружения всю "качалку" танков - пулеметное и артиллерийское вооружение, оптику. А затем поставляет все это на заводы танковой промышленности. Больше того, представители ГАУ даже участвуют в контрольных испытаниях вооружения готовых танков. Ну а Главному бронетанковому управлению остается заниматься только "коробкой" - броней да двигателем танка. А не лучше ли все это соединить?

Предложение было неожиданным и застало меня врасплох. У

нас ведь и без бронетанковой техники дел, что называется, невпроворот. А тут еще принимай ее, имеющую свою специфику и составляющую единое целое с бронетанковыми войсками!

Я начал просить Сталина не передавать в ГАУ Главное бронетанковое управление. Но Верховный нахмурился и посоветовал:

- А вы все-таки подумайте, товарищ Яковлев. Мы еще вернемся к этому вопросу.

Что было делать? Переговорил со своими заместителями. Пришли к единодушному мнению, что надо при следующем разговоре в Ставке по данному вопросу продолжать категорически возражать против передачи в ГАУ бронетанковой техники.

Через несколько дней И. В. Сталин вновь поинтересовался моим мнением насчет включения в состав ГАУ Главного бронетанкового управления. Я стоял на своем. И получил повторный совет подумать. Второй совет!

Я уже знал, что Верховный звонил Н. Н. Воронову и тоже разговаривал с ним по этому вопросу.

Но и другой вопрос: с чего бы это? Может, Сталину что-то не понравилось, он был чем-то не удовлетворен в работе Главного бронетанкового управления? На это я не находил ответа.

Как бы там ни было, но я и на третий запрос Верховного ответил категорическим "нет". Правда, допустил некоторую негибкость: исчерпав все аргументы, в заключение просто сказал, что бронетанковая техника не наша система.

Сталин вдруг рассмеялся и, обращаясь к членам ГКО, сказал, показывая на меня трубкой: - Вот вам и Бывалов!

Сначала я растерялся: что за Бывалов? Но тут же вспомнил фильм "Волга-Волга" и, набравшись смелости, заявил, что меня понимают не совсем так, я вовсе не Бывалов, а Яковлев, начальник ГАУ. А что стою на своем, для этого есть причины. Уверен, что нельзя нарушать в такое время уже поставленное дело. К тому же и бронетанковым войскам, думается, будет удобнее иметь в Москве одно ведомство, то есть своего командующего с техническим управлением.

На этом вопрос и был решен, хотя Сталин, чувствовалось, остался недоволен. Поэтому как не раз еще и в войну, и в послевоенные годы поминал мне Бывалова.

В заключение хочу сказать, что, создавая танковое вооружение и для самоходных установок, ГАУ и Наркомат вооружения и без того имели постоянную, самую тесную связь с Наркоматом танковой промышленности и с Главным бронетанковым управлением. Всю войну эта связь была самой

плодотворной, мы всегда находили общее, наиболее приемлемое решение в интересах танковых войск. Во всяком случае, я не помню, чтобы поступали жалобы с фронтов на пулеметное и артиллерийское вооружение, которое поставлялось Наркоматом вооружения заводам танковой промышленности.

С наркомом В. М. Малышевым и его заместителями, хорошо знавшими свое дело и самоотверженно руководившими нелегким производством танков и самоходных установок, ГАУ всегда работало дружно. А командующий бронетанковыми войсками Я. Н. Федоренко пользовался у нас в ГАУ величайшим уважением. С его аппаратом у нас тоже было налажено самое тесное взаимодействие.

Но перенесемся мысленно в декабрь 1944 года. К этому времени на складах ГАУ скопились сотни тысяч винтовок, автоматов, десятки тысяч противотанковых ружей, пулеметов, минометов, тысячи 45-мм и 76-мм орудий, 37-мм и 85-мм зенитных пушек, а также огромные запасы бронебойных и других снарядов. Именно с этого времени ГАУ по распоряжению Ставки начало отправку скопившихся боеприпасов и вооружения на Дальний Восток. До мая 1945 года, до Дня великой Победы, мы отправили туда около тысячи вагонов с военными грузами. И когда Советский Союз во исполнение союзнического долга объявил войну милитаристской Японии, наши войска начали на этом театре боевые действия, имея все необходимое для быстрейшего разгрома хваленой Квантунской армии.

Глава девятая. Год решающих побед

О истории Великой Отечественной войны 1944 год явился годом решающих побед Красной Армии. В зимне-весеннюю кампанию этого года наши войска осуществили три крупные стратегические наступательные операции: под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму. Наиболее крупной по размаху и результатам была стратегическая операция, проводившаяся на Правобережной Украине. В ходе ее было осуществлено десять фронтовых операций и операций групп фронтов, объединенных общим замыслом. За это время от оккупантов было освобождено 329 тыс. кв. км советской территории, на которой до войны проживало около 19 млн. человек.

Казалось бы, прошедшие 2,5 года тяжелейшей войны должны были бы истощить экономику страны, а заодно с этим и запасы вооружения и боеприпасов. Однако все получилось наоборот. Социалистическая экономика год от года наращивала темпы своего производства, поэтому и огневая мощь нашей армии постоянно увеличивалась. Приведу в этой связи такой пример.

Так, если наличие вооружения в Красной Армии на 1 января 1942 года мы условно примем за 100 процентов, то его рост в последующие годы будет следующим: винтовок и автоматов на 1 января 1943 года - 180 процентов; на 1 января 1944 года - уже 280; пулеметов соответственно - 210 процентов и 450; минометов - 480 и 790; орудий наземной артиллерии - 190 и 290; орудий зенитной артиллерии - 225 и 360 процентов {11} .

Из приведенных данных видно, что в Красной Армии на 1 января 1944 года значительно увеличилось наличие всех видов вооружения. Это произошло как за счет всевозраставших поставок продукции заводами Наркомата вооружения, так и за счет того, что в 1943 году, в период наступательных операций, значительно сократились потери вооружения. Заметно улучшилась и система его сбора на полях сражений, стали более ритмично работать войсковые подвижные артиллерийские ремонтные органы.

Улучшился и учет вооружения во всех звеньях службы артснабжения, был введен строжайший порядок оформления его потерь. В результате всего этого ГАУ уже имело на своих складах довольно значительные резервы вооружения, в небольшом количестве имели их и фронты.

Но наступательные операции 1943 года поглотили невероятно большое количество боеприпасов. Я уже говорил, что их расход не имел себе равных за всю историю войн. Поэтому ГАУ вскоре начало ощущать недостаток по некоторым номенклатурам боеприпасов.

И все же общее наличие боеприпасов на 1 января 1944 года увеличилось, хотя бы по сравнению с наличием на этот же период 1943 года. Вот цифры такого увеличения: по минам (82-мм и 120-мм) - на 7 млн.; по зенитным снарядам - на 3,1 млн.; по противотанковым (45-мм, 57-мм) - на 1,2 млн.; по 76-мм дивизионным - на 1,1 млн.

Но, повторяю, вместе с общим ростом наличия ГАУ ощущало и недостаток по некоторым номенклатурам боеприпасов. И что самое тревожное - по особенно дефицитным. Так, наши запасы по 122-мм снарядам уменьшились на 670 тыс.; по 152-мм - на 1,2 млн.; по 203-мм снарядам - на 172 тыс {12} .

Правда, в действующей армии картина было несколько иной. Там увеличение наличия боеприпасов на 1 января 1944 года произошло по всем номенклатурам, за исключением разве что 152-мм калибра, выстрелы которого уменьшились на 92 тыс. Но накануне решающих наступательных операций и это было для ГАУ тревожным сигналом. Нужно было принимать самые срочные меры для исправления подобного положения.

Но меры мерами, а в 1944 году ресурсы боеприпасов все же

нередко были в явном противоречии с заявками фронтов. Выручил наш героический тыл. Не ошибусь, если скажу, что боеприпасы для фронта стала делать едва ли не вся страна. Несмотря на недостаток мощностей, сырья и электроэнергии, военная промышленность к концу 1944 года значительно увеличила выпуск снарядов и мин, особенно дефицитных, и тем самым обеспечила наступательные операции 1944-1945 годов необходимым количеством боеприпасов.

* * *

А теперь разберем артиллерийское снабжение некоторых операций 1944 года.

Я уже упоминал, что наиболее крупной из них по размаху и результатам была стратегическая операция, проводившаяся на Правобережной Украине. В ней одновременно с обеих сторон участвовало около 4 млн. человек, 45,5 тыс. орудий полевой артиллерии и минометов, 4,2 тыс. танков, САУ и штурмовых орудий, свыше 4 тыс. самолетов.

С советской стороны в операции принимали участие войска 1, 2, 3 и 4-го (без 51-й армии) Украинских фронтов. Но я, чтобы не очень распыляться, расскажу здесь об обеспечении боеприпасами лишь войск двух первых фронтов 1-го и 2-го Украинских. Остальные фронты обеспечивались примерно так же.

Начну с того, что в период подготовки к этой стратегической наступательной операции военные советы 1-го и 2-го Украинских фронтов прислали в ГАУ заявки на отпуск им 161 тыс. винтовок и автоматов, 11 тыс. пулеметов и 4,5 тыс. орудий и минометов. Эти заявки были почти полностью удовлетворены, за небольшим уменьшением лишь количества 76-мм пушек и 122-мм гаубиц. Но все равно войска фронтов начали операцию, имея вооружение полностью (по наличию личного состава в войсках){13} .

К началу операции фронты имели 12,2 млн. снарядов и мин, 700 млн. боеприпасов для стрелкового оружия и 5 млн. ручных гранат.

Как видим (если взять количество орудий и снарядов к ним), обеспеченность фронтов боеприпасами не была слишком уж высокой. Всего 1-2 боекомплекта. Это объяснялось тем напряжением с ресурсами боеприпасов, о котором упоминалось выше.

Однако снаряды непрерывным потоком поступали в войска фронтов и потом, в период проведения операции. В частности, из центральных баз им было отправлено 13,4 млн. снарядов и мин, почти 700 млн. патронов и 3,2 млн. ручных гранат. А о том, насколько интенсивной была эта подача, говорят следующие данные: только за период с 1 по 20 февраля 2-му Украинскому

фронту было подано почти тысяча вагонов (994) и 1-му Украинскому - 325 вагонов{14} .

В организации работы тыла и в системе подвоза боеприпасов эта операция имела свои особенности. Так, транспорты с боеприпасами, подаваемые фронтам из центра, поступали к ним в основном по железной дороге. Подвоз же в войска с армейских складов или их отделений производился армейским и войсковым транспортом. А это было нелегко, так как в феврале 1944 года в районе операции наступила весенняя распутица и транспорт работал в крайне тяжелых условиях. О том, как это было, очень убедительно говорит хотя бы вот такой пример: из 70 автомобилей, отправленных 16 февраля из одного фронтового склада на отделение того же склада (расстояние 120 км), к 20.00 18 февраля (через двое суток!) прибыло только 34 машины. То есть половина из отправленных{15} .

И еще пример. На 1-м Украинском фронте в период с 5 по 15 февраля при подвозе боеприпасов со станции Белая Церковь на отделения склада 27-й армии (ст. Тараща и ст. Лука) 120 автомобилей работали с неотступным сопровождением и помощью 32 гусеничных тракторов. Можно себе представить темпы такой подвозки!

Вследствие непроходимости дорог в отдельных случаях приходилось подносить боеприпасы на руках, пользуясь услугами местного населения. А все на том же 1-м Украинском фронте в период особого бездорожья, когда автотранспорт вообще не мог обеспечивать снабжение войск (особенно танковых, оторвавшихся от своих тылов), командование фронта привлекло для подачи войскам боеприпасов и горючего дивизию самолетов По-2. С 7 по 18 февраля 1944 года этими самолетами в 27, 40 и 6-ю танковую армии с аэродрома в районе Фурсы в район села Баранье Поле и села Джуржинцы было доставлено 4,5 млн. патронов, 5,5 тыс. ручных гранат, 15 тыс. мин (82-мм и 120-мм), 10 тыс. снарядов (76-мм и 122-мм).

Ежедневно этим делом занималось 80-85 самолетов, совершавших по 3-4 рейса. Всего же было сделано 2800 самолетов-вылетов, перевезено более 400 тонн боеприпасов{16} . Стоит ли говорить, как трудяги По-2 выручили работников тыла и артснабжения!

И все же, несмотря ни на какие трудности, подвоз боеприпасов в сражающиеся войска проходил в достаточной мере, обеспечивая их успешные действия в течение всей операции.

Белорусская операция 1944 года - одна из крупнейших стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны. Она проводилась в период с 23 июня по 29 августа.

Планирование и подготовку Белорусской операции Ставка ВГК и штабы фронтов начали весной 1944 года. Целью операции был разгром группы фашистских армий "Центр" и освобождение Белоруссии.

Для разгрома противника в Белоруссии привлекались войска 1-го Прибалтийского, 1-го Белорусского (с вошедшей в его состав вновь созданной 1-й армией Войска Польского), 2-го и 3-го Белорусских фронтов, а также Днепровская военная флотилия. Все четыре фронта имели свыше 1,4 млн. человек личного состава, 31 тыс. орудий и минометов, 5,2 тыс. танков и САУ. Их поддерживали более 5 тыс. боевых самолетов.

По линии артиллерийского снабжения ГАУ фронты в подготовительный период значительно пополнились вооружением и накопили необходимые запасы боеприпасов. Так, в мае - июне участвовавшим в операции войскам было подано 260 тыс. винтовок и автоматов, свыше 10 тыс. пулеметов и около 6,5 тыс. орудий и минометов{17} . В результате обеспеченность вооружением фронтов, привлекавшихся к проведению Белорусской стратегической наступательной операции, по многим видам вооружения была даже выше штатно-табельной потребности.

В артиллерийской подготовке Белорусской операции участвовало более 30 тыс. орудий и минометов, то есть в два раза больше, чем в контрнаступлении наших войск под Сталинградом. Эти орудия только за первый день израсходовали около 1 млн. снарядов и мин. Колоссальная цифра! Но и поставки были немалыми. Например, за период с 1 мая по 22 июня 1944 года ГАУ, согласно утвержденному Ставкой плану, подало фронтам 7,5 млн. выстрелов. А всего их войска к началу наступления имели 17,6 млн. снарядов и мин.

Обеспеченность в боекомплектах была следующей: по боеприпасам стрелкового оружия - от 2 до 2,5; по минам - от 3 до 5; по зенитным выстрелам - от 2,5 до 4; по противотанковым - от 2,2 до 3,5. Причем по 76-мм выстрелам обеспеченность была от 3 до 4 комплектов; по 122-мм гаубичным выстрелам - от 3,4 до 4,3; по выстрелам 152-мм и выше - от 3 до 10. Прямо скажем, обеспеченность приличная.

Но подача шла, естественно, и в ходе операции. Так, с 23 июня по 1 августа фронтам было отправлено 4366 вагонов боеприпасов. А всего за операцию подано 12 348 вагонов{18} .

Базы и арсеналы Главного артиллерийского управления работали в эти дни исключительно интенсивно. Но было бы совершенно неправильным обойти молчанием и четкую работу железнодорожного транспорта, слаженность и полнейшее

взаимопонимание тылов и артснабжений во фронтах и армиях.

Однако в ходе операций боепитание войск то и дело усложнялось. Так, при быстром продвижении наших наступающих частей и соединений для приближения своих запасов непосредственно к потребителям службам артиллерийского снабжения фронтов и армий пришлось выдвигать вперед отделения фронтовых и армейских артиллерийских складов. А это было не так-то просто сделать.

И еще. Ввиду того что восстановление и перешивка железнодорожных путей отставали от темпов продвижения войск, для выброски отделений складов и подачи им боеприпасов использовался чаще всего автотранспорт. Дело шло медленно. Основные же фронтовые и армейские склады перемещались вперед на подготовленные для них станции лишь по восстановлении железнодорожных путей. Словом, еще медленнее. Это-то и приводило по мере развития операции ко все большему отставанию и фронтовых и армейских складов от войск, к увеличению количества выделяемых ими отделений. Так, например, два склада 5-й армии на 1 августа 1944 года размещались раздробленно, в шести разных точках, на расстоянии от 60 до 650 км от линии фронта! Аналогичное положение было и на 1-м, и на 2-м Белорусских фронтах - короче говоря, почти во всех армиях, принимавших участие в операции.

В первую очередь это, конечно же, объяснялось недостатком железнодорожного и автомобильного транспорта, плохим качеством дорог и железнодорожных путей. В этих условиях военные советы фронтов и армий, а также начальники тылов приходили на помощь артснабжению - выделяли по мере возможности специальный транспорт для подтягивания оставшихся в тылу отделений артскладов. Военный совет 3-го Белорусского фронта, например, выделил в распоряжение начальника артснабжения фронта целый автобат в составе 150 машин, а Военный совет 50-й армии - 60 автомашин и тыловую роту в 120 человек.

Точно такие же меры принимались и на других фронтах и в армиях.

Отставание отделений артскладов от наступающих войск вскоре привело к тому, что боеприпасов у них на учете вроде бы было и много, но... они оказывались разбросанными на коммуникациях армий. Достаточно указать, что только во 2-м Белорусском фронте в районах Кричева и Могилева к концу июля подлежали срочному переносу вперед 85 точек с боеприпасами.

А что же предпринималось в подобных случаях? Остановлюсь снова на 2-м Белорусском фронте. Здесь боеприпасы, которые

требовались войскам 3-й и 50-й армий, начали срочно перебрасывать самолетами. И не откуда-нибудь, а из района Могилева, на расстояние около 400 км! Для этой цели было выделено 50 самолетов "дуглас". И они за восемь дней перевезли для названных армий 539 тонн боеприпасов{19} .

Кроме самолетов "дуглас" на этом же фронте для перевозки боеприпасов нередко использовались и легкие самолеты По-2. В частности, это они обеспечивали боезапасом 3-й гвардейский кавалерийский корпус в районе Августовских лесов, когда все дороги, ведущие в эти леса, были на некоторое время перерезаны подвижной группировкой противника. В течение только одной ночи на 21 июля 1944 года несколько По-2 совершили в район расположения корпуса 33 рейса и перевезли 100 тыс. патронов, 360 ручных гранат, 230 снарядов и мин{20} .

В ходе операции весьма полезную работу проделали и ремонтные мастерские фронтов, армий, соединений и частей. Причем доблестные ремонтники не только возвращали в строй поврежденное в боях вооружение, но и нередко первыми опробовали качество произведенного ремонта. Мне, например, как-то рассказали о ремонтной мастерской, которая вместе с армейским складом в районе населенного пункта Ягодка в течение трех суток вела бой с большой группой фашистов, пытавшихся прорваться в наш тыл. Вела, естественно, отремонтированным оружием. Успешно отразила все атаки противника, нанеся ему значительные потери и даже захватив пленных.

За проявленные мужество и стойкость 8 ремонтников были награждены. В том числе орденом Славы III степени - 3 человека, медалью "За отвагу" - 4 и медалью "За боевые заслуги" - 1 человек {21} .

Заканчивая свой рассказ о Белорусской стратегической наступательной операции, подчеркну: в ходе ее было израсходовано всего лишь 6,7 млн. выстрелов, иначе говоря, 5900 вагонов{22} . Расход, прямо скажем, небольшой. А ведь задачи, которые решали в ее процессе войска фронтов, были огромные. В частности, повторюсь, они должны были разгромить группу фашистских армий "Центр" и полностью освободить от ненавистных захватчиков территорию Белоруссии. Что и было сделано.

* * *

Вместе с тем не могу не сказать и о 1945 годе, ибо его начало тоже ознаменовалось двумя довольно крупными наступательными операциями наших войск. Это были Восточно-Прусская и Висло-Одерская стратегические операции. Начались

они почти одновременно, но продолжались разные сроки.

Рассмотрим же ход и исход хотя бы одной из них. А на этом фоне и работу ГАУ по обеспечению операции вооружением и боеприпасами.

* * *

3 февраля 1945 года наши войска (1-й Белорусский фронт, район Кюстрин) вышли на рубеж реки Одер и даже захватили плацдармы на ее западном берегу. До Берлина оставалось всего 60 км. Войска 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов начали готовиться к штурму главной цитадели немецкого фашизма.

Советский тыл в это время приложил максимум усилий, чтобы как можно лучше обеспечить наши войска вооружением для нанесения последнего, решающего удара. Да и вообще, как я уже говорил, в завершающих операциях 1945 года они и без того были полностью обеспечены всеми его видами.

Накануне Берлинской операции потери 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, понесенные ими в предыдущих боях, были полностью восстановлены. Им отправили свыше 2 тыс. орудий и минометов, немало другого вооружения. 2-му Белорусскому фронту такие поставки не требовались, в его войска мы отправляли всего лишь 15 100-мм пушек.

Фронты к началу операции имели колоссальное количество вооружения: свыше 2 млн. винтовок и автоматов, более 76 тыс. пулеметов и 48 тыс. орудий и минометов (сюда входит и реактивная артиллерия){23} .

А вот с боеприпасами дела обстояли иначе. Большой их расход в первом квартале 1945 года повлек за собой некоторые осложнения с обеспечением Берлинской операции. Так, в подготовительный период фронтам было отправлено лишь около 11 млн. снарядов и мин, 292 млн. патронов и 1,5 млн. ручных гранат. В результате наши войска начали операцию, имея боеприпасов для стрелкового оружия - 1 млрд., ручных гранат - 5,5 млн., снарядов и мин - свыше 15 млн. А в обеспеченности по боевым комплектам это являло собой довольно пеструю картину: по 82-мм выстрелам, например, - от 1,3 до 3,0; по 120-мм - от 1,5 до 2,9; по 76-мм дивизионным - от 1,1 до 2,2; по 122-мм гаубичным- от 1,2 до 1,8{24} . Прямо скажем, не густо...

Конечно же, ГАУ старалось восполнить этот пробел. К началу операции в пути к фронтам, как говорится, на колесах, было еще 3,5 млн. снарядов и мин. Из них 700 тыс. 76-мм снарядов и 275 тыс. 122-мм гаубичных.

Подача шла и потом, в процессе операции. За период с 16 апреля по 8 мая фронтам было отправлено в общей сложности 7,2

млн. снарядов и мин, иными словами 5924 вагона.

Расход за Берлинскую операцию составил 10 млн. снарядов и мин, 390 млн. патронов и почти 3 млн. ручных гранат. Для их подачи потребовалось 9795 вагонов{25} .

Подвоз такого количества боеприпасов вызвал большие затраты сил и средств. Ведь он, я имею в виду подвоз по железной дороге, сопровождался перевалками с союзной колеи на европейскую.

Подача боеприпасов армиям производилась, как и в предыдущих операциях, в основном автомобильным транспортом. Так, с 1 по 15 апреля 1945 года в армии 1-го Белорусского фронта боеприпасов было подвезено 5618 автомашин и только 250 вагонов.

А непосредственно в ходе операции эта подача проводилась почти исключительно автотранспортом. Например, за период с 16 апреля по 2 мая армия того же 1-го Белорусского фронта было подано уже 15 518 автомашин и только 20 вагонов боеприпасов.

Как видим, в ходе операции автотранспорт являлся едва ли не единственным средством подвоза боезапаса в войска. И количество машино-рейсов по мере продвижения наших частей и соединений вперед все время увеличивалось. Так, по сравнению с подготовительным периодом это количество возросло в три раза.

А сколько же нужно было задействовать для этого автомашин! Например, тому же 1-му Белорусскому фронту для подвоза боеприпасов только до армий их потребовалось свыше 20 тыс. А ведь от армий их нужно было еще подать дивизиям, затем непосредственно в войска. Следовательно, требовалось еще такое же количество автомашин, если не больше.

А многократные разгрузки и загрузки машин? Нет, это была колоссальная работа! И ее с честью выполнили работники тыла и артснабжения 1-го Белорусского фронта!

В не менее сложных условиях работали артснабженцы и тыловики и на 1-м Украинском фронте.

Но все эти трудности вскоре были забыты под впечатлением блистательного успеха наших войск в Берлинской операции. В ночь на 1 мая 1945 года над дымящимся рейхстагом взмыло красное Знамя Победы. А 9 мая представители германского верховного командования подписали в Карлсхорсте акт о безоговорочной капитуляции. Фашистская Германия была сокрушена!

Примечания

{1}ЦГАСА, ф. 4, оп. 36062, д. 641, л. 43.

{2}ЦГАСА, ф. 4, оп. 14 с, д. 2742, л. 135-141.

{3}Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М., 1958, т. 1, с. 529-530.

{4} Центральный архив Министерства обороны СССР (далее - ЦАМО), ф. 81, оп. 12079, д. 104, л. 86.

{5} ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 104, л. 87.

{6}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 109, л. 134-232.

{7}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 290, л. 31.

{8}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 290, л. 37.

{9}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 290, л. 45-60.

{10}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 47, л. 17.

{11}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 47. л. 23-25.

{12}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 49, л. 152.

{13} ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 409, л. 29-31.

{14} Там же, л. 36-43.

{15}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, л. 52-53.

{16}Там же, л. 55.

{17}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 411, л. 21-29.

{18}ЦАМО, ф. 81, оп. 12079, д. 411, л. 31-33.

{19} ЦАМО, ф. 81, оп. 2079, д. 411, л. 71 -72.

{20} Там же, л. 74-75.

{21} ЦАМО. Ф. 81, оп. 12079, д. 411, л. 124

{22} Там же, л. 92-96

{23}ЦАМО, ф.81, оп. 12079, д. 401, л. 39-48.

{24}Там же, л. 32.

{25}Там же, л.139.